
10 (196) 1990
ЭКО
ISSN 0131-7652
не растерять бы
Кооперация оперяется
Законы – для сильных и трезвых
Судьба автора червонца
Проснемся хозяевами

Читатель и Журнал

В статье В. А. Тихонова «Социализм, кооперация, государство» (ЭКО 4. 90) говорится, что ленинские работы «Империализм как высшая стадия капитализма», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» написаны через год после Великой Октябрьской революции, тогда как первая написана в январе — июне 1916 г., а вторая — в сентябре 1917 г. В результате этой опечатки или ошибки создается впечатление, что В. И. Ленин был сторонником государственно-монополистического капитализма даже год спустя после Великого Октября и тем самым заложил теоретический фундамент для государственного монополизма, сформировавшегося и расцветшего при Сталине.

Д. П. ДУНАЕВ, Улан-Удэ

Облик и содержание ЭКО нужно в корне менять, иначе конкуренты просто съедят журнал, и многочисленная редакторская и журналистская братия останется не у дел. Предполагал, что смена Главного внесет новое, ведь название журнала должно оправдывать содержание.

В. Г. ДЕДИКОВ, Ульяновск

Не могу понять, почему не работает ни одна из моделей хозрасчета? Почему, имея такой арсенал ученых и специалистов в области ведения народного хозяйства, оно, это хозяйство, загнано в экономический тупик? Страну уже положили на операционный стол, а ученые-экономисты все ищут место, где надо сделать первый надрез. Можно ли доверять таким «хирургам»? Жду ваших разъяснений.

Ю. Н. ПЕРЕСЫПКИН, Москва

В заметке Р. А. Чомаряна «Нужна шестидневка» (ЭКО 6. 90) все правильно: и о «грандиозных задачах», и что «работать следует больше и лучше», и про пьянку и частников с кооператорами вместе с их ненормированным днем. Плохо только одно — никакого сравнения заработка тех самых «частников» с заработком трудящихся. Неужели бухгалтер, да еще главный, не понимает, что именно «вкусив радость удовлетворения потребности других лиц и одновременно получив доход» можно за 4 рабочих дня сделать в два раза больше, чем за 6, 7, 12 дней?

П. Я. ПОПОВ, Липецк

Я с уважением отношусь к ЭКО, но Вы огорчили публикацией явно контрреволюционной статьи Д. Ю. Кузнецова «О коммунистической партии и перестройке» в № 5 за 1990 г. Просьба такие вражеские выступления не печатать.

Г. В. СВИНОБОЕВ, Красноперекопск

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ОРДЕНА ЛЕНИНА СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
АКАДЕМИИ НАУК СССР



ЭКОНОМИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА   ВЫХОДИТ 12 РАЗ В ГОД

10 (196) 1990



ИЗДАТЕЛЬ:
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
НОВОСИБИРСК



0131—7652. Экономика и организация промышленного производства. 1990. № 10. 1—224.



Адрес редакции:
630090. Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17
телефон 35-67-83

Заведующая редакцией З. Г. БАГЛАЙ
Технический редактор Г. М. ЖВАКИНА
Корректор Н. В. МОЛИНА

Сдано в набор 20.06.90. Подписано к печати 7.08.90. Формат 84×108 1/32. Бумага книжно-журнальная. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,8. Усл. кр.-отт. 12,43. Уч.-изд. л. 10,9. Тираж 165 000 экз. Заказ № 243. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Издательство «Наука», Сибирское отделение, 630099 Новосибирск, Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука», 630077 Новосибирск, Станиславского, 25.

Вопросы теории

Дорога к свободной экономике

Янош КОРНАИ

Часть вторая

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР

Предварительно я включаю сюда все различные формы общественной собственности. Главный различительный критерий — отрицательный: все, что не является частной собственностью, принадлежит государству. Или, как формулируется в экономической теории право собственности: остаточный доход, разность между доходами и расходами не переходит в карманы физических лиц и потери не оплачиваются той же стороной. Государственная собственность принадлежит каждому и никому.

В Венгрии и других социалистических странах принцип «рыночного социализма» стал руководящей идеей перестройки. Это довольно сложная доктрина, поэтому я оста-

* Начало см. ЭКО 9.90.

новлюсь на существе вопроса. Согласно этому принципу, государственные предприятия должны оставаться в государственной собственности, но созданием соответствующих условий их надо заставить поступать так, как будто они участвуют в рыночных отношениях. Далее я буду употреблять (и критиковать) термин «рыночный социализм» только в этом ограниченном смысле: «рыночный социализм» — это государственная собственность плюс рыночное регулирование.

Я хочу заявить без экивоков: идея рыночного социализма кончилась неудачей. Югославия, Венгрия, Китай, Советский Союз и Польша — свидетельства его фиаско. Пришла пора посмотреть фактам в глаза и отказаться от принципа рыночного социализма, хотя немало людей все еще желают защищать его. Что касается меня, то увольте.

Рыночный механизм — естественный координатор деятельности частного сектора. Это связано, в частности, с независимостью субъекта, принимающего решение в условиях рынка, и с основополагающим значением свободного договора. Бесполезно ожидать, что государственное предприятие будет вести себя так, как будто оно частное, и стихийно действовать, как будто оно субъект, ориентированный на рынок. Пора отказаться от этой пустой надежды раз и навсегда. Просто бесполезно останавливаться на том факте, что государственная собственность постоянно воссоздает бюрократию, а государственное предприятие — органическая часть бюрократической иерархии. На первоначальном, «наивном» этапе реформы мы все лелеяли надежду, что одной ликвидации плановых команд будет достаточно, чтобы создать рыночное регулирование государственных предприятий. Надежда не оправдалась. Прямое бюрократическое регулирование государственного сектора было заменено косвенным бюрократическим регулированием. Различные государственные органы нашли сотни средств вмешиваться в жизнь предприятий. Ликвидировали одну форму вмешательства — тотчас возникла другая. Бюрократическое регулирование — такое же стихийное следствие и естественный способ существования государственной собственности, как и рыночное регулирование — частной. Достаточно 20 лет опыта Венгрии и других социалистических государств, желавших реформиро-

вать экономику, чтобы сделать вывод: пора прекратить полемику и просто признать факты.

Не исключено, что когда государственные предприятия станут островками в море частной экономики, они тоже будут вынуждены вести себя почти так, как если бы они были частными. Однако эту проблему мы можем оставить открытой, ибо сейчас она еще очень далека от реальности. Еще долгое время ситуация будет противоположной: маленькие островки частного сектора в океане государственных предприятий. А государственные предприятия принадлежат к сфере «правительства», а не «бизнеса». В таком качестве их и надо рассматривать. Государственный сектор нельзя «либерализовать» неограниченно; наоборот, за ним нужен глаз да глаз! Всякая организация правительственной сферы имеет тенденцию растрачивать деньги граждан без всякого удержу. Этим мощным тенденциям надо противостоять.

Например, возьмем контору, руководство которой придает большое значение выполнению своих обязанностей. Оно будет всеми средствами увеличивать свой бюджет. Наоборот, законодательный орган, который является ее контролером, должен бороться против этой тенденции, когда планируется бюджет конторы.

Те, кто ратуют за либерализацию сферы государственных предприятий, часто сравнивают руководителя государственного предприятия в Венгрии с оплачиваемым менеджером частной акционерной компании в развитой капиталистической стране. Они убеждены, что социальный статус этих двух руководителей почти одинаков. Но это ошибочно. В частной фирме плохая работа менеджера приводит к потерям для частных лиц, вынужденных оплачивать счета после финансового краха. В отличие от этого в Венгрии руководитель предприятия — чиновник среднего уровня государственной бюрократии. Если он плохо работает, то невозможно обнаружить, кто же страдает, потому что деньги просто текут из бездонного кармана государства.

Будучи сторонником либерализации экономики, я хотел бы быть либеральным и с гражданином, и с владельцем частной фирмы, которые будут рисковать своими собственными деньгами. Наоборот, я за строгий контроль того, как тратятся деньги налогоплательщиков. Если руководитель государственного предприятия хорошо работает,

я не пожалею ему высокой зарплаты. В противном случае его надо просто увольнять. Давайте не питать иллюзий: такой руководитель — не предприниматель. Как и руководители других государственных учреждений, он может увеличивать свои траты почти без ограничений. Пришла пора оставить надежду на то, что можно ужесточить ограничение на его бюджет. Поэтому вполне оправданно, что представители граждан контролируют их работу.

Конечно, для успеха своей деятельности директора государственных предприятий должны быть полностью независимы в принимаемых решениях относительно определения состава и количества производимой продукции, выбора производственной технологии, договоров с поставщиками и с потребителями продукции, а также в найме и увольнении работников. Определение продажной цены должно быть во власти директора государственного предприятия, осуществляться без вмешательства сверху. В отдельных случаях, когда нужно, власти должны предписывать цены. Это, однако, должно быть исключением.

Теперь мы подходим к тем сферам власти, в которых, с моей точки зрения, необходимо ограничивать независимость государственного предприятия.

- Самое главное: государственная банковская система должна строго контролировать получение кредитов государственным сектором. Нужен жесткий денежный контроль. В этом отношении мы не должны уступать никакому давлению.
- Мы должны потребовать такой же строгости фискальной дисциплины в отношениях между государственной казной и государственными предприятиями; должны установить строгие границы компенсирования предприятиям убытков. Надо положить конец попустительству предприятиям со стороны Министерства финансов.
- Политика государственных предприятий в отношении заработной платы не должна либерализоваться. Эта точка зрения противоречит широко распространенному мнению, что государственное предприятие должно быть полностью независимым и в этой области.
- Если будет осуществлена предлагаемая программа стабилизации (см. далее) и если мы сумеем жестко ограничивать предоставление кредита государственным предприятиям и добьемся конвертируемости форинта по реалистическому курсу обмена, тогда (и только тогда) мож-

но будет ослабить особые ограничения на покупку твердой валюты государственными предприятиями. Тогда у предприятия форинты будут в ограниченном количестве, и это сдержит их потребности в твердой валюте.

Если эти условия не будут выполнены, то покупки иностранной валюты государственными предприятиями надо ограничивать прямыми административными мерами.

● Государственное предприятие должно самостоятельно принимать те решения об инвестициях, которые оно способно финансировать из своих собственных средств, банковских кредитов или средств, получаемых на рынке капиталов. Если же в финансировании инвестиций участвуют центральный или местный бюджеты или если кредиты подкрепляются государственными гарантиями, то законодательный орган (парламент, местный Совет), контролирующий государственную организацию и финансирующий этот проект, должен дать свое разрешение. Парламентское решение требуется и в случае, когда инвестиции привязаны к межправительственным контрактам. Мы не должны ставить нынешнее и будущее поколение перед свершившимся фактом, как было в прошлом. Как пример ставших уже пресловутыми проектов назову венгерское участие в сооружении газопровода в Сибири. Если предложение об инвестициях оказывается убыточным или в каком-то смысле опасным, его можно отменить. Избранным представителям народа должно быть дано право добиваться ответственного решения до раскрытия огромного государственного кошелька или до подписания международных контрактов.

● Руководители государственного предприятия не должны иметь права продавать предприятие. Это право собственника, а руководитель — только наемный работник, а не собственник.

Не хочу обманывать читателя: я не верю, что эти принципы обеспечат эффективное функционирование государственных предприятий. Надо честно сказать: это пустая надежда. Государственное предприятие обречено, в особенности потому, что является господствующей формой собственности. Нет такого чудодейственного лекарства, которое помогло бы ему стать высокоэффективным. Правда, вышеприведенные предложения помогут уменьшить эту неэффективность. Однако они оправданы прежде всего по другим соображениям, из которых я назову два.



Главное — защита частного сектора. Ресурсы страны ограничены: и государственный, и частный сектор хотят ими воспользоваться. Но их шансы как конкурентов не равны. Аппетит государственных предприятий безграничен, а на потребности частного сектора наложены жесткие бюджетные ограничения. Хорошо налаженные связи государственного предприятия с банками и властями обеспечивают многие преимущества в получении ресурсов. Жесткое ограничение кредитов, распространяемое на го-

сударственные предприятия, регулирование зарплаты, контроль за государственными инвестициями и другие меры необходимы для защиты частного сектора от вытеснения путем изъятия у него ресурсов. Те, кто серьезно относятся к задаче развития частного сектора, не могут позволить, чтобы доли этих секторов в распределении ресурсов определялись свободной игрой политических и экономических сил.

Нельзя одинаково относиться ко всем секторам народного хозяйства. Те, кто тратит государственные фонды, не может претендовать на такие же права, как и те, кто вынужден полагаться на собственные ресурсы. Гражданин, который тратит свои деньги, требует выполнения главного права человека. Когда деньги идут из государственного кошелька, общество должно осуществлять жесткий контроль.

Твердая фискальная дисциплина и регулирование зарплаты, как и тщательное оценивание любого решения об инвестициях, связанных с использованием государственных ресурсов, служат также целям стабилизации экономики.

Никакая парламентская демократия до парламента Венгрии никогда не сталкивалась с таким огромным государственным сектором. Если мы не хотим, чтобы наш парламент только скреплял своей печатью предложения бюрократии, если мы не хотим, чтобы государственный сектор был парализован бесконечными парламентскими дебатами, у нас нет иного выбора, как наладить сотрудничество между парламентом и государственным сектором, чтобы достичь среднего курса и избежать как чрезмерного вмешательства, так и неограниченного либерализма. Для всех политических сил важно иметь свои собственные небольшие экспертные органы, которые дадут им возможность подлинного контроля за государственным сектором, без вмешательства в его повседневную деятельность.

Кроме того, необходимо организовать учреждения при парламенте (а не при правительстве) — эффективный противовес государственному управлению. Начало положено. Для контроля за расходованием средств государственным аппаратом было организовано Управление контроля по образцу тех, которые имеются в государствах с парламентской демократией. Новое учреждение должно руко-

водить приватизацией государственной собственности и находиться под надзором парламента. Неплохо бы под его контроль поставить Центральный банк, Национальный банк Венгрии. Разумеется, потребуется еще много организаций, независимых от правительственной машины.

Я не хочу возлагать слишком большие надежды на венгерский парламент. Опять-таки потребуется процесс органического развития и длительный период обучения, прежде чем члены парламента и подотчетные ему учреждения станут достаточно опытными для выполнения своих задач. Это подразумевает важную роль пресссы и общественного мнения в координации государственного сектора, особенно в период обучения, но также и позднее. Результаты хозяйствования (прибыли или убытки) государственных предприятий не должны быть закрытыми; те, кто в конечном итоге оплачивает счета — граждане государства — должны быть полностью информированы.

Из вышесказанного логически вытекает, что я сильно сомневаюсь в так называемой «реформе собственности», по которой государственная собственность передается, вместо частных рук, другой государственной организации или фирме в различных юридических формах (например, с передачей долей участия). Точно так же я сильно сомневаюсь в «государственном рынке капиталов», который считаю самой яркой нелепостью всего процесса реформ. Прошлые десятилетия были насыщены псевдореформами; то, что мы наблюдаем сегодня,— последняя волна этих фальшивых, иллюзорных изменений. Эти так называемые решения проблемы работают следующим образом: давайте передадим права собственности, находящиеся у этой государственной организации, другой государственной организации, которая в свою очередь безответственно тратит деньги государства.

Изменения, о которых я предупреждаю, многообразны. Одно из них —«перекрестная собственность»: одна или несколько государственных фирм становятся совместными собственниками еще третьей государственной фирмы. Следующее изменение — это сплетение государственных коммерческих банков и государственных фирм. Банк приобретает долю участия государственной фирмы или, наоборот, государственная фирма становится акционером Госбанка. Еще один проект — так называемая «институциональная собственность», когда государственная страховая

компания или городской Совет покупают государственную фирму.

Все эти формы уже вводились, по крайней мере — частично. В венгерской литературе есть работы, в которых такие изменения защищаются уже несколько лет, в других — настаивают на их дальнейшем распространении. Как бы сильно ни было это течение, я лично определенно против него. Смею сказать, что я не единственный, кто по горло сыт этой практикой имитации. У нас уже многие



имитировали: государственное предприятие — поведение предприятия, стремящегося максимизировать прибыль; бюрократическая промышленная политика, регулирующая расширение или сокращение различных отраслей производства,— роль конкуренции; Госкомцен — рынок в определении цен. Самая последняя новинка — имитация акционерных компаний, рынка капиталов и фондовой биржи. Этот Уолл-Стрит Венгрии — все сделано из глины! Западный специалист, приезжающий сюда на пару недель, скажем, из Международного банка или Международного валютного фонда, может попасть под очарование этих имитаций. Гости из-за границы очень любят то, что кажется им знакомым. Западный человек, бродящий по Будапешту, очень доволен при виде рекламы Макдональда просто потому, что это напоминает ему знакомый вкус бутерброда. Точно так же он рад видеть знакомые банки, акционерные компании или фондовую биржу. Но он не замечает, что эти самые банки, акционерные компании и фондовая биржа — просто муляжи. То, что здесь происходит, является видом «монопольки»— игры, в которую играют не дети, а взрослые чиновники, играют не бумажными деньгами, а рискуют реальными государственными средствами.

Когда я высказываю подобные мысли, обычно следует такой контраргумент: «Почему бы не посмотреть на сегодняшний капиталистический мир? Там тоже множество акционерных компаний, большинство акций которых находится в руках других фирм, страховых компаний, неприбыльных организаций (например, пенсионных фондов или университетов) или местных властей». Действительно, почему я считаю, что доля этой нечастной формы собственности будет в Венгрии меньше, чем в современных капиталистических системах?

Мое твердое убеждение, что история — не кинопленка, которую можно в любой момент остановить или прокрутить быстрее вперед или назад. Социалистическая государственная собственность означает полное, стопроцентное обезличивание собственности. Мы не можем просто повернуть этот процесс вспять, пытаясь уменьшать постепенно процент до 95, 90, 85 и т. д. Пленку надо перемотать и пустить с начала. Посмотрим более внимательно на прошлое и настоящее в капиталистическом мире.

Первые двигатели капиталистического развития во всех

странах — индивидуальные предприниматели: это самые ловкие и везучие мелкие дельцы, которые сразу или в течение поколений накапливают капитал. Предприниматели приходят и уходят; одни выживают, другие терпят крах. Есть такие, которые остаются со своими жалкими магазинчиками или скромными фабричками, а есть и такие, предприятия которых разрастаются до гигантских компаний. Тем временем непрерывно происходит приобретение ими более безличного капитала. Этот капитал принадлежит людям, откладывающим свои сбережения на банковские счета, покупающим акции. С укреплением стабильной собственности, развитием правовой инфраструктуры и этических норм частного бизнеса можно ожидать параллельного распространения различных форм нечастных инвестиций. Конечно, этот процесс означает также, что государство действует как гарант надежности хозяйственных сделок.

Многие из таких инвестиционных форм в конечном счете поддерживаются интересами конкретных частных собственников. Эти интересы оказывают давление на инвестиции неприбыльной организации. Или за нею стоит довольно мощная организация — например, университет или фонд — которая имеет свои собственные традиции и свой собственный орган подлинного самоуправления. Эта организация твердой рукой обеспечивает отдачу на свои инвестиции, тем более, что она также финансово независима и не может рассчитывать на патерналистскую заботу со стороны государства. Доля нечастных инвестиций, таким образом,— функция этого процесса.

Здесь нужно сделать два уточняющих замечания. Во-первых, если предприятие действительно новое, оно редко является нечастной инвестицией. Производство многих новых продуктов за последние 50 лет финансировали из собственного кармана предприниматели или их группы, за исключением нововведений, тесно связанных с военным развитием и крупными инфраструктурными проектами. Естественно ожидать, что правительство будет искать необходимый капитал для строительства нового аэродрома и сотрудничать с местными властями. Но позвольте мне повториться: эта форма — только исключение для тех случаев, когда вводится нечто действительно новое. Обычный же ход вещей таков: пионеры делают большую прибыль на новой продукции, в новой отрасли или новом

рынке, но они же оплачивают убытки при неудаче. Капитал инициатора часто округляется внешними частными инвесторами, главным образом, теми, кто готов рисковать в надежде на исключительно высокие прибыли.

Второе уточняющее замечание, по сути дела вопрос: почему Венгрия должна ориентироваться на этот уровень обезличивания собственности в современном капитализме? На Западе также критикуется обезличивание собственности, и, по моему мнению, эта критика во многом справедлива. По иронии судьбы в современном капитализме есть зачатки социализма. Многие считают, что собственность стала чрезмерно обезличенной в области страхования, медицинского обслуживания и банковского дела. В результате некоторые предприятия уже на грани банкротства, во многих случаях из-за того, что они злоупотребили доверием вкладчиков и предоставили кредит ненадежным должникам. Все это слишком хорошо знакомо венгерскому экономисту. Теперь очередь государства залезть глубоко в свой карман и спасать эти предприятия. Если государство этого не сделает, то вкладчики бросятся спасать свои вклады, что может привести к серьезному финансовому кризису, сходному с кризисом 1929 г. Но следует ли нам в таком случае идти по такому пути? Конечно, нет! Особенно учитывая, что непоколебимая вера в патерналистскую роль государства за последние несколько десятилетий пустила глубокие корни.



Теперь кратко о жаловании руководителей государственных предприятий. Я лично склонен считать процветающего руководителя государственного предприятия высоко уважаемым чиновником, престиж которого не ниже престижа посла, мэра или генерала. Но не впадайте в ошибку: он не бизнесмен! Если он хорошо делает свое дело, он должен много зарабатывать. Однако его зарплата не должна доходить до астрономических цифр. Я говорю это не только потому, что страна сейчас испытывает большие трудности. Если бы все было благополучно, руководитель в госсекторе по-прежнему оставался бы чиновником, получающим зарплату из бюджета, а не человеком, наделенным правом распоряжаться деньгами частных лиц. Зарплату премьер-министра и генералов назначают депутаты парламента. Этот же орган должен устанавливать потолок зарплаты руководителей госпредприятий.

Частичная децентрализация, которую Венгрия осуществила в процессе реформ, развила в руководителях государственных предприятий черты, приближающие их к настоящим бизнесменам. Можно ожидать, что эти явления так же скажутся на их финансовых и нравственных стимулах. Точно так же, как странно было бы платить адвокату премию пропорционально общему числу лет, проведенных обвиняемым в тюрьме, не следует давать руководителям государственных предприятий премии сверх их фиксированного жалованья. В хаосе большей



частью произвольных и искаженных цен и налоговых систем современной Венгрии определение «прибыли» остается главным предметом споров. Неправильно с экономической точки зрения использовать какую-то формулу, чтобы связать премию руководителя госпредприятия с так называемой прибылью предприятия.

ПРИВАТИЗАЦИЯ

Я считаю желательным увеличить долю частного сектора как можно скорее до той границы, когда этот сектор будет производить большую часть валового внутреннего продукта (ВВП). Этого можно достичь только в результате органичного процесса развития и социальных изменений — процесса, который уже тянется одно или два десятилетия. Теперь же стоит задача его ускорения путем ряда практических мер.

Мне не нравится термин «приватизация». Маргарет Тэтчер имеет основание проводить свою политику под таким лозунгом в Британии, где частный сектор пережил период национализации. Более того, там достаточно внутреннего капитала, чтобы выкупить государственный сектор по справедливой рыночной цене. Хотя и там приватизация сталкивается с трудностями.

Каких же целей можно достичь в Венгрии и какие моменты я считаю предрассудками? Рассмотрим сначала последнее.

Государственную собственность нельзя проматывать, просто раздавая ее. Например, абсолютно неоправданно продавать государственные квартиры жильцам по цене, которая составляет только часть их реальной рыночной стоимости. Что еще хуже, покупатель лишь незначительную часть покупки оплачивает наличными. Бывший квартиросъемщик может получить квартиру в сто квадратных метров в Буде, наиболее дорогом районе венгерской столицы, заплатив наличными не более чем рыночную цену за квадратный метр. Это просто нонсенс, особенно если учесть, что тот же квартиросъемщик долгие годы субсидировался государством и платил низкую квартплату.

Некоторое право преимущественной покупки акций руководителям и работникам предприятий и какая-то

скидка представляются оправданными. Но совершенно глупо позволить каждому стать акционером за бесценок, будь это руководитель или просто рядовой работник предприятия.

Предлагалось распределить государственное имущество среди людей на основе гражданского права, позволить каждому гражданину получить капельку капитала. Такое предложение создает у меня впечатление, что папочка-государство неожиданно помер и оставил нам, осиротевшим детям, свое наследство, чтобы мы его поровну разделили. Но государство живо и здорово, и его аппарат обязан распорядиться богатством, доверенным ему, разумно, пока не появится новый владелец, который сможет гарантировать более надежную и эффективную опеку. Дело не в том, чтобы раздать собственность, а в том, чтобы отдать ее в руки действительно лучшего собственника. Для этого должна появиться и укрепиться подлинная заинтересованность в частной предпринимательской деятельности.

Обратимся теперь к моим конструктивным предложениям.

1. Членам частного сектора должна быть дана возможность покупать имущество государственного сектора (по подходящим частям).

Семья должна иметь право покупать государственную недвижимость (квартиры и даже многоквартирные дома, участки, магазины и т. д.). Частные предприниматели должны иметь право приобретать государственные предприятия. В современной Венгрии, конечно, нереально предполагать, что частные предприниматели смогут купить огромные государственные предприятия. Но они должны иметь возможность купить меньшие предприятия. Это станет возможным, если разделить предприятия-гиганты, искусственно объединяющие ряд меньших более здоровых единиц, часть из которых можно было бы затем продать частным предпринимателям.

Современная венгерская экономика расточительно сконцентрирована даже по сравнению с развитыми промышленными странами, и есть много возможностей создать меньшие предприятия, но нет необходимости действовать слишком поспешно. Нужно тщательно проанализировать структуру концентрации настоящих рыночных экономик, в которых конкуренция осуществила естествен-

ный отбор. Надо использовать разные процедуры для гигантской фирмы и государственного овощного магазина или авторемонтной мастерской.

2. Независимо от размера, государственная собственность должна продаваться частному владельцу по реальной рыночной цене. Надо проводить аукционы, извещать потенциальных покупателей о предстоящих продажах. Во многих случаях нет гарантии, что государственное учреждение, которое действует как формальный распорядитель, действительно заинтересовано назначить реалистическую (умеренно высокую) продажную цену. Поэтому при назначении цены полезна работа независимых групп. При некоторых видах продаж запрашиваемую цену легко установить: например, на рынке квартир уровень цен частного рынка дает соответствующую точку отсчета. Конечно, когда речь идет о продаже производственных фирм, задача становится более трудной. Здесь можно исходить из того, сколько должен будет частный предприниматель вложить своих собственных денег, чтобы организовать такое же предприятие.

3. Надо установить кредитную систему, связанную с продажей государственной собственности частным владельцам. Предположим, частное лицо или группа хочет приобрести государственную собственность, оцененную в 20 млн форинтов. Потенциальный покупатель обязан внести аванс 5 млн форинтов продавцу и выплачивать равными взносами остальные 15 млн форинтов плюс проценты в течение не более пяти лет. Данная государственная собственность в 20 млн форинтов становится частной собственностью точно в момент совершения сделки.

Если новый частный собственник не внесет вовремя взнос, он теряет часть своего первоначального вклада (в соответствии с необходимым судебным разбирательством) и собственность возвращается государственному органу. Пример иллюстрирует два важных требования экономической политики. Верхняя граница на объем продаж частным участникам не определяется всем нынешним частным имуществом. Если частный сектор сейчас имеет сотню единиц капитала, которую он может истратить на покупку государственной собственности, то он может купить государственной собственности на несколько сотен единиц, а разницу оплачивать, погашая кредит. Это может значительно ускорить переход государственной собствен-

ности в частные руки. Но кредит надо давать реальным людям во плоти, а не распределять через эфемерный рынок акций.

4. Практика передачи в аренду государственного имущества частным лицам уже распространена в Венгрии. Эта форма определенно нужна. Но нужно избегать двух крайностей. Первая — когда госпредприятие, действующее как арендодатель, требует неразумно высокую арендную плату. Это может побудить арендатора безжалостно эксплуатировать собственность государства; он постарается выжать из нее все, что можно, а потом оставить. И другая крайность: арендодатель транжирит государственную собственность, устанавливая беспричинно низкую арендную плату. Короче, арендная плата должна быть разумной и реалистичной.

Система арендной платы может также помочь переходу к продажам. Арендатор может получить опыт и решить, стоит ли покупать данное государственное имущество. Собственник-государство поймет, какова реалистическая цена, которую можно запрашивать. Имеются хорошо известные формулы расчета стоимости основного капитала на основе арендной платы.

5. Часть государственного имущества Венгрии можно продать иностранным собственникам, но только в той степени, в которой это совместимо с интересами нации. Никакими экономическими трудностями нельзя оправдать распродажу национального богатства.

Давайте исходить из интересов иностранного капитала: он приходит в Венгрию не по доброте своей, а в первую очередь для получения прибыли. Другие мотивы также играют роль: например, он может считать Венгрию плацдармом для десанта и завоевания восточноевропейского рынка. Во всяком случае понятно, что он руководствуется своим собственным интересом, и было бы бессмысленно парализовывать этот процесс по идеологическим или моральным соображениям.

Теперь такой вопрос. Если иностранный капитал заработал свою прибыль в Венгрии, будет ли какая-нибудь прибыль для нашей страны? На него нет универсального и безусловно верного ответа, все зависит от конкретных условий сделки. Абсурдно пытаться привлечь иностранный капитал, не ставя никаких условий: «Пожалуйста, будьте добры, придите и закупите государственное имущество

Венгрии». Венгрия получает выгоду, если разумна покупная цена. Далее, Венгрия может выиграть, если иностранный капитал приносит с собой современное оборудование и управленческие, хозяйственные и технические знания. Иностранные фирмы характеризует зачастую лучшая организация и дисциплина. Их пример часто оказывает положительное воздействие на других.

Конечно, необходимо обдумать возможные последствия привлечения иностранного капитала для занятости. Он мог бы быть выгоден и в этом отношении. Однако, опять-таки, невозможно оправдать сделку на основе лишь одного этого критерия. Мы не должны продавать государственную собственность Венгрии иностранным собственникам за любую цену только для того, чтобы обеспечить занятость. В арсенале политики занятости немало средств, и в каждом конкретном случае нужно находить наиболее выгодное их сочетание.

Имело бы смысл установить верхнюю границу на долю венгерского государственного имущества, которую могут купить иностранцы, но нет никаких оснований распространять такие ограничения на прямые иностранные инвестиции, когда иностранный капитал создает в Венгрии новое предприятие, в основном при помощи иностранных средств.

6. Продажа государственного имущества должна стать основным источником дохода для госбюджета. Поэтому нельзя быть равнодушным к продажной цене. Каждая сделка, связанная с продажей государственной недвижимости по хорошей цене, будь то внутренним или иностранным покупателям, освобождает венгерских граждан от необходимости вносить ту же сумму в казну либо путем уплаты налогов, либо в результате инфляции. Это непостоянный доход, но он может быть получен в момент, когда страна готовится преодолеть самые большие трудности на пути к стабилизации.

7. Население накопило значительное количество денег. Это относится и к частному сектору. Невозможно сказать, каков этот вынужденный «излишек». В любом случае он тяжелым бременем ложится на рынок, вызывая инфляцию. Существуют различные пути связывания этих денег. И один из них — продажа государственной собственности.

Вернемся к нашему примеру с 20 млн форинтов: небезразлично, будет ли первый аванс 2,5 или 8 млн. Лучше

всего, когда как можно большая сумма платится наличными. Однако чрезмерно жесткая приверженность к астрономическим авансам может вызвать серьезные препятствия для продаж. Неизбежно некоторое экспериментирование на рынке.

8. Теперь о том, что я считаю неправильным при переходе акций в частные руки.

Нельзя просто позволить нынешним руководителям присвоить предприятие и самим превратиться из работников, оплачиваемых государством, в собственников или, точнее, в собственников-руководителей. Новые собственники должны иметь развязанные руки, чтобы назначать управляющих — оставить прежних руководителей, если хотят, или найти новых. Новые собственники также должны сами решать, какую зарплату устанавливать управляющим и какими будут финансовые стимулы; сюда должно входить право предложить управляющим долю акций со скидкой. Но совершенно неприемлемо, чтобы прежние руководители сами выбирали, кто будет новым собственником, или предоставляли самим себе возможность становиться новыми собственниками.

Возможность для работников предприятий купить акции со скидкой должна распространяться только на небольшую их часть. Нежелательно, чтобы работники получили все акции (не говоря уже о том, чтобы это было бесплатно, как считают некоторые) и чтобы государственная собственность стала коллективной собственностью работников предприятия. Фактически это привело бы к введению самоуправленческой формы собственности. Что же касается этической стороны проблемы, богатство предприятия в момент перехода в собственность не было создано исключительно работниками предприятия; все граждане участвовали в государственных инвестициях и государственных субсидиях, которые получало предприятие. Нет никакого основания дарить его малой группе граждан. Более того, одним трудовым коллективам повезло бы — они получили бы процветающее предприятие, а другие оказались бы собственниками «отрицательного богатства» — убыточных предприятий. Но самое важное, собственником должен стать тот, кто может хорошо управлять. А по моему мнению, только настоящая частная собственность может обеспечить стимулы эффективного использования ресурсов.

Заранее, путем законов или других правил, невозможно определить, как надо распределять владение акциями. Все, что я могу здесь сказать,— это какова желательная тенденция. Допустим, капитал бывшего государственного предприятия состоит из 10 000 акций. При нынешних условиях в Венгрии было бы неправильно, если бы он оказался распределенным среди 10 000 различных акционеров. Прежняя, совершенно безличная государственная собственность будет заменена столь же безличной частной собственностью. Желательно, чтобы существовал основной индивидуальный акционер или небольшая группа акционеров, способная приобрести значительную часть предприятия (по меньшей мере 20 или 30 % акций), которая имела бы решающее слово при назначении управляющих предприятия и контроле за ними.

Я убежден, что переход к акционерной компании или какой-то другой законной форме частной собственности должен начинаться только тогда и там, когда и где появилась такая группа акционеров или отдельный акционер. Когда такая «материализованная» группа собственников доказала свое право на существование покупкой большого числа акций, готовностью сильно рисковать, оставшиеся акции можно продавать анонимным покупателям. Я лично не верю в успех обратных действий, когда сначала всем и каждому продают акции, произвольно распределяя их количество, а затем радуются, что кто-то в конце концов получит голос в управлении предприятием.

9. Продажа государственного имущества должна проводиться гласно, в рамках закона. Закон должен быть осторожным в регулировании и ограничении прав и обязанностей прежних руководителей.

Только настоящая деловая пресса сможет обеспечить информацией потенциальных покупателей и продавцов. Такие публикации сделают сегодняшие рыночные джунгли более ясными. Обществу надо знать цену, по которой продаются и покупаются государственные квартиры, недвижимость или заводы. Вообще нет места секретности, когда продавцом является государство. Даже в исключительных случаях, когда секретность оправдана, все должно быть открыто парламентскому комитету.

Кроме специализированной деловой прессы, другие виды средств массовой информации, а также политическая



оппозиция будут играть важную роль, разоблачая злоупотребления.

Итак, мы можем сказать, что продажа государственной собственности не должна руководствоваться принципом «как можно быстрее». Подход с точки зрения «хватит, не нужна она» был бы безответственным. Государственная собственность играет определенную роль там, где она мо-

жет решить задачи более эффективно, чем частная собственность. Например, никто не станет предлагать частным владельцам дороги.

Государственную собственность надо продавать частным владельцам, если эта сделка выгодна с позиций всего хозяйства и если есть гарантии, что новый владелец будет хозяйствовать лучше, чем прежний.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМ И ЧАСТНЫМ СЕКТОРОМ

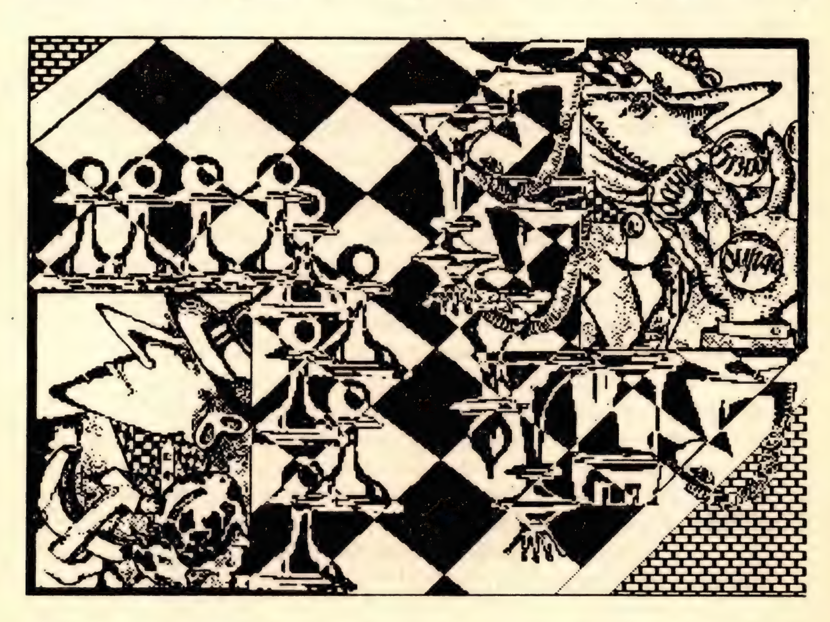
Государственный и частный сектор не следует разделять берлинской стеной. Между ними развиваются отношения, многие из которых здоровые и заслуживают поддержки. Но возникают и такие, с которыми нужно бороться.

Давно пора аннулировать указы и законы, ограничивающие и запрещающие деловые сделки между государственными предприятиями и другими государственными организациями и частным сектором. Я убежден, что тесные экономические связи с частным сектором помогут государственным предприятиям работать более гибко и заполнить пустоты, оставленные экономикой дефицита. Желательно, чтобы частные дельцы осуществляли передачи товаров, произведенных государственным предприятием, другому государственному предприятию, которое их потребляет. Частным посредникам надо разрешить импортировать ресурсы государственных предприятий и экспортировать их продукцию.

Можно с уверенностью сказать, что при таких контактах различные формы коррупции определенно возникнут в отношениях между государственными и частными предприятиями. Это мы уже испытали, и по мере укрепления частного сектора эти случаи станут чаще. Нет таких средств, чтобы герметически закрыть путь к этому отвратительному, но неизбежному сопровождению процесса преобразования, но нужно использовать все возможности, все усилия, чтобы уменьшить его. Это можно сделать с помощью юридических мер и законов этики, которые помогут отличать правильные, честные формы отношений от тех, которые запрещены законом и противоречат мо-

рали. Соблюдение законов и этических норм обеспечивается как с помощью уголовного следственного аппарата, так и общественного мнения. Наверное, более важный фактор успеха здесь — сам успех приватизации. Когда государственный сектор будет терять господствующее положение, усилится дисциплина, диктуемая рыночной конкуренцией, и для частного сектора будет меньше возможностей получить особые преимущества из-за отношений с государственным сектором. Кроме того, экономические изменения (единая система свободных цен, единая конвертируемая валюта, ликвидация инфляции и экономики дефицита)— помогут уменьшить соблазн и возможности коррупции.

Особо скажем о тех, кто одной ногой стоит в одном секторе, а второй — в другом. Возьмем рабочего государственного предприятия, выполняющего в свободное время ремонтные работы. Само по себе его двойное положение непредосудительно. Наоборот, следует с пониманием отнестись к тем, кто хочет сохранить защищенность, которую до сих пор давал государственный сектор, и в то же время повысить свой доход в частном секторе. Люди имеют полное право решать, вести ли им такую жизнь,



удлиняя фактически свой рабочий день, занимаясь самоэксплуатацией. Это их личное дело. Но чтобы такая двойная принадлежность не сопровождалась злоупотреблениями, нужно употребить и юридические меры, и давление общественного мнения. Это безусловно относится и к рабочему, желающему обратить средства производства государственного предприятия в свою собственность или использовать их, не платя арендной платы. Но более серьезны ситуации, когда такую двойную роль играет глава государственного предприятия или организации, оказавшийся одновременно собственником и работающим по найму руководителем или консультантом отечественной или иностранной частной фирмы. Нужны четкие правила, точно определяющие и препятствующие возникновению конфликтов между заинтересованностью и более предосудительной двойной принадлежностью. Такие правила есть во всех развитых западных демократических государствах; их анализ может помочь нам в подготовке подобных мер.

ДРУГИЕ ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ

Рассмотрим еще три формы:

А. Кооперативная. Кооперативы могли бы играть довольно важную роль там, где применимы следующие три принципа:

1. Вступление в кооператив и выход из него свободны.
2. При выходе член кооператива имеет право претендовать не только на свой первоначальный капитал, но и свою долю накопленного имущества.
3. Кооператив действует на основе свободно избранного подлинного самоуправления. Кооператив такого рода является на самом деле особым видом частного партнерства. В этом смысле он не независимый «большой сектор» экономики, а часть частного сектора.

Такие кооперативы уже существуют, и я бы приветствовал их распространение, хотя и сомневаюсь, что их число будет возрастать. Подождем и посмотрим.

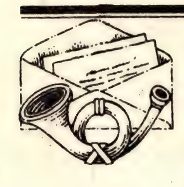
По-другому я смотрю на различные формы псевдокооперативов. Им присущи все отрицательные характеристики бюрократической государственной собственности. В идеале такие псевдокооперативы должны сами добровольно превратиться либо в подлинные кооперативы, или в другие предприятия частного сектора. Как минимум,

псевдокооперативы должны быть открыто признаны государственной собственностью.

Б. Местная государственная собственность. Статус экономической единицы, находящейся в собственности округа, городской или сельской области, нельзя правильно оценить для всех случаев. Здесь важно понять, до какой степени местное управление способно вести себя как настоящий собственник. В этом контексте надо поставить два вопроса. Первый — является ли местная власть подлинно репрезентативной, представляет ли она население данного района политически и демократична ли она. Если ответ отрицательный, можно не сомневаться, что ей присущи бюрократические черты, которые характеризуют классическую общенародную государственную собственность. Другой вопрос касается размера района и населения в юрисдикции местного органа власти. Сельский совет, вероятно, будет выполнять свои обязанности как собственник фирмы внутри своей сравнительно узкой юрисдикции лучше, чем муниципальный совет Будапешта в качестве собственника многих предприятий в столице.

В. Рабочее самоуправление. Я не думаю, что эта форма станет доминирующей, или что сегодняшние государственные предприятия преобразуются в самоуправляющиеся.

Перевод Д. И. ШТИРМЕР



Из писем в редакцию

Общенародная собственность: факт или вымысел?

О социалистической собственности, ее решающем значении в развитии общества, исключительно положительных социально-экономических последствиях, к которым приводит ее господство, сказано и написано много восторженного и превосходного. Иногда кажется, что общество лишь по чистой случайности или какому-то злому року все еще не ступило на обетованную землю. На поверку же оказывается, что существующие ныне воззрения на социалистическую собственность ближе к утопическому, чем научному социализму.

Социалистическая собственность трактуется прежде всего как ассоциированная. Это значит, что все граждане общества совместно присваивают средства общественного производства, являются их собственниками.

В реальной жизни нет ассоциированного присвоения средств производства. Но, может быть, оно теоретически возможно? В экономиче-

ской теории нет и не может быть ничего такого, чего не существует в действительности, ибо политическая экономия познает причинно-следственные связи, сложившиеся в обществе.

Методология марксизма учит тому, что экономические отношения складываются не просто между субъектами, а между контрагентами, т. е. между лицами, занимающими полярные. противоположные позиции, полюса (отношения производителя и потребителя, продавца и покупателя и т. д.).

Отношение собственности имеет место в том лишь случае, если известный объект, пусть средства производства, принадлежит одному лицу, классу и т. д. и не принадлежит другому лицу, классу и т. д. Когда же в обществе складываются такие условия, при которых все его члены становятся одновременно ассоциированными собственниками суммарных средств производства, тогда в том же обществе те же самые условия устраняют несобственников тех же самых средств производства. Исключение из отношения одного контрагента сопровождается прекращением самого этого отношения. Там, где все члены общества становятся совместными собственниками средств производства, торжествует не общая (ассоциированная) собственность, а отсутствие какой бы то ни было собственности.

Политическая же экономия социализма десятилетиями учила и продолжает учить тому, чего не было и нет. Иллюзия социалистической собственности выдается ею за научный факт; созданное на почве умозрительных построений — за добытое посредством анализа действительности; ложное и несостоятельное — за истинное и теоретически обоснованное.

Именно государство, если не смешивать его с обществом или народом, что по недоразумению иногда случается, определяющим образом воздействует на производственный процесс, протекающий во всем народном хозяйстве. Предприятия противостоят ему как несобственники, как коллективные (ассоциированные) производители. С этой точки зрения неверно распространенное ныне утверждение, будто в нашем обществе во взаимодействии производителя и потребителя первый осуществляет диктат над последним.

Не преодолея некогда сложившегося отделения производителя от средств производства, раздвоения производителя и собственника, социалистическое государство не в состоянии устранить и возникшее вместе с ним противоречие — стремление стоять на службе всего народа (исторически), с одной стороны, и защиты своих особых интересов собственника (логически и фактически)— с другой.

Собственник, заботясь прежде всего о самосохранении, не может с тем же рвением и прилежанием заботиться о других. Этим, между прочим, объясняется пресловутый «остаточный» принцип, который применялся всякий раз, когда дело касалось социальной сферы и реального повышения жизненного уровня трудящихся.

Мы утверждаем, что у нас нет социальных преград для НТП, и при этом мы имеем по сравнению с развитыми странами очень высокий уровень ручных работ, а наши изобретатели десятилетиями не могут «пробить» в производство своих изобретений. Почему? В нашем обществе, как считается, преодолена эксплуатация, что, казалось бы, открыло дорогу к свободе творчества, трудовому подъему масс. Но жизнь свидетельствует о падении, затухании активности людей. Почему? Как единственный и исключительный собственник средств об-

щественного производства государство осуществляет монополию на условия, характер, структуру, направления развития народного хозяйства, придавая ему тенденциозность и уродливость форм.

Новые ростки в хозяйственной практике — кооперация, аренда, подряд и т. д.— положительны не только потому, что раскрепощают творческую активность людей, содействуют наращиванию производства потребительских товаров, насыщению ими рынка, покрытию платежеспособного спроса населения. Главное, они кладут начало более существенному процессу — преодолению беспредельного господства государства и его исполнительных органов. В этом корень радикальной экономической реформы, и без этого она не может состояться. Политическая экономия социализма для начала должна отказаться от надуманной, несостоятельной идеи общенародной собственности на средства общественного производства и всерьез заняться научным анализом отношений собственности, не в придуманном, а в реальном, действительном обществе.

В. ШЛЕНКОВ,
кандидат экономических наук,
Самара

Тоталитарная демократия или рынок по Л. Абалкину

В чем принципиальная особенность рынка? На нем каждый выставляет свое, полностью ему принадлежащее достояние. И потому волен свободно этим достоянием распорядиться: принять предложенный обмен или отвергнуть в надежде на более выгодное предложение, но и под угрозой не получить никакого.

Что такое «рынок по Л. Абалкину»? Это игра, в которой государственные предприятия обозвали «самостоятельными». Совокупность индивидуально нанятых работников предприятия столь же произвольно поименована «коллективом», якобы имеющим «большие права» (вероятно, права кидать больше, выше и дальше). Государственный приказчик назван директором.

Назначенные правительством и от правительства зависящие приказчики, оперирующие чужим имуществом и семижды семь раз за него отвечающие, должны изображать «рыночных субъектов»? Очень похоже на кукольный театр, в котором карикатурные разбойники всласть мутузят друг друга мечами, очень похожими на натуральные,— только за ширмой один кукловод.

Теперь позволительно спросить: что, академик Леонид Иванович Абалкин столь неосведомлен в азах теории? Полноте! Позвольте в это не поверить. Тогда в чем дело? А дело в простом: говорить о рынке можно только там, где признана свобода личности, где права любых объединений и органов, включая и правительство, возникают только по воле граждан, где в принципе невозможно запретить человеку объединиться с другими людьми, чтобы произвести товар.

Видимо, до столь радикальной перестройки мы еще не дозрели — во всяком случае, по мнению правительства. Демократия допущена лишь в рамках тотального бесправия.

Говорят, пророком быть легко и даже приятно, достаточно на каждом шагу предсказывать мор, глад и семь казней египетских — сбудется все и сверх того. Провал псевдорынка по Л. Абалкину предска-

зать легко, но не слишком приятно. Ибо мы не в кукольном театре. Догматики жертвуют судьбой страны ради сохранения своего положения.

Дорогая пьеса получается. Как бы благодарные зрители театр не подожгли! Как там пелось: «Аристократов на латерны»? На фонари, то есть.

Ох, доиграется постановщик!

Г. ЗЫКИН,
Алма-Ата

Не разгосударствление, а реальное огосударствление собственности

Государственная собственность — лишь первый шаг к собственности общенародной, потенция общенародной собственности. Превращение потенции в акт — важнейшая задача социализма.

Однако в нашей стране процесс превращения экспроприированных у буржуазии и помещиков средств производства даже в государственную собственность не был завершен. Само социалистическое государство в своей конкретно-исторической эволюции претерпело деформации. Лишь в первое десятилетие нашего государства Советы действительно полновластно присваивали средства производства, планировали и организовывали производство, мобилизовывали ресурсы, инвестировали государственные средства. Но в 30-е годы положение стало меняться. Хозяйственные функции у Советов отбирались и сосредоточивались в руках достаточно автономных и даже монопольных ведомств. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда формальная власть оказалась без реальной собственности, а реальные собственники — без формальной власти.

В ходе перестройки нам предстоит отнюдь не демонтаж (как это можно считать), а восстановление государственной собственности как потенциальной базы собственности общенародной. Лишь первый шаг в этом направлении — начавшаяся реформа политической и экономической систем в СССР.

Государственная собственность — собственность опосредованно народная. Непосредственным же собственником становятся государственные органы. Перспективы развития государственной собственности выглядят следующим образом.

В тех сферах общественного производства, где процесс обобществления дошел до такой степени, что производительные силы не могут рационально функционировать и нормально воспроизводиться иначе, как в форме государственной собственности, уже сейчас правильным будет разделение функции присвоения и хозяйствования. Между государством, субъектом присваивающим, и коллективами трудящихся, субъектами хозяйствующими, возникают отношения арендного типа. Собственник оставляет за собой юридический титул присвоения, право контроля за сохранностью и расширением переданного имущества и право получения части произведенного чистого продукта. Хозяйствующий субъект (хозяин) берет на себя весь риск хозяйствования,

самостоятельно определяя объемы и структуру инвестиций, организуя производство и управляя им.

В немногих базовых отраслях, наиболее реально обобществленных, имеющих стратегическое значение для обеспечения безопасности страны, научно-технического прогресса и важнейших социальных гарантий граждан, государство оставляет за собой и функции хозяйствования: непосредственно планирует производство, из бюджетных средств осуществляет капиталовложения, определяет направления движения продукта. Этот тип централизованного хозяйствования вполне сочетается с полноценной внутрихозяйственной демократией на предприятиях. В этих немногих отраслях вполне мыслим госзаказ, охватывающий 100 % производственных мощностей с жесткой государственной инспекцией качества и с непременными государственными же стопроцентными закупками продукции. В таких отраслях, особенно новых, наукоемких и малорентабельных, требующих повышенных инвестиций и текущих затрат, маловероятен полный хозрасчет и самофинансирование, обеспечивающее расширенное воспроизводство.

Было бы крайне недальновидно и опасно вывести эти немногие отрасли (энергетические, некоторые сырьевые, новые наукоемкие, некоторые отрасли социальной инфраструктуры, возможно, производство зерна) из-под директивного регулирования собственника-хозяина. Над нами не должна довлеть эйфория всеобщей самостоятельности. При всех преимуществах самостоятельного хозяйствования текущие коммерческие цели все равно преобладают над стратегическими хотя бы потому, что стратегические цели требуют рискованных крупных капиталовложений с неопределенной и отдаленной во времени отдачей.

Отрасли, где уровень обобществления, технико-технологического развития, способы труда не требуют централизованного управления воспроизводственным процессом, вполне могут расширенно воспроизводиться на рыночных основаниях. Таковы многие отрасли сельскохозяйственного производства, производство мелкосерийных промышленных товаров народного потребления, услуги, в том числе инженерно-конструкторские, консультативные, экспертные; такова сфера развлечений, физкультуры, спорта. Там государство явно не справилось с возложенными на самого себя обязанностями, а трудящиеся готовы добровольно взять на себя риск и ответственность самостоятельного хозяйствования. Следует отказаться не только от хозяйствования, но и от государственной формы собственности, сознательно образовав иные уклады.

Все формы собственности, если они способствуют достижению гуманистических целей, развертывают творческую инициативу и трудовую активность граждан; подвергаются контролю масс и регулирующему влиянию демократического государства, гарантированы от эксплуататорских извращений — все формы собственности становятся имманентными социализму.

Р. ГУСЕЙНОВ,
кандидат экономических наук,
Москва

Только полный отказ

Кажется, основная проблема экономического и социального развития состоит в том, как бы это исхитриться и одеть штаны через голову. Тем-то, которые стоят в руководстве организаций на Западе, легко. Им что! Положились на волю Бога и только прислушиваются к велению времени. Запрос на продукцию диктует свои права на ее выпуск. Каждая гаечка на учете. Это не то, что происходит в нашей стране.

Денежки в руках марксистских хозяйственников — как бы золотоносная жила. Подходи с лопатой личных запросов и нагребай в мешок собственных потребностей. Вчера гребли в карманы средства приближенные Брежнева, Хрущева, Сталина, а сегодня с таким же успехом используют свои полномочия новые руководители разных мастей и оттенков. Вон их сколько, и каждому дай по потребности.

Что возьмут они к себе в могилу, с чем предстанут перед судом Господа Бога? Да ведь жизнь сама по себе не стоит ломаного гроша! История человеческого общества заканчивает последний акт драмы человеческого бытия. Заповедь «за земными благами не гонись» определяет всю беспомощность человека в борьбе за личное благополучие, и все выглядит совершенно иначе, чем если смотреть глазами грешного человека. То глумились над верой в Господа Бога, а сейчас, когда встал со всей остротой вопрос о крахе иллюзорных мечтаний, то к религии и обратились за помощью.

Откуда ждать подъема экономических отношений, если только и знают в дни церковных празднеств беснованья с героическими трудовыми подвигами, а потом и получается, что советские академики завидуют жизни безработных. Безработица в капиталистических странах — это ведь не то, что готовится для обитателей «социалистического рая». Жизнь в стране Советов ни в коем случае не улучшится, а наоборот, празднословие и грабительское отношение к государственным ценностям будет глубже всасывать наше общество в трясину отсталости.

Только религиозное мировоззрение может вывести страну из того положения, в котором оно ныне обречено быть. Только реставрация монархии может вывести страну из застоя. Голод и бесправие, отсталость и насилие, вражда народов и коррупция партийно-административного аппарата — вот завоевания реального социализма. Сегодня это еще могут как-то пресечь, замолчать подобные высказывания. А завтра? Ведь когда придет час суда, не возопят ли они о гуманизме и демократии, которые смогли бы и в новых условиях как-то защитить социалистическую идеологию.

В. Ф. ЛИНКИН,
Дзержинск, Донецкая обл.



В. И. КУЦЕРЫБ, В. В. ЛИХАНОВ,
Тюмень

Бюрократ — герой нашего времени. Жизнь он сводит к бумажкам. Все документы должны быть временными. К ним — рекомендации. Вроде бы не закон, но попробуй нарушить. Уточнения, поправки и поправки к поправкам. Родная стихия: рекомендации, инструкции, комментарии, положения. Без них ни шагу. Водоворот перестройки захватил и бюрократа.

1985 г. Апрель, Пленум ЦК КПСС. Июнь, совещание в ЦК КПСС. Изучаем материалы. Схема старая. Колея накатанная. Но — стоп. Что-то новое, необычное. Правда и искренность. Открыто говорят о таких вещах!.. Заставляют задуматься. Надо работать. Да еще — по-настоящему.

1986 г. Готовимся к XXVII съезду. Обсуждения, собрания, предложения. Съезд. Перестройка хозяйственного механизма и системы управления. Техническое перевооружение и реконструкция. Загорелись. Даешь техперевооружение! Главный собрал всех молодых специалистов: вам жить и работать в XXI веке, что видите в будущем? Увидели рост производительности труда в 2,5 раза, если заменить оборудование новым, и вроде дешевле будет, чем новое строительство. Написали в вышестоящую. Ждем. В вышестоящих не принято отвечать нижестоящим по существу. Ладно, будем работать на том, что есть, только лучше. Наконец, приказ

министра о переводе на новые условия хозяйствования. Стабильные экономические нормативы. Заинтересованность цехов, участков, бригад, каждого работника в достижении высоких конечных результатов. Когда будет? Подожди, надо изучить все показатели. Организовали для всех учебу по экономике: каждый четверг.

1987 г. Учимся. Конкретно. Показатели планирования и экономического стимулирования, что установлены Минэнерго. Главное, они длительные — на 1986—1990 гг. Министр подписал, с ЦК профсоюза согласовано. Важнейший показатель — рабочая мощность электростанции или коэффициент эффективности в энергообъединении. За один процент роста этого показателя на 9 % увеличивается фонд материального поощрения. Так-то. Всем разъяснили. Положение о премировании написали. За рабочей мощностью строго глядим. Перевыполняем. Еще производительность труда нужно повышать. Нужно и себестоимость продукции снижать: больше сэкономим — больше фондов образуется, причем всех.

Вышел Закон о государственном предприятии (объединении), да еще хорошие постановления. За экономию материалов можно платить до половины их стоимости. Получают электростанции сотни тонн кислоты, щелочи, десятки тонн турбинного и трансформаторного масла. Да мало ли чего еще. И нормы расхода есть, вот только платить надо из планового фонда материального поощрения. Для специалистов, руководителей и служащих текущую премию этот фонд предусматривает. А рабочие получают текущую премию из фонда заработной платы. Стало быть, чем больше рабочий будет экономить материалов, тем меньше специалист премии будет получать. Невыгодно нормы давать. Еще возьмет, да экономию материалов даст. Что тогда? Ближе к хозрасчету разберемся в показателях, а пока экономить надо на всем. Учимся.

1988 г. Високосный. Тяжелый. Тарификация работ. Установление разрядов. Аттестационные комиссии: в цехах, по станции. Зарплату устанавливают. Шум идет. Сокращение. Волнения. Неподдельный интерес к экономике. Откуда взялся? Как же: ляпнешь не то, да на центральной комиссии. Оклад меньше. На три года. Задумаешься. Все на занятиях. Зал полный. На добровольных началах. Система показателей для новых условий. Индекс производительности труда пока для соревнования. К хозрасчету готовимся: с 1989 г. будет. Долой баллы в соревновании: кто быстрее пробежал, кто песен больше спел, сколько начинаниями охвачено, сколько починов взято, сколько ударников комтруда, сколько борются за звание... и прочее, прочее, прочее. К черту показуху. Надоело. Чувство хозяина — вот главное. Радеешь о народной копейке, думаешь, как больше сде-

лать и дешевле — интересы совпадают: твои, бригады, цеха, станции и государства. От труда блага моральные и материальные. Честно заработанные. У всех на виду. Хорошо. Необычно? Привыкнем. Борьба мнений? Да, есть. Главбух — стреляный воробей, на мякине не проведешь, второй трудовой стаж на пенсии зарабатывает. Так он говорит: «Поверьте, сколько накопите, все отберут и спасибо не скажут». А ему еще зарплату повысили до аттестации. Не в коня овес.

Начальник планово-экономического отдела — молодая, прогрессивная. Ее старый начальник накануне перестройки, уходя на пенсию, пуще глаза завещал беречь базу. От нее все нормативы идут. Запомнила. Действует смело, но осмотрительно: семь раз отмерь — один раз отрежь.

Начальники цехов народ шустрый. На лету идею схватят, но внедрять не торопятся. Приглядываются. Прикладывают. Подсчитывают. Что получится?

Наконец-то стали деньги считать. Отрадно. Раньше объемами работ занимались, а деньги — дело управления. Рабочий класс занятий не пропускает. Слушает. Задает вопросы. Предлагает. Иной раз загоняет прямотой своей в тупик. Не знаешь, что ответить. Вот хоть бы ремонтный фонд. Куда экономия идет? Раньше ясно: текущий ремонт — себестоимость, снизил затраты — получил экономию. Капитальный ремонт — другой карман, к себестоимости продукции отношения не имеет.



На ремонтный фонд норматив обещали. После топлива — главная статья расходов на электростанции, миллионы рублей.

Ладно, потом разберемся, что к чему. Пока по-старому. Дальше, как скажут. А там тоже заняты. Реорганизацией. Вместо РЭУ создали ПОЭЭ, вместо главков — ТОЭ. Суть одна и та же, ничего не понятно. Позабыты, позаброшены. Работаем сами по себе. И ничего. Все вертится. Наверху предложения просят по хозрасчету. Мы структурная единица. Обязанностей много, реальных прав нет. Одни декларации. Предлагаем часть экономии от снижения себестоимости оставлять на месте. Можно задачи ставить. Результаты показывать. Вроде приняли: 30 % экономии от снижения себестоимости перечисляйте ПОЭЭ, остальное делите на фонды. Что ж, и рак рыба. Хорошо. Основная прибыль образуется в ПОЭЭ. Но с паршивой овцы хоть шерсти клок. Немедленно рекламируем: знайте все. Ждем, что дальше. Новый год скоро. Переход на хозрасчет, а показателей ни кратковременных, ни долговременных нет. Люди интересуются. Что скажешь? Давай бабки за год подобьем. Примерно миллион на ремонте сэкономили, 630 тыс. на условно постоянных расходах (есть у нас такая статья), 160 тыс. руб.— экономия по фонду зарплаты — на тринадцатую переведем. Материальное поощрение выше, чем у остальных структурных единиц. А их 29, да сургутские гиганты: один блок как две наши электростанции стоит. Приятно. Не лыком шиты. Не зря в экономику ударились. Так держать.

1989 г. Конец января. Наконец получили долгожданные хозрасчетные показатели. Датированы ноябрем. Те ребята порядок знают. Старые каноны не нарушены. А вот и уточнения, дополнения, рекомендации. Разбирая завалы документации, вникнем. Что осталось?

За один процент повышения рабочей мощности (коэффициента эффективности) начисляют в ФМП не 9, а 0,9 %. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Коэффициент обслуживания убрали из-за того, что сложно в энергетике производительность труда считать. Поди разбери, где чей электрон гуляет. Сто тысяч рублей экономии из ФМП изъяли, не спросив у СТК. Разъяснили: не все в строку пишется. Вы структурное подразделение, не предприятие.

Насчет ремонтного фонда вышло уточнение. Временно, дескать, пока его нет, заложите в себестоимость постоянной величиной амортизацию, что на капремонт идет, а плановые затраты — на текущий. Величина постоянная. Стало быть, экономии от снижения себестоимости по этой статье нет. На чем экономить?

В марте (датировано декабрем) пояснили, что ФМП образуется только в ПОЭЭ и распределяется (за вычетом резерва) между структурными единицами как

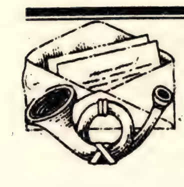
Господь пошлет. Шибко не спрогнозируешь.

Насчет выплаты за экономию материалов — сами промышляйте, ФМП это не образует.

Остались рожки да ножки. Как в этих условиях хозрасчет строить? На кофейной гуще гадать? Старики говорят: так было, так будет. Плетью обуха не перешибешь. Поди ты их разуверь.

1990 г. Аренда дело хорошее. На пятом году перестройки получили и мы из Минэнерго СССР «Положение о хозрасчете электростанции, действующей в составе энергосистемы на правах организации арендаторов». Организовали занятия, разработали мероприятия по подготовке электростанции к переходу на арендные отношения с энергообъединением, делаем проверочные расчеты. Но одно смущает: дополнительная выручка за перевыполнение рабочей мощности настолько скромная, что может быть легко перекрыта другими составляющими прироста хозрасчетного дохода. Достаточно выполнить рабочую мощность на 100 %, а будет ли это для пользы дела?

С теплом сложности. Нормативные показатели разрабатываются месяцами, многократно проверяются. Действуют пять лет... но немедленно пересматриваются, если будут превышены более чем на 1—2 %. Значит, по новым нормативам электростанция возвращается к своим баранам, да еще наказывается долгим пересмотром показателей. Не потому ли приходится то там, то тут создавать штабы по ликвидации аварий?



Из писем в редакцию

Бухгалтерская причина технического отставания

Начисление амортизационных отчислений в течение фактического срока службы оборудования противоречит их экономическому смыслу. На практике зачастую на себестоимость переносится двух-трехкратная стоимость основных средств. Так, в научно-исследовательских организациях, при норме амортизационных отчислений на лабораторное оборудование — 20 %, полное возмещение затрат происходит уже через 5 лет. Начисление амортизации в течение дальнейшего срока службы искажает результаты хозяйственной деятельности. Завышается себестоимость, а стало быть, и снижаются облагаемые налогом прибыль или доход, платежи в бюджет. Особенно остро это искажение проявляется при углублении внутреннего хозрасчета на пред-

приятии. Хозрасчетное подразделение — держатель основных средств — не может понять, почему, заплатив за прибор, к примеру, 5000 руб., оно вынуждено относить на свою себестоимость сумму более 5000 руб.

По существующим правилам искажения можно избежать, если предприятие будет списывать основные средства после полного переноса их первоначальной стоимости (износ — 100 %) на вновь созданный продукт. Однако положение о списании основных средств предусматривает обязательную их ликвидацию, что не всегда экономически выгодно.

Хочу обратить внимание на порядок реализации излишних и неиспользуемых основных средств. Основные средства реализуются по остаточной стоимости, определяемой как разница между первоначальной стоимостью и износом. Если износ равен или превышает первоначальную стоимость, предприятие должно продавать основные средства бесплатно, что абсурдно.

Резюмирую: существующие правила начисления амортизационных отчислений, учета износа основных средств, их списания серьезно противоречат зарождающимся элементам здравого смысла и тормозят дальнейшее развитие хозрасчета. Необходимо в ближайшее время принять следующие предложения.

1. Делать амортизационные отчисления только до 100 % износа основных средств, причем только на реновацию. Предоставить предприятиям право самостоятельно планировать затраты на капитальный ремонт, а фактические затраты по нему относить напрямую на себестоимость.

2. Дать предприятиям и хозрасчетным подразделениям право самостоятельно устанавливать нормы амортизационных отчислений на реновацию с учетом рекомендуемых норм в целом по народному хозяйству. При переходе к рыночной системе предприятие, закупая на рынке оборудование, должно самостоятельно определять срок его окупаемости по итогам анализа положения на рынке.

3. Разрешить реализовывать основные средства другим предприятиям по договорным ценам. Разницу между договорной ценой и остаточной стоимостью основных средств относить на прибыль (убытки) предприятий (подразделений). Эти меры приведут к более реальному отражению результатов хозяйственной деятельности, к значительному упрощению расчета амортизационных отчислений.

В. А. ЗВЕРЕВ,
Новосибирск

Новые формы хозяйствования



ЧТО ТАКОЕ КООПЕРАЦИЯ И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ?

А. Н. ШАПОШНИКОВ,
кандидат экономических наук,
Институт экономики и организации
промышленного производства СО АН СССР,
Новосибирск

Новая кооперация породила эйфорию. Казалось, будет сделано, наконец, то, что за 70 лет не удалось могучему государственному сектору. В речи по проекту закона о кооперации Н. И. Рыжков обещал, что кооперативы кардинально изменят ситуацию в обслуживании, сельском хозяйстве, вовлекут в производство инвалидов, пенсионеров, домохозяек и т. д. и т. п. Увы, надежды не оправдались. Почему?

КООПЕРАЦИЯ И БИЗНЕС

Закон о кооперации при всех его недостатках дал многое. Он

открыл дорогу мелкому бизнесу, узаконил право людей на объединение для совместного хозяйствования. Хотя это лишь один из многих распространенных в мире видов предпринимательской деятельности, причем самый, пожалуй, «непредпринимательский», поскольку в нем действуют наиболее сильные ограничения, Закон о кооперации стал практически единственной отдушиной для предприимчивых людей. И они в нее ринулись...

Общество, к тому моменту убежденное в том, что новоявленные бизнесмены заторопились удовлетворять его потребности, через короткий промежуток времени стало испытывать чувство, похожее на шок. В кооперативном клондайке реальностью быстро стали даже миллионеры... Это было обидно, очень обидно, мы ждали товаров и услуг, а они, оказывается, только о прибыли и думают... И на кооперативы обрушиваются такие ограничения и сокрушительные налоги, которых нет даже для сверхкрупного бизнеса. В итоге — ни новой кооперации, ни развитого предпринимательства. Бизнес получил право на жизнь, но только в «предпринимательской» кооперативной форме, лишающей его большей части прав и свобод истинного бизнеса.

Ну что ж, хоть и задним умом и не в первый раз, а все-таки полезно осознать, что одно лишь принятие Закона о кооперации не может улучшить положения потребителя и создать полноценное предпринимательство в нашей системе общественного устройства.

Если мы хотим, чтобы платежеспособный спрос удовлетворялся гибко и полно, ресурсы использовались эффективно, научно-технические идеи реализовывались оперативно и т. д., необходим полноценный рынок. А он немыслим без многообразия малых предприятий, основанных на всем спектре отношений собственности и действующих исключительно на основе рыночных интересов. Индивидуальные и семейные предприятия, бизнес на основе мелкогрупповой собственности, разнообразные товарищества, общества, компании, малые акционерные фирмы, венчурные формы предпринимательства, арендные коллективы, народные предприятия, кооперативы, короче, все, что позволяет людям, свободно работая на основе законов и здравого смысла, извлекать собственную выгоду и приносить одновременно пользу потребителям, обществу, а главное — что заставляет производителей конкурировать за потребителя.

Давно известно, что все те многообразные задачи, которые мы попытались возложить на кооперацию, способны решить только малые предприятия самого разнообразного вида, да и то лишь при наличии развитого рынка и нормально работающих «старших братьев» — средних и крупных предприятий, общенациональной

инфраструктуры, эффективной помощи и регулирования со стороны государства и т. д.

Стоит ли подробно рассматривать функции, какие способен эффективно выполнять мелкий бизнес в этих условиях? Одно их перечисление способно произвести впечатление. Здесь и быстрое реагирование на изменение спроса, способность оперативно насыщать рынок многими видами товаров и услуг, и производство уникальных, малосерийных, ориентированных на очень избирательный вкус товаров и услуг, и стремление под влиянием конкуренции производить высококачественную продукцию с минимальными ценами, и возможность мобильного перелива капиталов из одной отрасли в другую, и выполнение функций разведчиков научно-технического прогресса, внедряющих на практике любые идеи, способные дать быстрый практический эффект, и быстрое создание новых рабочих мест, на которых может быть занято большое количество работников, включая временных, с ограниченной трудоспособностью, возможность использования которых в общественном производстве резко ограничена, и более эффективное использование материальных ресурсов, когда в производственное использование вовлекаются огромное количество разнообразных зданий, сооружений, помещений, принадлежащих людям и не используемых в масштабах крупного производства, возможность во многих случаях эффективного использования местных некрупных или малопривлекательных для большого бизнеса запасов сырья и материалов и т. д., и более эффективное использование финансовых ресурсов, когда люди используют свои накопления для финансирования собственного производства.

Малые предприятия — специфический инкубатор предпринимательства. Там прирожденные предприниматели могут быстро проявить свой талант, организовав такое предприятие, которое в наибольшей степени соответствует их желанию. Это — основной источник главного национального богатства — предприимчивости и деловой активности.

Масса малых предприятий, действующих независимо от государства, создают незаменимую экономическую базу прав человека в обществе. Уровень и характер обращенности малых предприятий к своему работнику, к потребителю неизбежно создает тот средний или минимально приемлемый уровень нормального отношения к человеку, которого должны придерживаться все остальные хозяйствующие субъекты.

Кооперация, как показывает мировой опыт, в нормальном обществе с рыночным типом регулирования экономики наиболее эффективна в сельском хозяйстве (когда объединяются индивидуальные товаропроизводители типа фермеров, в сфере снабжения, сбыта, кредитования. Как форма организации современного

бизнеса она чаще всего неконкурентоспособна, кроме случаев, когда кооперативы возникают путем объединения независимых товаропроизводителей с целью содействия их индивидуальному или групповому бизнесу. Большинство кооперативов, зарегистрированных в мире, работают в сельском хозяйстве (37 %), в сфере кредита (29%), в потребительской сфере (10 %). Данные о структуре советской «новой» кооперации дают прямо противоположную картину. Большинство кооператоров-бизнесменов работают в городах (в строительстве, производстве ТНП, услуг и т. д.) и лишь чуть более 2 % — в сельском хозяйстве. Кредитная кооперация до сих пор отсутствует. Это говорит о том, что в СССР кооперативы сегодня — это лишь условное название основной части легально действующего мелкого бизнеса (по моей оценке, примерно 80 %), надевшего кооперативную «шапку».

Что же делать с этой, с позволения сказать, кооперацией? Ответ прост — надо назвать вещи своими именами и легализовать бизнес, сняв с него тесные кооперативные одежды.

Производственные кооперативы в этой ситуации станут одной из форм предпринимательства со своей спецификой, состоящей в том, что производственные функции по профилю кооператива должны выполняться только его членами, основные вопросы должны решаться общим собранием, прибыль (за исключением части, расходуемой на удовлетворение социально-культурных потребностей и на производственное накопление) по утверждаемой общим собранием смете должна в конце года обязательно в разовом порядке полностью распределяться между членами кооператива. В подобных условиях производственные кооперативы уходят из серьезного или рискованного бизнеса в сельское хозяйство, сферу обслуживания и т. д. из-за «неконкурентоспособности» по отношению к акционерному, частному и другим формам бизнеса. Например, при нормальном прогрессивном налогообложении получение больших прибылей с их последующим разовым распределением в конце года невыгодно, а большие инвестиции требуют расширения рабочих мест и числа членов кооператива. Это приводит к усложнению управления, падению его эффективности и в результате неизбежно перерождает кооператив, например, в акционерное общество. Кроме того, определение размера вознаграждения общим собранием неизбежно порождает уравнительность, а наиболее талантливые и одаренные предприниматели недооцениваются. Им лучше завести собственное дело или пойти менеджером в акционерное общество, чем «усреднять» свой талант среди членов кооператива. В итоге в кооперативе остаются достаточно сопоставимые по возможностям (а следовательно, и по уровню зара-

ботка) люди. Действуют и многие другие причины.

«Нормальная» кооперация появится в СССР в том случае, если будет разрешено свободное развитие малого бизнеса.

К ВОПРОСУ О ЗИГЗАГАХ

Итак, необходимо развитие многосекторной экономики, в рамках которой должны свободно функционировать многообразные формы малого предпринимательства. Что же для этого нужно?

Самое главное — устойчивая, долговременная политика, дающая предпринимателям уверенность в завтрашнем дне. Разве возможно развитие предпринимательства там, где его носитель в любую минуту может оказаться неимущим «экспроприированным», а то и того хуже?

В развитии кооперации можно видеть поучительные этапы. На первом (1987 — зима-весна 1988 г., до принятия закона) кооперация развивалась на основе постановлений Совета Министров СССР. В этом периоде действовал сугубо разрешительный и предельно бюрократический порядок возникновения кооперативов, они не имели прав самостоятельного существования и могли открываться лишь при какой-то организации, предприятии. Существовало два барьера на открытие кооперативов — местные органы власти и предприятие. Была жестко ограничена сфера их деятельности, они испытывали огромные трудности с сырьем, материалами, машинами.

В целом это время можно охарактеризовать как период самовластия бюрократии, переходящего в ряде случаев в самодурство. Местные власти, да и администрация предприятий относились к кооперативам как к полностью подконтрольным бесправным структурам, что вызывало чувство негодования и протеста. В отношения между сторонами были внесены вражда и недоверие, и если не предусмотреть специальных мер, то старые ошибки с неизбежностью повторятся.

Второй этап начался с принятия Закона о кооперации в начале 1988 г. и продолжался примерно до конца года. Поразительным образом в считанные недели отношения между кооперативами и местными органами власти превратились в прямо противоположные — полная вседозволенность для кооперативов при почти всеобщем параличе местных органов власти и контролирующих структур. Последние оказались не в состоянии конструктивно работать с кооперативами. Большинство работников райфинотделов, как только их задачи выходили за рамки заполнения знакомых им форм, не могли даже поверхностно разобраться в деятельности кооперативов.

При полной бесконтрольности многих кооперативов, которые занимались чем хотели, не вели ни-

какого учета — даже ОБХСС получил распоряжение не трогать их! — более или менее строго выполняли свои задачи только банки. Воспользовавшись бесконтрольностью, в кооперативы хлынули махинаторы и ловчилы, представители мафии и т. д. Их деятельность нанесла и продолжает наносить кооперативному сектору колоссальный урон, дискредитируя его в глазах общества. Наряду с ними в большом количестве сюда пошли и наивные ловцы легкой удачи, чаще всего некомпетентные, мало что умеющие люди. В прошлом они оправдывали свою неудачливость тем, что бюрократы не позволяли им развернуть их таланты и возможности. Эти люди хватаются за все подряд, что сулит с виду легкую прибыль, совершенно не стремясь вникнуть в суть дела, стать специалистами в какой-либо сфере. Таких людей в государственном секторе не меньше, чем в кооперативном, но там они не так заметны.

Второй период воочию продемонстрировал всю неэффективность полумер, которые к тому же были плохо подготовлены и реализованы. В результате — резко ухудшилось отношение общества к кооперативам. Здесь сказался и общий рост неудовлетворенности ходом перестройки. Так кооператоры оказались в роли «козлов отпущения».

Третий период — атака на кооперативы. Его можно условно обозначить с зимы 1988 г. до лета 1989 г. Был принят целый ряд постановлений с запретами и ограничениями. Менее чем через год после своего рождения кооперативный сектор был предельно ограничен. Расхождение между декларациями и реальностью стало столь внушительным, что с помощью консолидации сил сторонников кооперативов удалось отменить ряд ограничений.

С середины 1989 г. начался четвертый период — неустойчивого равновесия сил. Кооперативный сектор закрепился в обществе и продолжает расширяться в условиях жесткой борьбы за выживание на всех фронтах. Антикооперативные силы везде и всюду стремятся нанести как можно больше чувствительных ударов кооперативному бизнесу, стремясь максимально подчинить его приказному контролю.

При таком шарахании из крайности в крайность нормальные кооперативы не смогли устоять и в своей массе исчезли. Выжили наиболее сильные. Наш опыт новой кооперации показывает, что при развитии малых форм предпринимательства следует сделать все, чтобы избежать зигзагов.

КООПЕРАТИВЫ И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Опыт многих предприятий по переводу части подразделений на кооперативную основу оказался плачевным. Этот процесс очень

сильно тормозился многими социальными и экономическими причинами. Практически все сторонники перевода каких-либо подразделений в кооперативы чего-нибудь боялись.

Руководители предприятий — того, что цех-кооператив, почувствовав вкус к самостоятельности, уйдет с предприятия, что высокие заработки кооператоров вызовут нежелательную реакцию у других работников и т. д. Руководители подразделений боялись, что кооператив будет требовать повышенную плату за свои услуги или откажется выполнять какие-либо услуги и работы для их подразделений. Руководители переводимых в кооператив подразделений — потерять гарантированное материально-техническое снабжение, отказа сильных работников пойти в кооператив, неизбежного повышения конфликтности при переходе на кооперативную основу. Рядовые работники опасались потерять социальные гарантии, боялись, что не попадут в кооператив и их уволят с предприятия и т. д. Специалисты предприятий (бухгалтеры, юристы, экономисты) боялись браться за эту проблему, ибо юридической и нормативной базы перевода цеха в кооператив практически не было, и была опасность показать свою некомпетентность. Многие (и рабочие, и руководители) не без оснований опасались, что при переходе в кооператив придется прекратить давать взятки в виде свободной раздачи нужным людям государственных ценностей, что придется работать значительно больше и напряженнее при неочевидных гарантиях заработка. Все это подкреплялось неверием в кооперативные перспективы.

По данным социологического исследования, проведенного под руководством автора, об отношении работников крупного предприятия (Березовская ГРЭС-1) к переводу цехов на кооперативную основу, из 128 опрошенных руководителей треть были за, чуть более трети — против, четверть не имели четкой позиции. Среди рабочих (160 человек) соотношение несколько иное: 20 % согласны были переводить цех, в котором они работали, в кооператив, 40 были против, 38 % затруднялись определить свою позицию. При этом из числа рабочих, возражавших против перевода цеха в кооператив, 40 % объясняли свою позицию неуверенностью в будущем кооперативного сектора вообще.

Нежелание переходить в кооператив треть рабочих объясняла их принципиальной позицией против кооперативов.

Помимо чисто субъективных причин есть и серьезные объективные сложности. На многих (может быть, на большинстве) предприятиях нет серьезного внутреннего хозрасчета. В цехах, участках и бригадах точно не считают затраты, объемы произведенных работ. Перевод цеха или бригады в кооператив означает помимо устранения этих недостатков прекра-

щение бесплатных услуг и работ, ставших на каждом предприятии повседневной практикой во внутризаводских отношениях между цехами, участками, бригадами и т. д. По сути все это означает опасность разрушения технологических связей внутри предприятия.

Добавим сюда проблемы гарантированности материально-технического обеспечения, трудоустройства высвобождающейся рабочей силы и т. д. Да и само понятие кооператива начинает носить ярко выраженный негативный оттенок, создает дополнительный психологический барьер.

Богатые возможности дают новые организационные формы малого предпринимательства, во многих отношениях более эффективные, чем кооперативы. Особенно интересны так называемые малые предприятия, которые могут создаваться при любом госпредприятии. В статус малого предприятия может быть переведено любое подразделение, ему передаются необходимые основные фонды, оборотные средства. За ним закрепляется часть технологического процесса либо функции по его обслуживанию. Благополучие такого предприятия будет полностью зависеть от успешности выполнения этих функций. Организатор может ликвидировать малое предприятие при неудовлетворительной его работе. Это создает возможность быстро наращивать и сокращать производства, изменять их профиль.

В этих условиях кооперативы должны найти свое собственное место. В первую очередь они могут ориентироваться исключительно на удовлетворение потребностей работников данного предприятия (торгово-закупочные, по оказанию строительных, бытовых, транспортных и иных услуг), оказывать чисто потребительские услуги как в традиционных (строительство гаражей, жилья), так и в нетрадиционных сферах (кооперативный детсад, объединяющий матерей с детьми, кооперативный спорткомплекс и т. д. и т. п.). Бизнес в эти сферы либо не идет, либо создает очень дорогие услуги. Если же кооперативы, работающие в этих сферах, будут нацелены исключительно на удовлетворение потребностей работников данного предприятия, то они смогут получать солидную финансовую и иную поддержку от предприятия. Это даст возможность более эффективно использовать средства, выделяемые предприятием на социальные нужды работников.

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ И КООПЕРАТИВЫ

Взаимоотношения местных органов власти и кооперативов сложны и противоречивы. Об этом говорят проведенные нами совместно с Ассоциацией сибирских городов социологические обследования. Они проводились дважды: осенью 1988 г. и ровно через

год — осенью 1989 г. В том и другом случаях председатели горисполкомов сибирских городов отвечали на одну и ту же анкету.

В 1988 г. кооперативная эйфория охватила и местные органы власти. Подавляющая часть опрошенных тогда считали, что нужны все виды кооперативов — от общественного питания до медицинских. Более того, абсолютное большинство опрошенных полагали, что широкое развитие кооперативов в будущем позволит полностью ликвидировать дефицит стройматериалов, строительных, транспортных и бытовых услуг, кондитерских и хлебобулочных изделий, многих товаров народного потребления. Более половины опрошенных полагали, что можно полностью устранить дефицит услуг общественного питания... Но уже через год энтузиазма в оценках поубавилось. Так, например, число считающих, что можно полностью устранить дефицит кондитерских и хлебобулочных изделий, снизилось в 5 раз, одежды — в 2, услуг общепита в 4, услуг культурного проведения свободного времени — в 2 раза и т. д. Однако это не относится к оценке производства стройматериалов, услуг по ремонту жилья, строительству домов, гаражей, дач, погребов, бытовым и т. д.: очень высокая доля опрошенннных (до 60 %) не изменили мнения и полагают, что здесь дефицит можно полностью устранить за счет кооперации. 1989 г. укрепил веру представителей горисполкомов в то, что кооперативы могут полностью ликвидировать дефицит в этой среде.

Отсюда вытекает, что в первую очередь нужно усилить работу по развитию различных форм предпринимательства (в том числе и кооперативов) в сфере производства стройматериалов, бытовых и строительных услуг.

Снижение оценки роли кооперации в устранении дефицита сопровождалось существенным поворотом к более позитивному отношению к кооперации в целом. От 20 до 40 % опрошенных в 1989 г. указали, что многие кооперативы (ремонтно-эксплуатационные, архитектурно-проектировочные, информационно-справочные, консультационные и некоторые другие) целесообразно открывать при горисполкоме. Два года назад такая постановка вопроса выглядела бы крамолой. Не менее убедителен такой факт. В 1988 г. в городах, где велся опрос, было в среднем 53 кооператива. На вопрос: «Сколько кооперативов необходимо в вашем городе»— основная масса руководителей горисполкомов считали необходимым «уполовинить» и без того слабенький кооперативный сектор. В 1989 г. среднее количество кооперативов было уже 130 на один город, при этом руководители города полагали, что надо иметь более 150 кооперативов.

В 1988 г. в городах, где проводился опрос, кооперативы давали 0,3 % приходной части город-

ского бюджета, и на вопрос о том, какой величины достигнет эта доля к 2000 г., опрашиваемые ответили, что примерно 2 %. Но уже в 1989 г. эта доля достигла 4 %. Неудивительно, что горисполкомы за дальнейшее развитие кооперации.

Местные органы власти заинтересованы в кооперации, но кооператоры утверждают, что война с бюрократией продолжается, легче не стало. Парадокс. В чем же дело?

Представляется, что в самой грубой форме ситуацию можно объяснить так. Если во второй и частично в третий период развития кооперативов часть контролирующих и местных органов власти действительно боролись против кооперации, то постепенно характер борьбы изменился. Теперь она идет за полное подчинение кооперации, превращение ее в подконтрольную структуру, как это было на первом этапе.

Понятно, что это лишь общая тенденция, в рамках которой существует много разнообразных течений и процессов. Тем не менее все более очевидно, что необходим переход к активной конструктивной помощи всем формам малого предпринимательства. Исполкомы должны резко активизировать свою учредительскую и предпринимательскую деятельность. Они могут стать своеобразными инкубаторами тех форм предпринимательства, которые особенно нужны людям, городу, но по различным причинам не возникают сами по себе. Учредив и поставив на ноги такой кооператив или другую форму организации производства, исполком затем может выпустить его на «вольные хлеба», не ослабляя контроля в рамках закона.

Другая важная сфера деятельности исполкомов — целевые программы в области малых форм предпринимательства. Это могут быть программы, нацеленные на полное насыщение рынка конкретными товарами и услугами, например стройматериалами для населения. Те предприниматели, которые производят стройматериалы по государственным ценам, могут в рамках этой программы гарантированно получать по оптовым ценам сырье, материалы, оборудование, здания и сооружения и т. д., а организовать это — забота исполкомов. За свои труды исполкомы могут получать определенную часть прибыли, вступая тем самым в договорные отношения с предпринимателями.

В ходе нашего опроса представители горисполкомов заявили, что они гарантированно оказывают кооператорам следующие услуги: юридические и экономические консультации (в 89 % городов), помощь в получении кредитов (в 53 % городов), помещений (42 %), организация сбыта продукции (39 %), реклама (25 %), поиски необходимых работников (14 %), снабжение сырьем и материалами, машинами и оборудованием (8 %), организация ремонта помещений (3 %).

Большинство кооператоров, с которыми обсуждались эти цифры, прокомментировали их с деловой лаконичностью —«чистая липа». Наиболее важные виды помощи, жизненно необходимые предпринимателям, оказывают лишь в 2—8 % городов, чего явно недостаточно.

Участие в программах должно быть добровольным и выгодным для предпринимателей, только в этом случае взаимоотношения местных органов власти и малого бизнеса будут развиваться на здоровой основе и примут планомерный, регулируемый характер.

А НЕ ПРОВЕСТИ ЛИ НАМ, ДРУЗЬЯ МОИ, РЕФЕРЕНДУМ!

Практически все опросы общественного мнения показывают, что часть населения — резко против кооперации, а часть готова безучастно смотреть на ее ликвидацию.

В чем чаще всего население обвиняет кооперативы? Вот полный перечень: неоправданно высокие цены, плохое качество продукции и услуг, усиление дефицита, переманивание рабочей силы с государственных предприятий, усиление инфляции, неоправданный перевод безналичных денег в наличные; кооператоры — рвачи, думают лишь о наживе, в кооперативах работают в основном воры, обманщики, взяточники и т. д.

Действительно, цены высоки, продукция плохая, инфляция растет, многие кооператоры воруют и дают взятки, но никак нельзя согласиться с тем, что виноват в этом кооперативный сектор, а с его ликвидацией исчезнут эти явления. Самостоятельным товаропроизводителям дано право самим устанавливать цены, и не их вина, что государство не разработало разумных методик и форм регулирования цен. Качество продукции во многом зависит от исходного сырья и средств производства, а сверхизбыточный спрос и огромная масса не обеспеченных товарами денег, приводящая к высоким ценам и возможности не заботиться о качестве продукции, созданы не кооперативным сектором и не только в последние два года.

Обвинение кооператоров в усилении дефицита отражает только сильную неинформированность и низкую экономическую грамотность населения. Деятельность кооперативов в целом уменьшает дефицит, ведь кооператоры производят дополнительную продукцию, а также балансируют рынок путем установления высоких цен. Справедливости ради скажем, что структурно деятельность кооперативов может привести к увеличению дефицитности той сферы рынка, где покупателями являются наименее обеспеченные слои населения, ибо некоторые виды сырья и материалов кооператоры закупают в розничной сети. Изготовив из этого сырья продукцию, они продают ее по гораздо

более высоким ценам, но уже высокодоходным группам населения. Однако наивно считать, что в существующей системе торговли и распределения дефицитных товаров ликвидация кооперативов хоть что-то изменила бы в лучшую сторону. Те же люди будут заниматься тем же бизнесом в других формах. Дефицит порожден не кооперативами.

Обвинения в адрес кооперативов в наращивании инфляции и в незаконном конвертировании безналичных денег в наличные тоже не выдерживают критики, особенно когда они исходят из уст банковских работников. Им почему-то в голову не приходит обвинить колхозы и совхозы, промышленные предприятия, НИИ и КБ в том, что те берут в банках миллиарды рублей, не возвращая ни копейки наличными.

Государство оказалось не в состоянии оградить кооператоров от рэкетиров, в том числе и от воспитанников из сборных команд по боксу, борьбе, штанге и т. д., хотя оно долго убеждало весь мир в том, что идеологическая подготовка советских спортсменов — наилучшая. Став современными рэкетирами, эти носители «самой передовой идеологии» настолько запугали кооператоров, что те где только можно избегают наличных денег, передавая реализацию продукции и работу с наличностью государственным предприятиям и учреждениям. Кто же в этом виноват и умно ли в этой ситуации требовать от кооператоров сдавать в банки наличные деньги?

Еще более нелепы обвинения в том, что кооператоры рвачи, взяточники и воры, а потому надо закрыть все кооперативы. Пока идут громкие судебные процессы над представителями самой высокой партийной, государственной и хозяйственной иерархии с астрономическими цифрами взяток и хищений с этими обвинениями лучше подождать.

Между тем имеется как бы общее согласие, что если бы большинство населения было против кооперации, то тогда пришлось бы ее прикрыть... Но никому не приходит в голову провести референдум о том, нужна ли нам наука. Вполне возможно, «по требованию населения» ее тоже пришлось бы прикрыть. Но по поводу науки и многих иных структур вполне разумно предполагается, что большинство может оказаться неправым, что решать здесь должны компетентные люди. Что же касается кооперации, то даже наиболее эрудированные ее сторонники с искренней радостью сообщают, что, оказывается, противники кооперации не составляют большинства населения, и поэтому нет оснований ставить вопрос о закрытии.

Какова же информированность людей о том, что такое кооперация, и есть ли связь информированности с отношением к кооперации? Даже небольшое исследование дало однозначный результат — такая связь существует, носит ярко выраженный характер.

Из опрошенных руководителей предприятий 128 (от мастера до директора) ответили в нашем обследовании на шесть вопросов, касающихся основных сторон жизнедеятельности кооперативов. В анкете из четырех подсказок надо было выбрать одну правильную (что такое прибыль кооператива, что такое доход, кто принимает и исключает членов кооператива, и др.). На основе ответов были выделены четыре группы руководителей: неинформированные (25 %), малоинформированные (32 %), информированные (23 %), наиболее информированные (20 %); на все шесть вопросов правильно не ответил никто. Одновременно мы задали ряд вопросов об отношении к кооперативам.

В группе наиболее информированных доля активных сторонников кооперации почти в три раза больше, чем в группе неинформированных, а в целом доля активных сторонников устойчиво растет с ростом информированности. Почти 90 % явных противников кооперации входят в число наименее информированных, тогда как среди информированных и наиболее информированных их нет вообще.

Приведенные результаты подтверждаются также проверкой зависимости оценок возможных последствий полного закрытия кооперации в СССР от уровня информированности людей. Так, среди наиболее информированных в 1,5 раза больше тех, кто считает, что после закрытия кооперативов ничего не улучшится. Доля питающих надежды на то, что не будет хуже, наоборот, почти в 4 раза выше среди наименее информированных. Это вполне понятно, ибо среди информированных почти в 4 раза больше тех, кто осознает, что закрытие кооперации равнозначно концу перестройки.

Таким образом, разбирающиеся в кооперации руководители гораздо меньше подвержены стереотипам обыденного сознания.

Почти 80 % тех, кто обвиняет кооперативы в усилении инфляции, принадлежат к двум группам наименее информированных руководителей, а среди наиболее информированных таких вообще нет. Наоборот, самые информированные видят причины инфляции в неразумной экономической политике, пороках административно-командной системы. Аналогичная ситуация по поводу усиления дефицита. Тех, кто винит в этом кооперативы, в 2 раза меньше среди наиболее информированных по сравнению с наименее информированными. Наоборот, среди наиболее информированных в 2,3 раза больше понимающих, что кооперативы снижают дефицитность рынка и способствуют большей сбалансированности спроса и предложения. Среди неинформированных вдвое больше тех, кто называет единственным виновником низкого качества кооперативных изделий самих кооператоров, и наоборот, среди разбирающихся в специфике кооперативного про-

изводства вдвое больше объективно подходящих к оценке причин низкого качества кооперативной продукции, отмечающих «вклад» в это государственных предприятий.

И только наименее информированные считают, что все кооператоры — в основном воры и преступные элементы.

Отношение населения к кооперации должно рассматриваться как повод для проведения широкой и активной просветительской кампании, но не как критерий допустимости (или недопустимости) кооперации.

●

Главная проблема кооперации на сегодняшний день — выведение из ее состава того, что правильнее назвать малым бизнесом, и легализация последнего в максимально широком спектре всех разумных форм его существования. Тогда кооперативы станут тем, чем они могут и должны стать,— одной из форм организации общественного производства, действующей, главным образом, в сфере распределения, потребления, кредита. Производственная кооперация постепенно сконцентрируется в тех отраслях, куда в основной своей массе не пойдет бизнес — в сельском хозяйстве и т. п. Одновременно с этим в производственной сфере кооперироваться будут в первую очередь самостоятельные товаропроизводители. Именно такая стратегия развития кооперативного сектора, на наш взгляд, даст быстрый положительный эффект и максимально будет способствовать ускорению экономической реформы.

КООПЕРАЦИЯ: ДВА СЛОЯ

В. СКРИПОВ,
Вильнюс,
Литва

Более двух лет назад, когда я как журналист впервые столкнулся с этой темой, страна еще переживала стадию «кооперативной эйфории». Средства массовой информации наперебой распинались перед «новой формацией» предприимчивых людей, обещавших быстро заполнить прилавки товарами, ликвидировать общепитовские очереди и добиться немыслимого: на лицах тех, кто нас обслуживает, появятся приветливые улыбки. Потом наступило затишье. А сегодня опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что стрелка общественных настроений сильно накренилась в противную сторону. Из 100 тыс. опрошенных безоговорочно за кооперацию высказались лишь 15 % (Известия, 03.03.90). Один мой знакомый кооператор-строитель сетует на то, что в последнее время возникли трудности в деловых контактах даже с теми

партнерами из госсектора, с которыми давно налажены хорошие связи. Руководители предприятий объясняют, что к этим контактам неодобрительно относятся их коллективы.

Романтический образ кооперации середины 80-х не просто поблек, но и превратился в свою противоположность. Сегодня для массового сознания характерно восприятие ее как некоего сумрачного болота, в котором обитает целый сонм нечисти — рэкетиров и мафии, жуликов и взяточников, халтурщиков и спекулянтов, на корню перекупающих управленцев, что выдвинулись во времена перестройки. «Политэкономически» кооперация все чаще трактуется как среда, в которой идет интенсивный процесс первоначального накопления капитала и формируется класс новой «буржуазии», готовящейся к «прыжку в капитализм».

Что же происходит в этом малоизученном мире? Чтобы разобраться, потребовались десятки бесед (зачастую анонимных) с разными людьми.

НЕМНОГО О СТАТИСТИКЕ

Регистрация и контроль деятельности кооперативов у нас переданы местным Советам. Этим занимаются финорганы исполкомов, функции которых весьма разнообразны. В Литве, например, им делегированы права определения налоговой ставки, допустимых соотношений между количеством членов кооперативов и работников по найму, обязательного минимума отчетной документации, а в последнее время — и ценообразование.

На одного инспектора в Вильнюсе приходится около 50 кооперативов. Представьте себе, каков информационный поток, если дела каждого из них занимают по 3—4 папки, в которых я насчитал полтора десятка всевозможных видов документов (ведомости, накладные, калькуляции, приходно-расходные ордера и т. п.). Можно ли проработать, отследить на достоверность такую прорву документов? Инспектора на этот вопрос пожимают плечами, а кооператоры лишь усмехаются.

Из множества показателей, которые фигурируют в статистике по кооперации, я выбрал лишь три: доля кооперативов данного вида, зарплата в них и доля ФЗП в чистом доходе.

Прошу прежде всего обратить внимание на классификацию кооперативов. В Литве принято разделение на шесть групп: бытовые услуги населению, производство товаров народного потребления, общепит, торгово-закупочные, переработка вторсырья, производство сельхозпродукции. А вот в «Правительственном вестнике» (№ 19.89) перечислено 12 видов кооперативов. Вряд ли стоило бы останавливаться на этом, если бы речь шла всего лишь о форме отчета.

Отнесение кооператива к тому или иному виду деятельности — вопрос вопросов для кооператоров, поскольку он задает юридические основания для налоговой ставки. Поэтому четкость классификатора имеет принципиальное значение. Сам принцип определения налоговой ставки в зависимости от вида деятельности кооператива предполагает некое предпочтение тому или иному роду занятия. Государство, облагая одни кооперативы 5-, а другие — 35-процентным налогом, тем самым как бы ранжирует их на предмет общественной значимости и важности. Аргументируется это благим намерением «экономически регулировать» структуру кооперативного движения.

Что же происходит на самом деле? В действительности здесь как в «экономическую обертку» камуфлируется самое махровое администрирование. Живая игра человеческих потребностей замуровывается в мертвую схему, выдуманную от «имени общественности» чиновничьим аппаратом. Ибо вряд ли в принципе можно найти аргументированные абстрактные основания, чтобы сказать, что производство, скажем, сельхозпродуктов или медицинской техники важнее, чем строительство домов или оказание транспортных услуг. Только рынок может взвесить, какой товар или услуга пользуется предпочтением у населения.

Налоговая ставка назначается еще до затрат труда. Она совершенно не связана ни с качеством продукта, ни с успехом его реализации. Уже приходя регистрироваться, кооператор получает клеймо, которым его награждает чиновник, сортируя по уготованным нишам.

Рецепт такого рода в нашей финансовой практике появился после бесславной попытки придушить кооперацию драконовским прогрессивным налогом в 1988 г. Неудачная попытка отбросила принцип, применяемый во всем мире: налогообложение с помощью прогрессивной шкалы дохода, а не вида деятельности.

Могут возразить: но ведь и за рубежом существуют дифференцированные налоги. Да, но логика обратная: за основу берется размер дохода, а затем вводятся льготы с учетом тех или иных особенностей и условий деятельности предприятия. Например, в Японии и других странах мелкие фирмы вообще освобождаются от



налога на период их становления. Налоги также могут быть снижены в зависимости от качества продукции. Очевидно, учитываются и рентабельность производства, и готовность вкладывать капитал в развитие производства, и участие в благотворительности.

В классификаторе нет многих существующих видов деятельности. Например, неясно, куда отнести кооператив производственно-технического назначения. Скажем, тот, который ремонтирует технику на заводе или обслуживает его водоочистные сооружения. Часто встречаются кооперативы, занимающиеся несколькими видами деятельности. На такие случаи в Вильнюсе действует правило, согласно которому исполком имеет право установить ставку налога по максимально высокому уровню, если даже в общем объеме производства этот вид работ занимает незначительную долю. Все это создает благоприятное поле для административного «творчества», рядом с которым всегда процветает взяточничество.

Мнение о сверхдоходах кооперативов явно преувеличено: в среднем зарплата кооператора, по нашим данным, составила 353 руб. Цифра эта ненамного отличается от той, что приводят московские кооператоры (Аргументы и факты 5.90). Тревожит другое: только 21 % чистого дохода идет на накопление и развитие. Сам по себе этот факт говорит, что кооперативы слабо заинтересованы в расширении производства, чувствуя себя нестабильно. Удивляться этому не приходится.

В эмоциональных бурях вокруг кооперации удивительным образом смешиваются причины и следствия. Забыто, что она изначально была поставлена в условия, когда безудержный рост цен, и, как следствие, отрицательное отношение населения, были неизбежны. Складывается впечатление, что какие-то очень мощные силы добиваются, чтобы она сама себя дискредитировала. Не надо быть экономистом, чтобы еще в ту пору, когда А. Федоров (с Кропоткинской) в своих интервью раздавал направо и налево обещания, будто накормит Москву самыми вкусными и дешевыми обедами, предвидеть безосновательность таких надежд. Ибо уже существовали предписания продавать кооперативам сырье и оборудование по розничным ценам или по оптовым с повышающими коэффициентами.

Конечно, в стране, которая не в состоянии даже сохранить урожай, наивно было бы ожидать создания специальной сети материально-технического обеспечения кооперативов. Но хоть что-то надо же было делать!

Правда, в начале прошлого года появился документ, в котором, казалось бы, справедливость восторжествовала — постановление Совмина СССР № 26 от 5.01.89 «Об устранении недостатков в практике ценообразования», где кооперативы во взаимоотношениях с госпредприятиями и орга-

низациями ставятся в равные с ними условия в обеспечении ресурсами (то есть по оптовым ценам и без коэффициентов). Основное условие — обязательство работать по госрасценкам и тарифам. Постановление, в частности, рекомендует государственным организациям заботиться об обеспечении сырьевыми запасами кооперативов, изготавливающих продукцию производственно-технического назначения, товары народного потребления, строительные и использующие арендованное на предприятии оборудование.

В остальных случаях снабжение идет по-старому. Коэффициенты при этом колеблются от 1,1 до 5,8. За синтетическую пряжу, например, кооператор вынужден переплачивать в 5 раз, за нефтепродукты — вдвое, за запчасти к «Москвичу»— в 3,5; за черные и цветные металлы — в 2,5 раза.

Казалось бы — разумно и справедливо: хочешь получить ресурсы на тех же условиях, что и предприятие, продавай товар по тем же ценам, что и оно. Однако все не так просто. Вот какие контрдоводы привел мне руководитель одного вильнюсского строительного кооператива:

— Это тот случай, когда нам дали все права, за исключением одного — возможности пользоваться ими. Предприятиям и базам «рекомендуется», но хотел бы я, чтобы вы нашли хоть одну государственную организацию, которая всерьез воспринимает эту бумажку. Кооператор всегда в роли просителя, и на равных никто с ним не разговаривает. Тем более, что вокруг только и слышно: «Ату его, ату!» Теперь изменился лишь принцип: раньше били коэффициентами, а теперь разговор иной: цена и... столько-то сверху! Тонна цемента, например, идет за 60 руб. плюс 15. Это означает, что я эти деньги не могу провести даже по своей отчетности. В результате искажается моя фактическая себестоимость и цена кажется завышенной.

Другая сторона вопроса: не знаю, как в других сферах, но в строительстве работать по госрасценкам уже давно нельзя. Почти все они безнадежно устарели, и никто по ним строителей не оплачивает. Простой пример — оклейка квартиры плиткой. Халтурщик берет обычно за эту работу по 12 руб. за метр. И заказчик платит. Я тоже своему рабочему должен заплатить хотя бы по 8 руб., иначе кто же согласится работать?



Но по ценнику максимальная расценка — 2,7 руб. Значит, исхитряйся, накручивай. Вот мы и стали присматриваться: как же поступают государственные строительные организации. И могу со всей ответственностью сказать, что ни один трест по госрасценкам не работает.

Во-первых, он взимает с заказчика так называемое «договорное премирование». Во-вторых, недавно изобретенную «плату за удорожание рабсилы». Аргумент? Оказывается, мы, кооператоры, и виноваты — сманиваем кадры. Далее: сегодня стройтрест уважать себя перестанет, если не обставит договор двумя-тремя условиями. Скажем, самообеспечение материалами, да еще дефицитными (это уже для треста). К тому же потребует денег на «расширение производственной базы». И так далее.

Вывод очевиден: кооператор будет выкручиваться, т. е. «накручивать». В конечном итоге на краю всех этих манипуляций все равно окажется карман потребителя.

Если же он в эти игры не играет, то его ждет обдираловка через коэффициенты. И все время подмывает спросить авторов шкалы: а почему, собственно, он должен платить только в 5 раз дороже? Почему не в 10 или не в 25 раз? Уж грабить, так с музыкой! В чем смысл самого подхода? Почему непременно надо вздувать отпускные цены? Потому, что кооператоры пользуются договорными ценами? Но ведь он скажет: пардон, а как же мне поступить, если вы сами меня к этому принуждаете. Вот если бы...

И по этому причинно-следственному кругу можно ходить бесконечно. По нему и ходим, только хождение это отнюдь не безопасно для цивилизованного кооператора. Ибо на каждом витке его взвинчиваются цены, а они — барометр общественного мнения. Растут цены — поднимается давление в барометре. И давит на профсоюзы, на Верховный Совет, на законодателей: «Оборзели! Задавить!»

Объективно культурный кооператор не заинтересован в чрезмерном повышении цен. Ведь доход можно набрать и за счет стабильного сбыта, за счет количества и разнообразия услуг. Дорогой продукт не только сбывать труднее — он еще и формирует встречную волну общественного противодействия, которое сильно затрудняет жизнь.

Кто же заинтересован в таком положении? Да тот, кто обладает возможностями вначале дефицит создать, а потом его «помогать» преодолеть.

Рассмотрим ситуацию. Запретили кооператору одно, другое, третье. Или вообще часть продукта уничтожили. А потом кто-то, имея наличные деньги в больших количествах, закупает этот дефицит и распродает его, скажем, тому же кооператору. Естественно, цена при этом возрастает. Кооператор-труженик заведомо при

этом оттеснен, ибо всегда предпочтение в сделках отдается тем, кто способен оплачивать и двигать с места на место большие партии товара. А у него с наличностью негусто.

В этой ситуации толстосум может и продукт создать дефицитный, вроде чулочек с «сердечками». А когда покупатель, догадавшись, что его дурят, закричит «Караул!», он за спины честных кооператоров спрячется и будет вместе с ним отстреливаться: а что вы хотите, у нас ведь коэффициенты. Потому и цены такие!

Введя принцип повышенных затрат для кооператора, наш чиновник, желая того или не желая, подыграл тем, кто заинтересован «отмыть» воровские деньги. Для тех высокие цены и трудности в снабжении выгодны. Кроме того, были созданы предпосылки, позволяющие держать кооператоров в жестких административных рукавицах. Ибо нет для администратора большей беды, нежели независимый, не боящийся его хозяин, отношения с которым ограничивались бы регулярной выплатой налога. Объективно нерешенность проблем ресурсного обеспечения кооператоров должна была поссорить их с населением. И поссорила.

КООПЕРАТОРЫ ЗАЩИЩАЮТСЯ

Будучи не в состоянии приспособиться к быстро меняющимся производственным отношениям, госпредприятия выдвинули обвинение, будто бы кооперативы поставлены в лучшие условия. В массовом сознании настойчиво насаждается мысль о том, что сверхдоходы кооперативов обусловлены неравенством этих условий. Финансовые же органы используют такие настроения исключительно в одном направлении: изощряются, придумывая все новые и новые способы грабежа кооператоров.

Не каждый читатель, вероятно, представляет, каков общий размер налоговых отчислений с кооператоров. Помимо основного налога с дохода, они перечисляют в банк еще: подоходный налог с зарплаты — 13 %, налог по соцстраху — 12 %.

Кроме общего, на местах вводятся дополнительные налоги. В Литве, например, в конце прошлого года был установлен подушный налог на администрацию, посредством которого каждая председательская или бухгалтерская душа обкладывается данью в размере 150 руб. в квартал. В итоге, как свидетельствуют некоторые данные, общий размер налоговых поборов достигает 70 %.

Ну и что тут такого — могут возразить производственники. Ведь многие госпредприятия отчисляют неменьшую долю прибыли. Да, но с существенной разницей в направлении использования этих средств. Если предприятие отчисляет деньги в фонд министерства, оно рассчитывает, что если не все, то хотя бы часть этих

средств вернется затем в виде централизованных капиталовложений. Страховые средства также материализуются в бесплатном жилье, льготных путевках и т. п. Для кооператора же налоговый побор безвозвратен, даже бюллетень ему оплачивается из страхового фонда кооператива.

Конечно, средствами предприятий по-прежнему широко распоряжаются ведомства, и это — нонсенс. Однако справедливости ради нельзя не заметить, что и сами предприятия не очень-то стремятся вырваться из под опеки министерств, ибо их в принципе устраивает «подневольность», при которой гарантированы более-менее стабильное материально-техническое обеспечение и сбыт продукции. Разговоры о самофинансировании зачастую используются лишь в спекулятивных целях, чтобы оправдать свою бесхозяйственность недостатком свободы предпринимательства.

В этих условиях кооператоры, естественнно, ищут формы консолидации своих сил и сопротивления нажиму властей. Причем, подчеркиваю, речь идет именно о «цивилизованном кооператоре», кооператоре-труженике, чьи заработки и доходы зарабатываются многочасовым напряженным трудом, рачительным хозяйствованием и предприимчивостью. 1989 г. стал годом повсеместного создания объединений кооператоров почти во всех республиках и крупных городах страны. В январе и феврале 1990 г. в Москве состоялись чрезвычайный съезд столичных кооператоров и чрезвычайная конференция Союза объединенных кооператоров СССР. Уже из названия видно, что выдвинутые вопросы имели экстраординарный характер. И действительно, обсудив ситуацию в кооперативном движении, которая была расценена как кризисная, делегаты этих форумов констатировали грубые факты нарушения центральными ведомствами Закона о кооперации. Раздавались даже призывы объявить бойкот налоговой практике. Одно из важнейших требований всесоюзной конференции — немедленная политизация кооперативного движения и создание собственной политической партии.

Аналогичного рода устремления наблюдаются и в Литве. В конце прошлого года, например, в одном из районов Вильнюса возникла Гильдия кооператоров, объявившая себя прообразом будущего независимого профсоюза, от лица которого кооператоры имели бы возможность баллотироваться в парламент, чтобы затем можно было участвовать в законотворчестве и голосовании решений, затрагивающих их интересы. Любопытны и некоторые частные задумки членов гильдии: создание штата юридических советников, коммерческого банка, совместного складского и транспортного хозяйства, а также предприятий, доход которых можно было бы направлять на общие нужды кооператоров. Здесь ярко просматривается нормальный и естествен-

ный путь кооперирования, при котором обобществление и координация вызревают снизу, вытекая из потребностей в объединении и разделении труда.

ОПРОКИНУТАЯ ПИРАМИДА

Кооперативное движение впитало в себя разнородные потоки — светлый и темный. Первый поток устремил в себе энергичных и азартных людей, опьяненных перспективой творческого и высокопроизводительного («культурного») труда, освобожденного от оков государственного регулирования и уравниловки. В массе своей он состоит из обычных граждан, вчерашних рабочих, инженеров, бухгалтеров и художников, не имеющих сколько-нибудь существенных первоначальных капиталов. Большинство из них твердо настроены не порывать с законом и искренне заинтересованы в репутации «честных купцов». Я встречал десятки таких людей в самых различных сферах деятельности. Они вызывали глубокие симпатии, зачастую удивляя неординарностью мышления, добротным профессионализмом, обширными экономико-юридическими познаниями и завидным оптимизмом. Да и сами они фиксируют в себе большие перемены, как в образе жизни и эмоциональном самочувствии, так и в проявлении своих способностей. Среди них встречаются романтики, столь редкие в наше угрюмо-прагматическое время. Своеобразный «романтизм бизнеса» роднит их с пионерами американских прерий и легендарным мальчиком, который стал миллионером, начав с продажи восковых голубей.

Деньги для таких кооператоров тесно связаны со словом «заработать», которое стало одним из самых весомых слов. В контексте этого слова хороший заработок — показатель высокой культуры труда и социального престижа.

Другой поток — то, что экономисты назвали «отмыванием денег» дельцов теневой экономики. Эти люди, выйдя из подполья, уже имели наличность и не нуждались ни в дотациях банков, ни в благорасположении чиновников: они знали, что за свои капиталы все смогут купить и устроить наилучшим образом. Они не собирались ничего производить сами, ибо никогда этого не делали, а если и делали, то давно прошли через этот этап. Кто-то наживался открытым уголовным грабежом, кто-то заработал на своем служебном положении, часть ковали капиталы в нелегальных цехах и мастерских на ворованном оборудовании и материалах. Были среди них и шулеры-игроки, и баловни судьбы — наследники крупных состояний — да мало ли существовало дорожек в «благословенные» времена застойной мути. Поэтому и типажи здесь всякие: от мрачноватых респектабельных «крестных отцов» и хитрых толкачей, прошедших прекрасную школу отечественной си-

стемы снабжения («выбей-достань») до туповато-жадных чинуш, закапывавших золото в банках из-под компота. Всех их, однако, объединяет один признак — Закон о кооперации позволил им сразу же пустить деньги в оборот, ничего не создавая, а работая лишь на связях.

Мне пришлось общаться с несколькими представителями этого слоя, не ахти какого размаха, но все же достаточно типичными, чтобы прояснить сам принцип деятельности таких дельцов. Коротко его можно свести к следующему.

Они, как правило, не производят товары; тип их деятельности — денежные операции, своего рода «биржевые игры». Если кто-то и создает производственный кооператив, то чаще для отвода глаз, чтобы иметь крышу и благопристойную вывеску. При наличии большого капитала они даже готовы терпеть убытки ради того, чтобы производить хорошее впечатление на финорганы. Наиболее адекватной формой «самовыражения» теневого бизнеса на легальном уровне являются торгово-закупочные кооперативы, куда устремились наиболее дерзкие и решительные дельцы. На протяжении нескольких лет почти в открытую, на глазах изумленной публики, вершилась легализованная спекуляция, приносившая баснословные барыши. Примером может служить одна из операций паневежиского кооператива «Коммерческий центр», который на перепродаже полимерной пластмассы за несколько месяцев заработал 900 тыс. руб., реализовав ее втридорога. Или кооператив «Центр», спекулировавший парафином, о масштабах деятельности которого можно судить по зарплате его председателя, которая только за полугодие составила 637 тыс. руб.

Подобные кооперативы наименее подконтрольны фискальному оку. Ведь целый ряд торговых операций имеет на обоих концах людей, не заинтересованных в документальном оформлении сделок или их достоверности. К чему, например, крестьянину, у которого скупают овощи, квитанция или накладная, как и торговцу-спекулянту, реализующему их на рынке,— он их выдаст за свой продукт. Я уже не говорю о манипуляции с ценами и приписках, в которых сплошь и рядом заинтересованы хозяйственные руководители, желающие погреть руки на списании и продаже товарно-материальных ценностей.

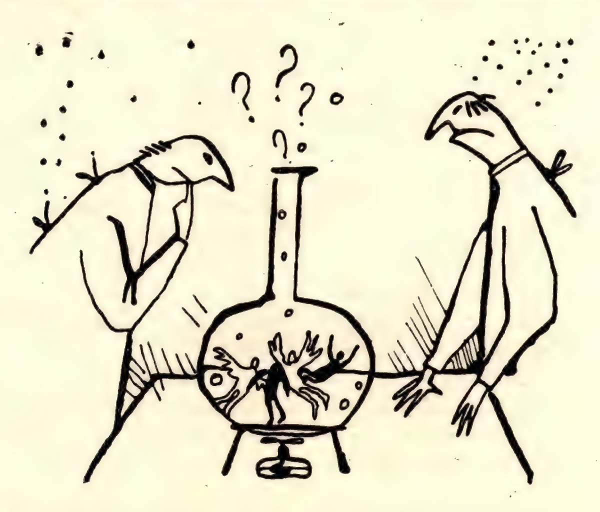
Принцип деятельности кооператоров-дельцов —«работа на связях». Связи эти могут быть разными: финансовыми, информационными, снабженческими и пр. Доход зарабатывается на том, что некто перемещает нечто из точки «а» в точку «б», сам при этом обеспечивая лишь условия этой связи.

Сам по себе данный принцип не означает еще ни паразитизма, ни легкой наживы. Далеко не во всех случаях здесь необходим и

первоначальный капитал. И торгово-закупочные кооперативы, потенциально открытые для спекулянтов, во многих случаях выполняют общественно полезные функции, если действуют в рамках системы экономического контроля. Нельзя не признать производительным и полезным труд по сбору, систематизации и передаче информации, цена которой растет во всем мире.

Еще одно поприще, где разворачивается теневой капитал,— ростовщичество в разных видах. Лично мне не удалось зафиксировать конкретных примеров, однако из разговоров с кооператорами слышал, что одалживание под процент — явление, все более распространенное в их среде. Развитию этого бизнеса пока препятствует отсутствие законодательной охраны, без чего существует риск невыполнения обязательств. Гораздо более распространено использование наличных средств, когда капитал вливается в «дело» с условием иметь в нем «долю», т. е. в акционерной форме. Владелец капитала может вообще не принимать участия в организации кооператива и оперативном управлении. Его роль сводится к тому, чтобы найти «толкового человека», которому можно доверить деньги. Риск, безусловно, присутствует и здесь, однако ведь в определенной мере небезопасно и хранить деньги или просто их тратить в больших количествах.

Я перечислил лишь некоторые формы легализации теневых капиталов, наиболее открытые, просматриваемые невооруженным взглядом. Это не самый глубокий слой. Уголовная эмпирика и свидетельства специалистов по борьбе с организованной преступностью позволяют говорить, что за всем этим стоят силы, еще бо-

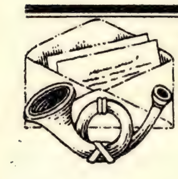


лее хищные, использующие для своего владычества весь арсенал методов преступного мира: шантаж, рэкет, подкуп, вживание в административно-управленческие структуры, связи с международной мафией и чисто мафиозные источники обогащения, политическое давление, направленное на дестабилизацию обстановки в стране.

Если уподобить кооперативное движение потоку, то процессы напоминают движение смесей в сосуде: светлые, легкие слои устремляются к поверхности, образуя наружный фасадный уровень, темные, с тяжелыми взвесями, оседают на дно. В зависимости от различных возмущений (общественно-политическая ситуация в стране, действующее законодательство и т. п.) взвеси эти поднимаются со дна все выше и выше, пронизывая и поверхностные слои, а посредине образуя муть. Это мы и наблюдаем.

Увы, анализ законодательной и оперативной практики показывает, что до сего времени она объективно не благоприятствовала тому, чтобы чистый слой разрастался и укреплялся. Характерная черта правового регулирования — бессистемность и непоследовательность в принятии решений, отсутствие углубленного анализа складывающейся ситуации, направленность законодательного действия не на причины, а на следствия.

Процесс продолжает развиваться стихийно. Но это — не благотворная рыночная стихия, а стихия волюнтаризма и несогласованных нервных реакций.



Из писем в редакцию

Собственность — это свобода

Всякий раз, выступая на публике, Леонид Иванович Абалкин не преминет указать нам, что в обществе «сильны уравнительские настроения», стремление отнять и разделить. Произносит он это своим тихим, невозмутимым голосом, но мы явственно слышим, что он осуждает тенденции, они ему противны, несимпатичны, и он следует им скрепя сердце. Со стороны выглядит подкупающе: правительство более не проводит политику, полностью оторванную от народных масс, а сообразует ее с мнением народа, и если в толпе сильны уравнительские тенденции — то что ты тут попишешь! — приходится им потакать. В самом деле, игнорировать волю народа правительство никак не вправе.

Правда, возникают вопросы. Например: в обществе сильны также и бандитские, погромные настроения, которые, конечно, еще более отвратительны Л. И. Абалкину, но они, несомненно, присутствуют. Не следует ли и их постараться учесть? Далее, если Л. И. Абалкин

осуждает уравнительские настроения, он должен по мере сил, используя свое высокое положение, стараться отучить от них общество, а не настаивать в последнюю минуту на внесении в Закон о собственности сомнительной фразы, запрещающей эксплуатацию и «отчуждение». Ведь даже если он и «должен» учитывать уравнительские тенденции, ему вовсе не обязательно становиться их выразителем. Наконец, странно, почему правительство с такой предупредительностью относится именно к «бойцам против эксплуатации», забывая о существовании людей с другими взглядами. Из того, что наши уравнители громче всех кричат и несут самые большие лозунги, еще не следует, что их большинство.

В нашем народе уравнительские настроения всегда были сильны. В русском языке много пословиц вроде: «Господи! Убей того до смерти, кто лучше нашего живет» или «Не то беда, что вино дорого, а то обида, что целовальник богатеет», и немалая часть общества и сегодня скорее согласится пить плохое и дорогое вино, подаваемое нищим и бесправным целовальником, чем хорошее и дешевое свободным и богатым. Все это отлично известно и без Л. И. Абалкина. Но позволительно спросить, кто постарался сделать так, что в последние три года, в разгар «радикальной экономической реформы» эти вредоносные настроения только возрастали и для многих стали единственной «идеей», с которой они являются на митинг? Кто постарался превратить самостоятельность предприятий в фикцию, если не наш Совет Министров?

Уравнительные тенденции могут всецело завладеть мозгом только бездельника или же человека, который делает ненужное ему лично дело, с которым он не связывает своего благополучия. Самостоятельному же человеку, благосостояние которого всецело зависит от качества и интенсивности его труда, некогда пересчитывать вишни за чужим забором или жаловаться, что кооператор богаче него. Он просто постарается стать богаче кооператора. И если хозяйственная самостоятельность предприятий не была бы «заиграна» министерствами, в нашем обществе за эти три года с июня 1987 г. появилось бы немало людей, полностью невосприимчивых к призывам «отнять и разделить». И не приходилось бы, как сегодня, сетовать на «уравнительские настроения» и оправдывать ими свое бездействие.

Наконец, уступки «защитникам социализма» имеют и чисто политический изъян. Наша страна объявила, что собирается стать правовым государством. Естественно, ее законы должны быть приведены в соответствие с законами таковоro государства, как оно понимается во всем мире. Поэтому нужно прямо и откровенно поставить вопрос: совместим ли запрет частной собственности с принципами правового государства?— На наш взгляд, совершенно несовместим. Как сказал некогда Шатобриан, критикуя фурьеристов, оуэнистов и т. п.: «Собственность — это свобода». Или мы надеемся иметь правовое государство без свободы?

В правовом государстве никак не может быть заранее зафиксирован способ производства и не может быть заведомо отдано предпочтение одному способу перед другим. В конституциях так называемых капиталистических стран способ производства вообще не оговорен и никому не возбраняется устраивать «социалистические предприятия». Хотя, надо думать, если их работников начнут посылать «на картошку», то может вмешаться прокурор. Выдерживаешь конкуренцию — живи.

Поэтому, если в нашем обществе есть некоторое число людей, допускающих частную собственность, готовых стать объектом эксплуатации, то у правового государства нет никакого основания подавлять их законодательно. Одно из двух. Или мы должны честно признать, что в обозримом будущем не готовы стать правовым государством, потому что у нас есть противники частной собственности и мы в соответствии с нашими традициями право голоса даем только таким. Или же мы действительно хотим стать правовым государством, и тогда не будем обращать внимания на неправовые, запретительские убеждения определенной части населения. Тем, кто привык запрещать и отнимать, можно посоветовать: «Не нравится частная собственность — можешь ее не иметь, а заодно не ходить в магазины, где продаются товары, произведенные с применением эксплуатации и отчуждения от средств производства. Живи согласно убеждениям, и да поможет тебе Маркс!»

Ю. КАФИЕВ,
Новосибирск

Идеи Парижской Коммуны

Один из бывших аппаратчиков районного масштаба (сейчас директор завода) однажды обронил мудрую мысль: «Сокращение — это стая голубей взлетела и села». А мы смотрим и обнаруживаем, что «голубков» стало больше. К потревоженной стае прибились еще и другие. Народ прекрасно понимает, что все наши дефициты от дефицита ума у аппаратчиков всех рангов и уровней.

В предисловии к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» Ф. Энгельс итожит уроки Парижской Коммуны, которые В. И. Ленин комментирует в своей книге «Государство и революция»: «...Русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 56). Если перестройка действительно продолжает развитие Октябрьской революции по ленинскому пути, то необходимо для ее успешного завершения осуществить и действенные идеи Коммуны по бескровной ликвидации «слуг общества», обобщенные Ф. Энгельсом: «...Против этого, неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом, Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначила на все должности (по управлению, по суду, по народному просвещению) лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притем ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 200.)

Во время перестройки реализация первого средства борьбы с бюрократией уже просматривается, а о втором, материальном и самом эффективном, опять «забыли», так как перестройка задумана «свы-

3 ЭиОПП, № 10, 1990 г.

ше», и верхи, по привычке, не хотят получать среднюю зарплату своих подчиненных.

Словесные потоки критики в адрес аппаратчиков породили у них лишь «васькизм» и дальнейший численный рост, а также жалобы, что им не хватает на жизнь и двухсот рублей на душу на месяц. Они бессовестно «забыли» о людях с доходами на душу 20—50 руб.

Пусть виновники из своего кармана вынут и отдадут необходимые суммы тем, кто молча допустил их к власти, наивно веря их обещаниям о светлом будущем «там, за облаками». Надо быть последовательными в реализации идей Коммуны и В. И. Ленина. Иначе мы обречены на... вечную «перестройку» со всеми вытекающими из этого последствиями.

Р. П. ОЛЕКСЮК,
Винница

Руководитель отвечает перед собственником

Нужно, чтобы заработная плата руководителя увеличивалась или уменьшалась пропорционально прибыли предприятия без каких-либо ограничений. Необходимо освобождаться от ненужной опеки вышестоящих органов.

В связи с этим надо вносить соответствующие изменения в структуру управления промышленностью. Производственные объединения и предприятия нужно административным путем преобразовать в самостоятельные единицы со смешанной формой собственности. Акции, принадлежащие соответствующим Советам, аккумулируются в холдингах, возглавляемых правлениями. Кадры для холдингов — промышленные министерства, выступающие в роли высококомпетентных экспертов. Осуществить постепенный переход на холдинговую и акционерную форму владения собственностью в производственных отраслях.

Руководитель станет ответственным только перед собственником средств производства. И выборам первого руководителя будет уделяться громадное внимание. Держатели акций выбирают совет директоров, который определяет стратегическое развитие производственного объединения, избирается также исполнительный директор, который организует выполнение решения совета. Главным критерием при подборе руководителя является его нацеленность на прибыль. А чтобы иметь прибыль, надо развивать деловые отношения, расширять контакты с другими фирмами, новыми партнерами.

В развитой экономике, при насыщении товарами, здоровой конкуренции, рыночном регулировании цен, когда функционируют все экономические законы, прибыль получается за счет снижения себестоимости, издержек производства, повышения производительности труда и т. д. При сегодняшнем тотальном монополизме и росте цен нужно ввести механизм принудительного понижения цен (через определенное время после выпуска новой продукции) и изъятия незаконно полученной прибыли.

Уметь управлять — значит уметь выбирать, сказал итальянский поэт. А всегда ли есть выбор у наших директоров?

В. В. НОВИКОВ,
Челябинск

Наш рубль

БАНК — ПРЕДПРИЯТИЕ: ТРУДНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

П. А. РОТАРЬ,
главный бухгалтер агропромышленной фирмы «Анина»,
Новоаненский район,
ССР Молдова

Существующие формы безналичных расчетов не гарантируют предприятиям и организациям своевременное поступление средств от реализации продукции и оказанных услуг. Банк без помощи плательщиков не может проверять их товарность, ибо в большинстве случаев к платежным документам не прилагаются товарно-транспортные и другие документы, подтверждающие отгрузку продукции покупателям или оказанные услуги потребителям. Из-за несовершенства форм безналичных расчетов предприятия вынуждены отправлять ежедневно своих представителей в банк для выяснения товарности оплачиваемых счетов (платежных требований). В случае бестоварности какого-то документа представитель предприятия-плательщика при возвращении из банка должен оформлять заявление об отказе от акцепта, а на второй день — возвращаться в банк и с помощью различных письменных и устных оправданий и доказательств пытаться отказаться от оплаты (акцепта) платежного требования. В ряде случаев отказы являются незаконными. После этого приходится доказывать и выяснять истину в органах Госарбитража, ведомственных арбитражах или в народном суде.

Акцептная форма делится на положительный и отрицательный акцепт, а отрицательный — на предварительный и последующий. К акцептной форме относятся и расчеты в порядке инкассо платежных требований, оплачиваемых без акцепта, платежными поручениями, инкассовыми поручениями и распоряжением взыскателей.

Расчеты в порядке инкассо платежных требований, оплачиваемых без акцепта, должны охватывать 95—97 % безналичных платежей за товары и услуги, выполненные работы.

Как организовать данную форму безналичных расчетов?

При отгрузке продукции поставщиком (центровывозом) получатель принимает ее по качеству, количеству и ассортименту в момент ее отгрузки на склад, после чего представитель получателя делает отметку в сопроводительных документах. Если имеется расхождение, также делают соответствующие отметки. Когда потребитель сам выбирает продукцию со склада поставщика, он в тот момент принимает ее по качеству, количеству и ассортименту. После выписки сопроводительных документов представитель получателя расписывается и выдает представителю поставщика доверенность. На выполненные работы или оказанные услуги составляются акты, которые подписываются подрядчиком и заказчиком.

При выставлении на инкассо потребителям продукции платежное требование после оплаты должно оставаться в банке плательщика во избежание повторного выставления на инкассо за те же материальные ценности. Таким образом, при поступлении платежных требований в банк плательщика они должны быть немедленно оплачены, без права на отказ от акцепта со стороны плательщика. На практике оплата платежных требований производится не быстрее, чем через три дня, несмотря на то, что к ним иногда прилагаются документы об отпуске (отгрузке) продукции, выполненных работах, оказанных услугах. Поэтому необоснованно задерживаются расчеты между поставщиками и покупателями. Разногласия между поставщиком и покупателем должны разрешаться не банком через отказы плательщика, а органами Госарбитража, народными судами. Это будет более правильно, чем ситуация, когда банк принимает отказы, не разобравшись в них.

Платежи задерживаются и по причине тяжелого финансового состояния покупателей, что в свою очередь отрицательно сказывается на финансовом состоянии даже хорошо работающих предприятий-поставщиков. Поэтому без чековых книжек или предварительной оплаты сегодня невозможно ничего приобрести: ведь поставщику неизвестно, когда поступят на его счет средства за отгруженную (отпущенную) покупателю продукцию.

Некоторые из своих функций банки выполняют за счет значительных и неоправданных затрат средств обслуживаемых предприятий и в ущерб самим банкам. Работники каждого предприятия посещают банк 200—230 раз в год: безналичные расчеты, получение кредитов, сдача выручки и получение наличных денег, предоставление планов, отчетов, справок и т. д. В среднем филиал банка обслуживает 50—70 предприятий и организаций. Многие из них находятся на больших расстояниях. Без транспорта не обойтись. Ежедневно около 30—35 работников предприятий посещают банк, каждый на своем транспорте, а в дни получения заработной платы — все 50—70, да еше и с охраной. В связи с тем, что на предприятиях и в организациях зачастую отсутствует служебный легковой автотранспорт, для отправки работников в банк выделяются большегрузные автомобили. Это дорого обходится предприятию, в масштабе народного хозяйства — ощутимый ущерб. Кроме того, банк не принимает от обслуживаемых клиентов платежных требований для выставления на инкассо иногородним покупателям. Это также требует дополнительных затрат средств и времени на отправку этих документов через отделения связи. В результате часть документов теряется, задерживаются расчеты и т. д.

Чтобы снизить такие затраты в десятки раз и обслуживать предприятия и организации непосредственно на месте, необходимо выделять банкам специализированный легковой автотранспорт. В среднем на отделение приходилось бы 2—3 автомобиля, в зависимости от количества и местонахождения клиентов. Банк должен заключать с предприятиями и организациями договор и согласовать график приезда банковских работников в хозяйства. За оказанные услуги клиенты возмещают банку затраты по обслуживанию.

Представитель банка на месте будет выполнять все те же операции, которые раньше выполняли представители клиентов в банке, принимает выручку, оформляет все виды платежных и расчетных документов (с проверкой правильности их составления и оформления), различные виды отчетности, планы, справки, заявки, выдает клиенту бланки с приложением расчетных и платежных документов, наличные деньги для выдачи заработной платы и т. д.

Предлагаемая форма обслуживания очень выгодна как для предприятия, так и для банка.

СТАЛИНСКИЕ ЛАГЕРЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР
(средняя полоса)

(легенда к карте на 3-й стр. обложки)

1. Автодорлаг — строительство шоссе Минск — Москва.

2. Владимир — политизолятор; до 1955 г. здесь сидели иностранцы, в том числе Янош Кадар, Рауль Валленберг и др. С конца 50-х гг.— одна из тюрем с самым строгим режимом для особо опасных «рецидивистов» (например В. Буковский, А. Марченко).

3. Вязьма.

4. Вятлаг — лагуправление, пересыльная тюрьма.

5. Горький.

6. Дмитров — управление Дмитровлага, строительство канала Москва — Волга (около 0,5 млн заключенных).

7. Дубровлаг — спецлаг, управление в пос. Явас.

8. Елабуга.

9. Иваново — управление Ивановлага.

10. Ижевск.

11. Катынь — здесь в 1940 г. были убиты 4143 интернированных польских офицера; советская версия, согласно которой это преступление было совершено немцами в период оккупации (1942 г.), не признавалось никем в мире; 50 лет спустя наше правительство признало вину.

12. Казань.

13. Кашин.

14. Клишилаг — управление лагерей.

15. Козельск — один из спецлагерей, где содержались польские офицеры; позже часть из них была расстреляна в Катыни.

16. Кострома.

17. Куйбышев.

18. Моршанск — сведения о лагере недостоверны.

19. Москва — управление Мосстройлага.

20. Новомосковск.

21. Пенза.

22. Потьма — управление Потьлага.

23. Псков.

24. Рыбинск — управление Рыбинлага.

25. Ростов.

26. Саранск.

27. Селигер — управление Селигерлага, спецлаг для польских офицеров, часть которых позже была расстреляна в Катыни; ракетная «шарашка» (работали немецкие специалисты).

28. Смоленск.

29. Советск.

30. Стародуб.

31. Суздаль — политизолятор (централ), управление Суздальлага (строительство канала Москва — Волга).

32. Сызрань.

33. Тамбов.

34. Темниковские лагеря — лагуправление в пос. Явас.

35. Тетюши.

36. Тула.

37. Углич — политизолятор (централ), с конца 1950-х гг. колония особого режима.

38. Ульяновск.

39. Унжлаг — управление в г. Сухобельск; лесоповал и лесосплав.

40. Ховрино.

41. Ярославль — тюрьма особого назначения (ТОН), специзолятор; с 1960-х гг.— тюрьма общего режима, около 2000 заключенных.

42. Юхнов — спецлаг, где содержались интернированные польские офицеры, позже расстрелянные в Катыни.

43. Орел — Орловский централ — политизолятор (здесь в 1941 г. были расстреляны несколько сотен политзаключенных, главным образом бывших эсеров (М. Спиридонова, Майоров и др.). С 1960-х гг.— психотюрьма.

Составитель В. В. КОМИССАРОВ (сведения см. ЭКО 1.90).

Гонорар по просьбе автора перечислен в фонд новосибирского отделения общества «Мемориал» на счет № 000700470 в Советском отделении Промстройбанка.

Редакция будет благодарна читателям за отклики, дополнения и критические замечания. Они будут опубликованы и использованы автором для дальнейшей работы.

«ИНТЕКСТ»

программный комплекс для построения текстовых информационно-справочных систем на ПЭВМ IBM PC AT/XT

ИНТЕКСТ поможет вам навести образцовый порядок в вашем архиве текстов, документов, хранящихся в памяти ПЭВМ. Обеспечит быстрый поиск нужных документов и их фрагментов. Поможет отредактировать и напечатать новый текст на основе фрагментов текстов, хранящихся в базе. ИНТЕКСТ имеет множество и других возможностей для работы с текстами.

Предлагается набор таких систем по темам: создание и функционирование совместных предприятий, внешнеэкономическая деятельность, аренда и арендные отношения, новые формы хозяйственной деятельности (малые предприятия, акции и акционерные общества, концерны и консорциумы). В постоянно обновляемой базе системы более 100 нормативных экономических документов. Вместе с системой предлагается информационное обслуживание.

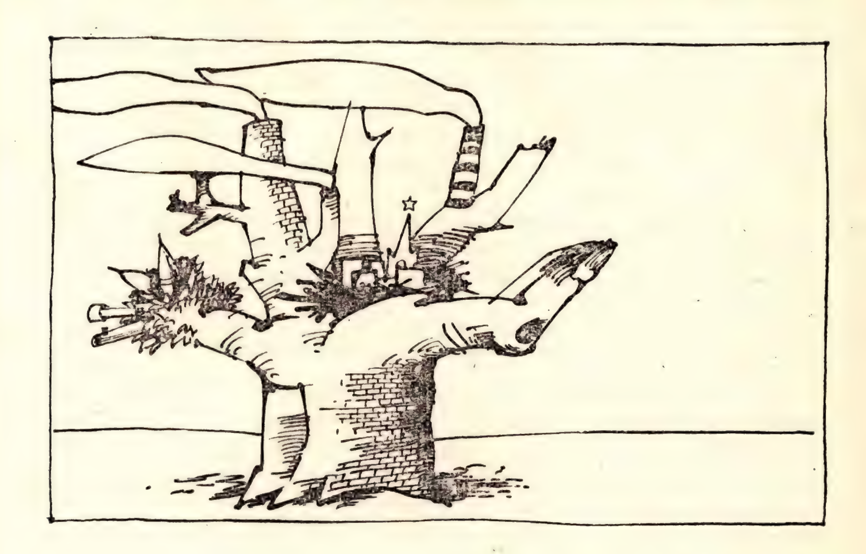
Система ИНТЕКСТ превосходит по возможностям текстовые базы типа ГИПЕРТЕКСТ.

Главные достоинства:

- возможность обращения к системе обычным человеческим языком;
- подсистема анализа некорректных вопросов (можно узнать, как система поняла вопрос, и просмотреть возможные варианты его переформулирования);
- обширный словарь, простой и быстрый поиск информации по ключевым словам или их комбинациям;
- наличие списка тестовых вопросов, которые касаются наиболее интересных моментов содержания тематических разделов системы, и возможность их использования как основы для вопросов пользователя. Просмотр по списку тестовых вопросов может использоваться для ознакомления с основными положениями включенных в систему тематических разделов;
- возможность редактирования и печати полученного ответа;
- доступность полных текстов документов, составляющих базу системы, для просмотра, распечатывания и контекстного поиска прямо по тексту документов;
- возможность варьирования набором документов (можно временно исключать группы документов из базы данных, если система отвечает слишком подробно).

С предложениями обращаться по тел.: (8-383-2) 35-69-91, 35-59-94.

На баррикадах НТР



НЕ РАСТЕРЯТЬ БЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

Беседа с директором Института теоретической физики имени Л. Д. Ландау академиком И. М. ХАЛАТНИКОВЫМ

— Сегодня и ученые, и журналисты все больше обеспокоены тем, что «утечка умов», если немедленно не принять мер, обескровит нашу науку. Академик С. С. Шаталин сравнил промедление здесь со «стратегическим самоубийством».

— Да, это опасное явление, к сожалению, стало реальностью и для нас. Сопротивляться ему будет очень сложно. Ведь даже высокоразвитые страны не могут предотвратить его. Например, в Великобритании, где традиционно высок уровень науки, над каждым ярким ученым нависает угроза, что его сманят в США: ведь условия, созданные для исследователей в этой стране, уступают амери-

канским. Только за последние годы несколько наиболее сильных физиков-теоретиков из Великобритании переехали в США.

От «утечки умов» сильно пострадала вся европейская наука. Причем меньше других — французская, и то, по-моему, только благодаря политике Шарля де Голля: во Франции ученые этой страны не имели права печатать свои статьи на английском языке. Лучшие ученые Германии, несогласные с политикой Гитлера или не удовлетворявшие режим по расовым признакам, эмигрировали в Америку. ФРГ понадобились десятилетия, чтобы восстановить уровень фундаментальной науки, сравнимый с современным европейским. Там появились хорошие институты. В частности, Штутгартский институт физики твердого тела стал одним из сильнейших в своей области в Европе.

Кстати, в нем с ноября 1988 г. в качестве одного из директоров работает сотрудник нашего Института теоретической физики К. Б. Ефетов. Русский директор в Штутгарте — это событие не осталось незамеченным в Европе.

— Как это произошло, от кого исходила инициатива!

— Нильс Бор говорил, что те идеи, которые действительно двигают науку, должны быть немного сумасшедшими. Так вот, такую «сумасшедшую» идею подал мне в начале 1988 г. на международной конференции по высокотемпературной сверхпроводимости один из директоров Штутгартского института физики твердого тела Питер Фулде. Дело в том, что этот институт управляется по очереди пятью директорами. В то время у них умер один из директоров. И координационный совет решил заменить его советским физиком с хорошей международной репутацией.

П. Фулде назвал кандидатуру — тридцативосьмилетнего доктора физико-математических наук К. Б. Ефетова, подчеркнув, что мы вольны порекомендовать и кого-либо другого. Я обсудил эту идею в Академии наук СССР, она встретила поддержку. Мы нуждаемся в хорошей школе для наших организаторов во всех областях, а тут столь престижное предложение.

— Имел ли этот случай прямые последствия!

— Не берусь утверждать, что сказался именно он, но уже к концу 1988 г. немало видных ученых из институтов АН СССР получили приглашения на работу профессорами в разные университеты мира. О нашем институте могу сказать, что наибольшее давление мы почувствовали со стороны американских университетов. Многие непременно хотели заполучить ученого-звезду из «института Ландау».

Репутация нашего института довольно высока благодаря «коллекции» блестящих умов. Собирались они с конца 60-х годов, когда стало ясно, что после автомобильной катастрофы Лев Давыдович Ландау уже никогда не вернется к занятию наукой. Он оказался последним универсалом, способным понимать все области теоретической физики. Было решено пригласить в институт специалистов по разным направлениям теоретической физики, которые смогли бы заменить Льва Давыдовича коллективным умом и стали бы генерировать новые идеи. Так оно и происходит. Наш институт в этом смысле уникален. То, что на Западе называется институтом теоретической физики, существующим при университете, соответствует кафедре в нашем понимании (у них там работают, как правило, 3—4 профессора, у нас — около 80).

Легко получали приглашения и молодые наши ученые на должности «постдокпозишн», которые учреждаются для защитивших диссертации (по нашим меркам — кандидатские). Возникло массовое волнение: все хотели выехать на работу за рубеж в числе первых, не будучи вполне уверенными, что ситуация в стране не изменится к худшему. Уговоры не спешить оказались тщетными.

Тогда мы установили у себя в институте правила выезда, аналогичные принятым в западных университетах, когда раз в пять лет профессор имеет право год поработать в университете другой страны. Там это называется «субботним годом» и является своеобразным творческим отпуском, поощрением. Дело в том, что на Западе наиболее яркие ученые работают, как правило, не в национальных лабораториях, а в университетах и имеют большую педагогическую нагрузку. На собственно исследовательскую работу остается мало времени. У нас нет столь жесткой зависимости ученого от педагогической деятельности (ею заняты примерно 30 % наших сотрудников). И это было веским аргументом в пользу длительных командировок.

Данное правило мы распространили на всех научных сотрудников института независимо от должности. Однако в длительные командировки одновременно могут выехать не более 20 % сотрудников, дабы не нарушился ритм жизни института. Наши исследователи работают в основном индивидуально. Два раза в неделю мы собираемся на семинары, чтобы обсудить полученные результаты. Любую направляемую в печать работу ее автор обязан представить на ученом совете. С двухмесячных командировок (раз в год) и поездок на международные конференции и симпозиумы мы сняли какие-либо лимиты. И оказалось, что как раз вышли на 20-процентный рубеж, и никому не было отказано.

— По данным, приведенным главным специалистом отдела научно-технического прогресса Управления делами Совета Министров СССР А. Караваевым, число исследователей, выехавших на работу за рубеж на срок от 3 до 12 месяцев с возможностью продлить пребывание там, за 1989 г. по сравнению с 1988 г. увеличилось в несколько раз, в США — в пять раз. Конечно, это еще не «утечка умов», хотя длительное отсутствие исследователей, видимо, все же не пройдет бесследно.

— Пока нам неизвестно, сколько уехавших в длительную командировку на Запад там и останутся. Нередко уехавшие на полгода просили продлить командировку до года и получали разрешение. Не исключено, что они пожелают продлить свое пребывание за рубежом, скажем, и до пяти лет.

Все уехавшие остаются нашими сотрудниками, получают 60 % зарплаты в институте. С ними имеются джентльменские соглашения, что они будут приезжать в наш институт в общей сложности на два-три месяца для продолжения совместных работ и представят отчет о своей научной деятельности. Но не стоит закрывать глаза и на реальность: в науке, по крайней мере, в теоретической физике, погоду делают несколько лидеров во всем мире. Скажем, многие годы американский ученый Гелл-Манн определял основные направления в физике элементарных частиц. Поэтому отсутствие лидеров научных направлений в течение года не может не сказаться на состоянии нашей науки и, конечно, на институте.

— Видимо, не только на научной деятельности, но и на подготовке будущих ученых, которой ваш институт уделяет много внимания.

— Мы придаем очень большое значение отбору молодых людей — традиция, идущая от Ландау. Он ввел систему экзаменов (теоретический минимум) для выявления талантов. Эта работа ведется на нескольких уровнях. Основной источник способной молодежи — наша кафедра в Московском физико-техническом институте. После сдачи вступительных экзаменов кафедра имеет право приглашать студентов и с других специальностей. Вторая стадия отбора — аспирантура, третья — когда после защиты кандидатской диссертации мы приглашаем человека в институт. Из отобранных таким образом способных молодых людей нам удается готовить хороших ученых благодаря первоклассным учителям. Они-то и являются тем магнитом, который притягивает талантливую молодежь. Лишимся их — лишимся и притока тех, из кого можно воспитать ученых.

В области физики твердого тела мы по-прежнему имеем хорошую команду учителей, а вот в физике элементарных частиц отъезд в

Принстонский университет одного из самых ярких наших ученых, лидера мирового масштаба, члена-корреспондента АН СССР А. М. Полякова мы уже почувствовали.

— Со звездами понятно. А если будут активно ездить на стажировку молодые ученые, это же благо и для исследователей, и для института. Или и тут есть негативная сторона?

— Конечно, молодым людям полезно повращаться в другой среде, познакомиться с высокоразвитой экспериментальной базой, перенять лучшее из западного опыта. Их отсутствие в меньшей степени отражается на общей атмосфере в институте. Важно только, чтобы количество не перешло в качество. В нашем институте есть молодые исследователи, которые уже являются лидерами в своих областях. Я не буду называть их фамилии. У меня даже появилась мысль скрывать авторов некоторых работ, чтобы не привлекать к этим людям повышенное внимание предприимчивых западных университетов, которые охотятся за талантами.

— Отечественная фундаментальная наука не в пример технике пользуется уважением в мировом научном сообществе. Чем мы здесь привлекательны?

— На мой взгляд, научными школами-хранителями традиций. Благодаря им поддерживается высокий уровень теоретической физики и математики. Мы — представители школы Л. Д. Ландау, в Московском физическом институте имени П. Н. Лебедева имеется школа И. Е. Тамма, в Ленинградском физико-техническом институте имени А. Ф. Иоффе — В. А. Фока, в Институте ядерных исследований в Дубне — Н. Н. Боголюбова и т. д. Школы различаются своим «почерком». По публикации легко узнать, к какой из них принадлежит автор. Эти школы — наше национальное достояние.

Такой традиции на Западе нет. Там в университетах периодически возникают небольшие научные коллективы и распадаются из-за того, что в результате сильной конкуренции другие университеты «перекупают» ученых. Например, за последние два года полностью разрушены группы физиков-теоретиков в Корнеллском и Чикагском университетах. Их «перекупили» университет Ратгерса и частично Принстонский университет более высокой оплатой труда и лучшими условиями жизни. Это типичное явление, так как на Западе денежной части карьеры придается решающее значение.

Мы же долгие годы жили в обществе, где деньги не играли существенной роли. Кроме творческих интересов, у людей, по суще-

ству, не было иных стимулов для занятия наукой. Лидерам научных направлений удалось не только создать, но и сохранить школы.

— А столь ли это серьезное достижение — школы? Не происходит ли в них, как в «командах», известное подавление инакомыслия, того «сумасшествия», без которого, как Вы подчеркнули, невозможен прорыв в науке? Другими словами, с чем сравнить эффективность «школьной» формы организации? Не характерна ли для них сильная ориентация на указания основоположников? Может быть, именно этим вызвано то, что из 380 Нобелевских премий, присужденных по физике, химии и медицине до 1987 г., 143 было присуждено американским ученым, 68 — английским и только 10 — русским и советским?

— Ответ на этот вопрос — тема для самостоятельного большого разговора. Мне бы не хотелось его здесь мимоходом затрагивать.

— Ну хорошо, тогда как же нам не оголить научные школы?

— Надеюсь, что выжить в новых условиях, когда страна становится более открытой и, видимо, скоро будет принят Закон о выезде из СССР и въезде в СССР, нам позволит создание филиала нашего института в Турине в Италии. Открыт он с 1 апреля этого года. В нем уже работают 10 крупных специалистов в области физики твердого тела. Мы намерены организовать работу «вахтовым методом», когда два постоянных состава (с небольшими вариациями) будут через полгода сменять друг друга. Чтобы филиал мог жить самостоятельной полнокровной жизнью, сохранить стиль базового института и при этом не навредить ему, он должен иметь некий критический размер — это 20 % от численности всех наших сотрудников.

Филиал создан под эгидой Европейского совета в Страсбурге. Предполагается, что советские ученые смогут свободно ездить по странам Европы, приблизятся к ее научным центрам, получат хорошие условия для работы и будут принимать в этом филиале коллег из других стран. Без свободы перемещений мы не сумеем наладить нормальную работу в филиале. У ученого может быть сегодня семинар в Германии, через два дня — во Франции. Для европейских граждан здесь нет проблем, а мы вынуждены чуть ли не месяц ждать визу. Европейский совет пытается помочь нам в решении данной проблемы. В случае успеха эта свобода перемещений будет распространяться на всех ученых из СССР.

Научные руководители смогут приглашать в этот филиал своих аспирантов и студентов. Первые несколько студентов выехали туда уже через два месяца после открытия. То есть, аспиранты и студенты не останутся брошенными на полгода. Центр привлекателен и для молодежи, которая может раньше приобщиться к мировой науке.

— Заманчивая перспектива. А чем же вы привлечете западных коллег? Всю «инфраструктуру» ваш институт (или наша страна) будет создавать на собственные средства?

— Нет. Предполагается, что этот центр будет финансироваться Европейским советом. Мы ведем переговоры о том, чтобы финансирование было гарантировано на пять лет.

— Почему речь идет о пяти годах?

— Сказывается привычка думать в рамках пятилеток.

— Значит ли это, что будет создано своеобразное совместное предприятие?

— Нет, это будет наш филиал. Мы останемся полностью свободными в выборе тематики исследований. Преподавать сотрудники станут не по обязанности, а по желанию. Возможно, они захотят читать спецкурсы в университетах. Тогда мы стали бы отбирать талантливых молодых людей уже в масштабах Европы. Конечно, при условии, что наш метод окажется приемлемым на Западе. Пока, насколько мне известно, такой «селекционной» работы там практически не ведут.

Мне рассказывал К. Б. Ефетов, как к нему пришел выпускник, который решил готовить под его руководством диссертацию (кандидатскую). Ефетов предложил ему задачу, которую мы обычно даем нашим выпускникам для определения уровня их знаний. У нас так принято, и никто не обижается. А немецкий дипломированный студент обиделся: «Я хочу с вами работать, это мое право». Там студенты и аспиранты выбирают профессора, а не наоборот, как у нас. На мой взгляд, наш подход позволяет более эффективно готовить ученых высокой квалификации.

— Как относятся к идее европейского филиала сотрудники вашего института?

— Они готовы по-прежнему работать в институте, отказываясь от других предложений. Сотрудники, имеющие приглашения на будущий год в американские и европейские университеты, не давали ответа в ожидании окончательного решения вопроса о филиале.

— Заинтересованность института и нашей страны понятна. А в чем интерес Европейского совета?

— Я уже говорил, что европейская наука сильно страдает от «утечки мозгов». Она заинтересована в любой солидной возможности противостоять мощному давлению США. Поэтому-то мы с оптимизмом смотрим на эту идею. Европейские ученые ~ этом центре

смогут работать с нашими, имея привычные для себя бытовые условия.

Мы намерены также создать московский центр, в который будем приглашать западных ученых в длительные командировки. Со стороны молодых ученых предложения есть. А вот с крупными учеными существенно сложнее. Здесь предстоит немало работы.

— То есть, вы хотите расширить выбор европейским коллегам: провести им свой «субботний год» в Париже, Штутгарте или Москве!

— Понятно, что мы не можем им предоставить условия жизни, хотя бы близкие к тем, к которым они привыкли. У меня как у директора пусто в руках. Президент АН СССР обещал предоставить Институту теоретической физики пять квартир в Москве для приема на длительный срок западных ученых с семьями. Особенно трудноразрешима продовольственная проблема. Получается, что единственный наш реальный капитал — интеллектуальный. Им-то мы и можем привлечь зарубежных коллег.

— Не растерять бы его. Благодарю Вас за беседу.

Беседу записала кор. ЭКО Т. М. БОЙКО

ЗАКОНЫ В ЭКОНОМИКЕ — ДЛЯ СИЛЬНЫХ И ТРЕЗВЫХ

В. В. МАРТЫНЕНКО,
Киев

Годы перестройки не только не оправдали прогнозов правительства, но и привели если не к движению вспять, то к остановке в развитии.

Внедрение первой и второй модели хозрасчета, аренды наделало много шума на страницах газет, на совещаниях и съездах. Многие министерства провели кардинальные сокращения своих рядов. Наиболее смелые предприятия переходили с первой модели на вторую, а то и на аренду. Началось внедрение хозрасчета и в цехах предприятий. Коллективный подряд, работа на единый наряд, сквозной подряд, аренда — какой простор для экспериментаторов! Еще одна графа в статотчетах приятно радовала глаз вышестоящих руководителей. Через некоторое время выяснилось, что предлагаемый администрацией хозрасчет имеет дальнее сходство с хозрасчетом. Ставилась цель: коллективы участков, цехов берут обязательства выпускать продукцию согласно плану, а мы, администрация, находимся в роли судей и наблюдателей. И при этом не несем никакой ответственности за отдельные недостатки в планировании, снабжении, и т. д. Предлагаемые правила приняты, и игра в хозрасчет началась. Коллективы участков, цехов не выполняют обязательства по выпуску продукции, объясняя срывы плохим планированием, снабжением, а то и открыто грозя забастовкой, требуют первоначально установленную сумму заработной платы как за выполненный план. В дальнейшем ситуация повторялась. Так преднамеренно, а может, по простоте душевной, происходит дискредитация хозрасчета, аренды, перестройки. Оправдание у нас всегда есть: трудности переходного периода, отсутствие теории переходного периода, у соседей еще хуже и т. д. Отдельные предприятия, такие, как «Конвейер», где аренда дала результат, только подтверждают правило. При этом им суждено быть не только победителями. Первое же серьезное поражение, а точнее, финансовые трудности, возвратят их в исходное состояние.

За пять лет в производственных отношениях на киевских предприятиях не произошло изменений. Более того, классический конфликт производительных сил и производственных отношений достиг максимума, грозя взрывом в любой момент. Те, кто не в силах разрешить этот конфликт мирными экономическими методами, ведут лихорадочный поиск врагов: кооперативы, пресса, а сегодня и высшие партийные руководители, на которые можно будет направить этот взрыв.

Где же берутся средства на эти эксперименты без результата? Это приписки, которые получили повсеместное распространение (наше предприятие в «благородных» целях в отдельные месяцы приписывает до 1 млн руб. товарной продукции, при месячном плане 8,5 млн руб.); это премии за так называемые договорные поставки (отменены в 1990 г.); рост цен; повсеместное корректирование плана и его успешное выполнение затем; изготовление образцов «новой техники».

В качестве иллюстрации приведу цифры, характеризующие работу нашего предприятия.

За 1988—1989 гг. завод уменьшал выпуск оборудования на 55 ед. ежегодно по сравнению с 1987 г. (ежемесячно завод выпускает в среднем 75 ед. оборудования). Ежемесячная заработная плата производственных рабочих последние два года росла в среднем на 30—45 руб. (за год). В отчетах завод выглядит вполне преуспевающим, одним из маяков министерства. Ведь только «подтверждение» Знака качества и добавление в модель оборудования буквы «Н» (принципиально же оборудование в течение 15 лет не менялось) принесло заводу ежегодной товарной продукции на 12 млн руб. Одним росчерком пера — 12 млн руб.! Какой кооператив может составить конкуренцию! Об этих «шалостях» известно и руководителям министерства, и «отцам» города, республики. Требуя в прессе остановить инфляцию, они тайно делают все, чтобы она росла в жизни, кивая на кооператоров.

Подводя промежуточные итоги затянувшейся перестройки экономики, предлагаю следующие этапы, условно разделяющие эти несколько лет:

I этап. Конец 1985—1987 гг., годы энтузиазма, вызванные лозунгами перестройки. Началось внедрение форм хозяйственной самостоятельности на предприятиях.

II этап. 1988 г., год «выстоя» экономики, когда лозунговый энтузиазм уже иссяк, а законы, которые были приняты в отношении предприятия, доходили только до проходных предприятий, да до кабинетов администрации. Год окончательной потери административных рычагов управления, при этом экономические рычаги управления остались в прессе и телевидении.

III этап. С 1989 г. «выстой» экономики окончился. Она «качнулась» вниз и с каждым месяцем

маховик инерции набирает обороты.

Такое условное деление на этапы, думаю, характерно не только для предприятий машиностроения Киева.

Рассмотрим основные действующие лица наших предприятий сегодня. Это, с одной стороны, рабочие основных цехов, а с другой — администрация в лице директора, начальников, мастеров. Я не рассматриваю инженерно-технических работников предприятий (ИТР), вспомогательных рабочих. Напуганные предстоящими сокращениями и возможностью обойтись на предприятии без любого из них, они занимают сегодня роль наблюдателей. Безусловно, в своем большинстве они поддержат самые радикальные изменения в экономике.

Рабочие механических цехов, рабочие-станочники сегодня в основном представлены выходцами из крестьянских семей. На разных предприятиях города от 70 до 90 % от общего количества — это рабочие в первом поколении. До 60 % рабочих-станочников сегодня в возрасте 45—60 лет. Особенно резко возрастает доля «лимитчиков» среди станочников, занятых работой на универсальном оборудовании и работой во вредных условиях. От 10 до 30 % представляют рабочие во втором поколении, занятые на высокопроизводительном оборудовании с ЧПУ, обрабатывающих центрах и т. д. В связи с ограничением числа «лимитчиков» в механических цехах постоянна нехватка рабочих.

Обратная картина наблюдается в сборочных цехах. В связи с хронической неритмичностью в течение многих десятилетий численный состав рабочих этих цехов в 2—2,5 раза превышает оптимальный (расчетный) состав для таких цехов. Около 70 % — это рабочие во втором и третьем поколении, которые пришли на завод по примеру своих родителей. Остальные 30 % рабочих приняты по распределению с высшим или среднетехническим образованием, или по протекции. Рабочие сборочных цехов имеют более высокие заработки, чем станочники, как в абсолютном выражении, так и в относительном, т. е. избыточная численность позволяет затрачивать на получение определенной суммы зарплаты в 2—2,5 раза меньше времени (а для привилегированной части — в 5 раз), чем для рабочего-станочника. Высокие заработки объясняются постоянным и длительным, открытым и завуалированным шантажом руководителей цехов и предприятий возможным срывом сборки изделий в последний день месяца, в последний месяц квартала, года, пятилетки и т. д. Это наиболее организованная часть рабочего класса, но не потому, что здесь партийная организация сильна, а потому, что здесь огромную роль играет профессиональный «клан». Клан, который «держит в своих руках» как рабочих этих цехов, так и большинство руководителей

предприятия, стремясь сохранить свои привилегии, достигнутые за долгие годы.

Отдельного исследования требуют рабочие литейных цехов машиностроительных предприятий. В силу известных обстоятельств трудовые коллективы этих цехов в своем составе до 20 % состоят из антисоциальных элементов (алкоголики, освобожденные с мест лишения свободы). Низкая квалификация, ручной труд являются определяющими. Одним из главных стимулов (кроме высокой заработной платы) является спирт, который применяется в технологии литейного производства. Он по-прежнему мобилизует как на трудовые подвиги (сверхурочные, субботники), так и на другие мероприятия (участие в праздничных демонстрациях, митингах в поддержку и т. д.).

1986 г. положил начало изменениям в кадрах управления предприятий на всех уровнях. К управлению пришли в основном молодые руководители, бывшие выпускники институтов, многие — в результате выборов. Почему же эти люди не только не смогли выправить положение в экономике, сложившееся к концу 1985 г., но и фактически привели к развалу экономики сегодня? Почему газеты обсуждают поиски руководителей нового типа? Почему, при явном переборе управленцев на каждом предприятии, нелегко найти этих самых руководителей? И если их найдут, подготовят на Западе, нужны ли будут их знания сегодняшнему предприятию?

Находясь под наркозом лозунгов перестройки, руководители предприятий в первые два года произвели перетасовку руководителей участков, цехов, отделов. Многие люди с идеями и желанием их выполнить попали в этот отряд руководителей. В основе многих назначений лежали деловые качества, к этому вынуждали и цифры роста, принятые на 12-ю пятилетку. Это была первая волна перетасовки кадров.

Принятие Закона о предприятии с выборностью руководителей привело к новой перетасовке кадров. Выборы хозяйственных руководителей от мастера до директора, не подкрепленные экономически, привели к управлению людей, выражающих корпоративные интересы коллективов. Самое главное требование: рост заработной платы без связи с ростом производительности труда. После первых уроков выборов стало ясно, что выборы можно использовать и для устранения неугодных администрации. Натравливание коллективов участков, лабораторий, цехов на руководителей вошло в повседневную практику.

Работать хорошо стало не только невыгодно, но и опасно. Разоблачения прессы о коррупции в высших эшелонах власти в сочетании с безнаказанностью, инфляция, дефицит привели к повсеместным служебным прегрешениям. Взятки, отоваривание за границей за счет предприятия,

личные «деловые» контакты с руководителями кооперативов, создание собственных кооперативов через подставных лиц, использование рабочих в личных целях, но за счет предприятия достигли своего зенита. Основной тип руководителя, который остался на «плаву»: «И сам живет, и другим дает!»

Многие руководители участков, цехов — добросовестные честные люди. Но в нынешней экономической ситуации они вынуждены не высовываться, так как являются игрушкой как в руках коллективов, так и администрации.

В 1989 г. к общей ситуации, сложившейся на предприятиях города за многие десятилетия, добавилось следующее:

1. Открытый шантаж забастовкой или перевыборами руководителей цехов и заводов с целью получения дополнительной оплаты.

2. Уход руководителей, желающих изменить сегодняшнюю ситуацию на предприятиях.

3. Падение трудовой дисциплины, которое имеет экономические причины, а не является следствием демократии и гласности. Пьянство вернулось в раздевалки и на рабочие места, а то и в кабинеты руководителей.

4. Произошло смыкание интересов привилегированной и малоквалифицированной части рабочего класса и наиболее консервативной части хозяйственных руководителей, парткомов. Впервые их цели оказались одинаковы: «законсервировать» все как есть, авось пронесет. Только вот кооперативы своими высокими заработками мешают. Дурной пример заразителен.

На сегодняшний день на предприятиях установилось шаткое равновесие. Обе стороны: рабочие и администрация с помощью постоянного роста зарплаты, распределения предметов первой необходимости и всевозможных дефицитов пытаются удержать это равновесие как можно дольше. Как следствие, любые попытки оздоровить экономику на предприятиях приводят к серьезным конфликтам. Один из самых распространенных — скрытая или открытая забастовка.

Сегодня перестройка для того, чтобы выжить, должна перейти от митингов против партократии, против министров и начальников, в цехи и отделы заводов. Сокращение рабочих мест, банкротство и закрытие многих предприятий, переквалификация высвобождаемой рабочей силы — все это неизбежно предстоит нам пройти. Пойдут ли на эти жертвы рабочие и аппарат управления предприятий добровольно? Не пойдут, а будут делать все возможное, чтобы сохранить нынешнее положение. Вот почему по мере продвижения к перестройке экономики на предприятиях нарастает сопротивление на всех уровнях.

Перестройка за прошедшие пять лет не смогла создать самого главного — экономического фундамента, на который можно

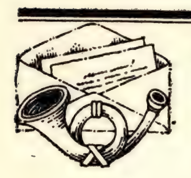
опереться в это неспокойное время. Поэтому и нет гарантии необратимости перестройки. Успеет ли нынешнее руководство страны создать такие гарантии и вывести страну из кризиса? Или все придется начинать сначала, но уже лет через 10—15, и после танков, и другим руководителям?

В заключение несколько выводов инженера, работающего на машиностроительном предприятии, по поводу оздоровления экономики.

1. Создать экономический фундамент перестройки. Принятие законов «О земле» и «О собственности»— первые шаги в этом направлении, но они позволят появиться на арене общественной жизни фермерам, кооператорам, владельцам личной собственности. Свободным людям. Они и будут первым гарантом необратимости сегодняшних и завтрашних перемен в стране.

2. Сделать все возможное, чтобы государство перестало внедрять хозрасчет на предприятиях и тем самым «пожинало» результаты конфликтов, нынешних и будущих. Зарплата рабочих предприятий — дело рук самих предприятий, а не Горбачева! А вот контроль за тем, чтобы средства на зарплату были честно заработаны — дело рук государства, его банков, независимых от «добрых» начальников.

3. Создать равные условия для работы как государственных предприятий, так и кооперативов, смешанных, акционерных, наконец, частных предприятий. Они помогут определиться, кто есть кто. Надо помнить, что, по выражению Столыпина, законы в экономике принимаются для сильных и трезвых людей. На них и делать ставку.



Из писем в редакцию

Вопросы об аренде

Начальник Алтайского краевого управления инкассации Е. П. ДРУЖИНИН спрашивает:

Если арендный коллектив строит здание за счет

- уменьшения арендной платы арендодателю — 30 %;
- собственных средств фонда развития производства — 50 %;
- выпуска акций трудового коллектива — 20 %, то, в соответствии с Основами законодательства Союза ССР об аренде:
- кто будет являться собственником этого здания;

- как и в какую сторону может быть изменена арендная плата после ввода мощности;
- можно ли выпускать акции трудового коллектива на средства фонда развития производства?

Отвечает руководитель лаборатории управленческого консультирования ИЭиОПП СО АН СССР В. Ф. КОМАРОВ:

В Основах законодательства СССР об аренде нет буквальных ответов на эти вопросы, но если исходить из духа этого документа, а также проекта Закона СССР об акционерных обществах и товариществах, то ответы будут следующими.

1. Собственниками здания будут владельцы акций, причем 30 % акций будет держать арендодатель, 70 % — трудовой коллектив. Формально правами собственника будет обладать общее собрание акционеров.

2. Арендная плата может быть изменена на условиях, записанных в арендном договоре. Величина арендной платы будет равна, например, величине банковского кредита на сумму 30 % стоимости здания. Могут быть применены и другие условия.

3. Фонд развития производства является собственностью трудового коллектива. Можно выпустить на эту сумму акции и раздать работникам.

Цены «с потолка»

Предлагаю на предметы роскоши (можно на все товары, кроме предметов первой необходимости) установить «потолочную» цену. Возьмем, к примеру, автомобиль новой марки. Допустим, его первоначальная розничная цена 20 тыс. руб. Скажем, через полгода цена автоматически снижается до 18 тыс. руб., еще через полгода — до 16 тыс. и так далее, по регрессии. Когда цена станет приемлемой для определенных лиц, автомобиль будет куплен. Произойдет это в результате скрытой конкуренции между людьми с высокими доходами. В итоге государству товар принесет пользу, а конкурентному производителю — огромный доход. «Выкачав» неотоваренные деньги у населения, можно будет решить многие экономические проблемы. Лиц, купивших товар по баснословной цене, ни в коем случае не нужно преследовать — это может породить новую волну экономических преступлений: спекуляций, сговоров, подлогов и т. д.

Одни могут возразить, что предприятия займутся погоней за выпуском остродефицитных товаров, другие назовут это хлопотным делом, третьи начнут задумываться над равновыгодностью таких товаров и цен между производителем, государством и потребителем. В любом случае такой эксперимент считаю полезным. Возможно, тогда отпадут думы о денежной реформе и необходимости пышных аукционов.

Ж. Т. ОСМОНКУЛОВ,
Кара-Куль, Киргизия

Напрасно наши обществоведы ограничиваются рассуждениями об «обществе в целом» либо «коллективе хозрасчетного предприятия», не желая признавать ключевую роль производственно-ведомственных систем, своеобразных производственных технократий, образовавшихся в результате сращивания государственных органов управления с администрацией крупных предприятий. Их эволюция, возможно, не менее интересна и важна, чем дебаты в новом парламенте.

НОВЫЙ ЛИК СТАРОЙ СИСТЕМЫ

К. М. ЛЕМЕШЕВ,
Центральный экономико-математический институт АН СССР,
Москва

Спектр новых форм хозяйствования сегодня весьма широк. Рождаются концерны, ассоциации, союзы, консорциумы на общесоюзном, республиканском, отраслевом уровнях. К примеру, концерн «Газпром» включает более 800 предприятий бывшего Мингазпрома. По решению правительства в него вошли предприятия, обеспечивающие работу Единой системы газоснабжения СССР и участвующие в технологическом цикле добычи, переработки, транспортировки и хранения газа. Они сохранили самостоятельность, которую имели при министерском правлении, с той лишь разницей, что планы и экономические нормативы им теперь устанавливает совет концерна. В концерн на добровольной основе включены и пользуются правом свободного выхода также предприятия и организации, выполняющие научно-исследовательские, проектные, строительные, ремонтные, пусконаладочные и иные работы. Хотели бы войти в него и некоторые машиностроительные предприятия смежных отраслей.

Функции концерна, определенные в правительственном постановлении, те же, что зафиксированы в типовом положении о министерстве: планирование перспектив разви-

тия отрасли, проведение единой научно-технической и инвестиционной политики, содействие социальному развитию коллективов и т. п. Для чего же тогда он создан? На мой взгляд, для того, чтобы приобрести более широкие полномочия во внешнеэкономической деятельности, воздействии на смежников (прежде всего поставщиков оборудования), а главное — ослабить контроль со стороны государства.

В частности, если раньше министра назначал Верховный Совет СССР, то теперь председателя совета концерна выбирает сам этот совет, в который входят руководители предприятий и председатели СТК. То есть прямое административное управление отраслью демонтировано. Главой концерна избран бывший министр В. С. Черномырдин. Доверие, оказанное ему газовиками, свидетельствует о том, что, будучи министром, он последовательно отстаивал их интересы.

А что же государственный аппарат? Он променял хозяйственную власть на призрачное фискальное благополучие. В связи с переходом в 13-й пятилетке к налогообложению прибыли, из 306 предприятий и объединений лишь 53 смогут сами вносить налоги в проектируемых размерах. Концерн гарантирует уплату всей суммы налогов государству. Таким образом, у концерна все-таки имеется явный «плюс».

Но есть и побочный эффект — политический. Госаппарат переложил ответственность за распродажу ценного природного сырья за рубеж на хозрасчетную фирму. Однако целиком избавиться от ответственности ему все же не удастся. Ведь общенародный интерес заключается в том, чтобы планомерно сокращать добычу, экспорт и нерациональное использование газа и тем сберечь сей невоспроизводимый ресурс для будущих поколений, а также защитить территории и природные экосистемы, обладающие невысоким восстановительным потенциалом. А в интересах отрасли, т. е. концерна, всячески наращивать добычу и продажу газа. Поэтому позволю себе прогноз: «дело» государственного концерна «Газпром» не закончено, на очереди создание парламентского комитета по топливно-энергетическому комплексу.

Возможно, кто-то скажет, что успехи «демократизации» среднего звена управления призрачны. Что, мол, с того, что председателем государственной ассоциации «Агрохим» стал бывший министр промышленности по про-

изводству минеральных удобрений Н. М. Ольшанский? Так тому и следует быть, ведь председатель ассоциации утверждается Совмином СССР. Избрание свидетельствует не о стратегическом единстве интересов хозяйственников и ведомственного аппарата, а лишь об очередной победе партократии. Хозяйственники же оказались настолько слабы или запуганы, что не смогли и «гуртом батьку скинуть». Нет! Коллективный интерес предприятий не смущается высокими званиями.

В августе 1989 г. в Ленинграде собрались более 300 представителей 90 предприятий горагропрома. Все выступавшие были единодушны — выход из кризиса в переходе агропромышленного комплекса на самофинансирование, упразднении Ленгорагропрома. В ходе дискуссии о выборе конкретной формы хозяйственного самоуправления стало ясно, что наиболее привлекателен для собравшихся совет директоров как высший орган управления АПК. Предложение выбрать председателем совета директоров Ю. Максимова, «завоевавшего у работников АПК заслуженный авторитет», поддержки не встретило. Председатель им вовсе не нужен. Хозяйственники хотят командовать сами через совет директоров, иметь исполнительный комитет при нем.

Чем же не устроил руководителей Ю. Максимов? Тем, что он — первый заместитель председателя горисполкома, т. е. лицо, которому придется отвечать в горсовете за свои действия, цены и качество пищепродуктов. Он не может возглавлять команду, которая изготовилась обирать ленинградцев. Хозяйственники прямо заявили ему об этом и предложили в утешение кресло рангом пониже в новой структуре...

Итак, пресловутая административно-командная система тихо и довольно давно скончалась. Ее дух унаследовали отраслевые корпорации и территориальные хозяйственно-политические структуры. Власть принадлежит тем, кто реально распоряжается материальными и финансовыми ресурсами и продуктами труда. Создание концернов и директорских парламентов не укрепит государство. Не может оно, проводимое в отрыве, а часто и в ущерб самоуправлению трудовых коллективов, преодолеть отчужденность основной массы работников от принятия решений, от средств и результатов производства.

КАК ПОПРАВИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ?

Административно-командная система — одежда, скрывающая сложный и тяжело больной монополизмом экономический организм. В связи с этим предлагается ввести антимонопольное законодательство. В частности, монополист, производящий более 30 % какого-либо вида продукции, не должен быть вправе устанавливать договорные цены. На бумаге все просто, а в действительности? Договорным ценам без году неделя, а монополизму как минимум шесть десятилетий. Если монополист не может установить цену по договору, он добьется, чтобы государственная цена покрывала его издержки и давала необходимую прибыль.

Зарубежный опыт применения антимонопольного законодательства во многом негативный, эффективность юридических мер весьма низка. Вот лишь один пример. Комиссия европейских сообществ — исполнительный орган «Общего рынка»— сообщила о своем решении наложить 10 млн дол. штрафа на 14 металлургических предприятий, действующих в ФРГ, Франции, Италии, Бельгии, Нидерландах и Люксембурге. Наказание было вынесено после долгого юридического разбирательства в соответствии с действующим в ЕЭС антимонопольным законодательством. Хозяева металлургических заводов заключили картельное соглашение по ценам и сферам влияния, чтобы утвердить свое господство на рынках шести стран. Картель действовал с 1981 по 1985 г. и контролировал объем продажи стали и проката на сумму 840 млн дол. Нетрудно подсчитать, что даже при скромной норме монопольной сверхприбыли в 3 % картель дополнительно присвоил 126 млн дол., выплатив из этой суммы 10 млн дол. штрафов. Остаток составил 116 млн дол. Моральный ущерб нулевой, а штраф стал прекрасной рекламой.

Государственная власть развитых капиталистических стран не гнушается применять к монополиям различные организационные меры. Так, дважды за послевоенное время проводились кампании по расформированию монополий непосредственно или через национализацию с последующей реприватизацией. Но вряд ли именно подобные меры сыграли решающую роль в сдерживании даль-

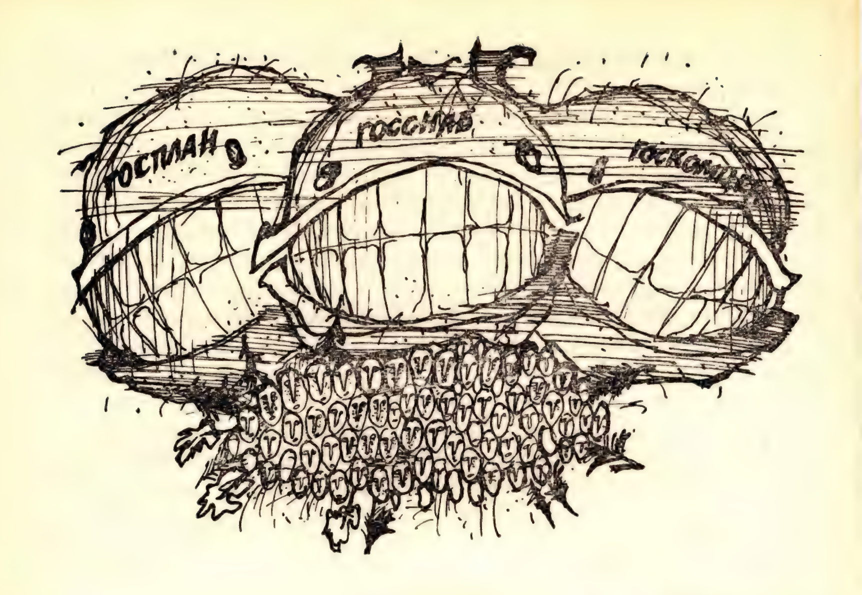
нейшей монополизации и оживлении конкуренции на Западе.

Антиобщественный сговор может быть без лишних слов достигнут в министерском кабинете, с криком — на заседании совета директоров предприятий. Поэтому расширение круга лиц, участвующих в принятии решений отраслевого масштаба — важное направление демократизации хозяйственной жизни. Если поднимут голос рядовые работники отрасли, скажем, на конференции рабочих комитетов, в их требованиях будет меньше экспансионизма и рвачества, больше готовности идти на компромисс с правительством, смежниками, потребителями. Но только в случае, если идея солидарности всех трудящихся возвысится в их сознании над соблазном групповой выгоды.

Естественно ожидать, что чем крупнее коллективы, тем сильнее этот соблазн, значительнее средства для достижения их собственных целей. Возьмем для примера итальянские автономные (не входящие в национальные профцентры) профсоюзы машинистов локомотивов и пилотов гражданской авиации. Сегодня эти группы трудящихся недовольны условиями «отраслевого контракта». Соответственно одна из острейших проблем в Италии — транспортная. И вот приходится специально справляться, будет ли забастовка, на каких участках, каких именно работников и т. д. Нужно точно рассчитать, в каком пункте застанет тебя прекращение работы, как добираться оттуда до ближайшего вокзала. И так изо дня в день. Поэтому не случайно все настоятельнее звучат требования законодательно ограничить забастовки в сфере услуг.

Самостоятельность и самодеятельность коллектива как части общества имеют естественные пределы. Коллективы ограничены изнутри правами своих членов, а извне — интересами других коллективов, лиц и государства, выступающего от имени общества.

Демократические формы управления и самоуправления должны развиваться постепенно и пропорционально. Упор же на отраслевые парламенты и хозрасчет союзных и автономных республик представляется явной диспропорцией. Такая политика напоминает дискуссию, которая велась в первый год перестройки: надо ли человеку быть хозяином на своем рабочем месте или он должен стремиться к личному участию в управлении национальной экономикой? Ответ давно известен: нужно и то, и другое.



НЕ ПОНИМАЮ!

В. С. СОМИНСКИЙ,
доктор экономических наук, профессор,
Ленинград

Вслед за известным сатириком Михаилом Задорновым я тоже многого не понимаю. Но ему, писателю, простительно. А каково мне, профессионалу-экономисту, 50 лет преподающему экономику, организацию производства и управления промышленными предприятиями? Вроде, все должен понимать. А я не понимаю.

●

Спорят о госзаказе. Быть ему или не быть на уровне 100 % использования производственной мощности. Договорились — быть меньше 100 % (хотя на практике это не соблюдается и нередко госзаказ даже выше 100 %, т. е. включает продукцию, произведенную сверх расчетной мощности). Мне же непонятно, что такое вообще государственный заказ.

По здравому смыслу — это предложение государства, а точнее, государственных органов, находящихся на бюд-

жете, изготовить какую-то конечную продукцию или выполнить какие-то работы, необходимые для социальных надобностей, обороны, реализации программ общегосударственного значения. Госзаказ, учу я студентов, должен быть выгодным предприятию, гарантировать ему маттехснабжение (под госзаказ), оплату на длительный срок и, конечно, предусматривать жесткие санкции за невыполнение заказа. Но ни о каком гарантированном снабжении речи нет. Договоры с поставщиками — дело предприятия, получившего госзаказ. Госзаказ по идее — это мечта предприятия, и завоевать на него право нужно в конкурентной (конкурсной) борьбе. А на самом деле... госзаказ, с момента его появления в 1988 г., справедливо именуют госприказом, эдаким мутантом «плана-закона».

Не понимаю, почему под желанный заказ его исполнители не могут получить у поставщиков то, что им требуется для выполнения госзаказа, да и выйти за его рамки. И вообще заказывать самим и самим договариваться с потребителями и поставщиками. При таких взаимоотношениях удалось бы, по-видимому, по меньшей мере на треть снизить грузонапряженность на железных дорогах страны и намного облегчить работу всех других видов транспорта. Ибо, какой же нормальный хозяин станет в Карелии заказывать себе сырье из Братска или Сахалина, а затем туда же везти свою готовую продукцию.

На подавляющую часть продукции нынешний госзаказ не нужен, бессмыслен. Наивно думать, что предприятие, изготовляющее газетную бумагу, без госзаказа начнет изготовлять картон, а лесозаготовители перекинутся на добычу угля. Изготовители будут делать то, что они могут и что им выгодно (а госзаказ должен быть самым выгодным из всех возможных предложений!). Кооперирование обеспечит договоры с поставщиками и потребителями на взаимовыгодных условиях по приемлемым ценам (с учетом, конечно, цен, предложенных госзаказом и удовлетворяющих изготовителя), без прейскурантов, утверждаемых Госкомцен. Это и будет оптовая торговля, в рамках которой найдет свое место госзаказ.

Оптовую торговлю требовали ввести шесть съездов КПСС на протяжении 30 лет. Однако ее нет и не будет, пока правят бал сверхмонополии — Госплан и Госснаб — с их гигантским аппаратом. Не понимаю, какие опасения вызывает оптовая торговля? Опасаемся, что возникнет

анархия в снабжении и сбыте, что возрастут непомерные запасы, усугубится дефицит? Все это — мифы, порожденные аппаратом. Главная его боязнь — потерять властные права, поддерживаемые камуфляжем бессчетных положений и инструкций.

Разумеется, оптовая торговля нуждается в посредниках, а для мелкооптовой торговли необходимы склады и базы. Посредническая деятельность в народном хозяйстве в целом и в промышленности, в частности, одна из главных сфер занятости в высокоразвитых странах. Доля посреднической деятельности в национальном продукте США составляет 16,3 % (в СССР — 1,58 %). В нашей промышленности этот вид деятельности находится в зачаточном состоянии. Пока есть госприказ — посредники не требуются.

Разумеется, необходимы межотраслевые балансы, конъюнктурные прогнозы и расчеты. Разумеется, необходима давно назревшая ликвидация отраслевых министерств, наряду с введением в действие антимонопольного законодательства, чтобы место монополий-министерств не заняли монополии-объединения.

Не понимаю, почему с согласия Совета Министров СССР монополии не ликвидируются, а приумножаются. Разве не монополия всесоюзный газовый концерн, заменивший собой Мингазпром? Или территориальное научно-производственное объединение «Центробумпром» Минлеспрома СССР, куда входят предприятия, размещенные на Сахалине, в Калининграде, в Коми АССР и в Горьковской области? А научного в нем — только подмосковный НИИ. Примеров подобной мимикрии сколько угодно.

Необходим реальный выход предприятий и организаций на внешний рынок. И не только для продажи, но и для покупки сырья, техники, технологии. Но и это, и другое возникнет только при отказе от системы директивного распределения через госзаказ-госприказ. Системы, которую нельзя усовершенствовать и приспособить. Ее надо сломать как можно быстрее.

Я далек от мысли ликвидировать Госплан, Госснаб и Госкомцен, передать их здания, как предлагал один из народных депутатов СССР, под гостиницы. Для народнохозяйственных расчетов и внешнеэкономических связей надобен высококвалифицированный аппарат Госплана и Госснаба, опирающийся на мощные информационно-вы-

числительные и исследовательские центры, аппарат профессионалов-экономистов, где на выходе будут взвешенные, тщательно подготовленные альтернативные рекомендации для правительства, для крупных поставщиков и потребителей. Не директивы, приказы и указания, а рекомендации.

Необходим и надзор за ценами. Однако надзор экономический, опирающийся на налоги и льготы по этим налогам. Несерьезно выглядят рассуждения о групповом эгоизме коллективов предприятий, вымывании дешевых товаров, раздувании фонда заработной платы. Все это не причины, а следствия диктата административно-командной системы. Именно она, а не коллективы предприятий, ответственна за дефицит бюджета и пустые полки. И госзаказ в его нынешнем виде — наиболее яркое проявление этой системы.

•

Не понимаю, почему сохраняются дотации убыточным предприятиям. Понимаю, когда убыток — следствие несправедливых цен и тарифов, как у угольщиков или лесозаготовителей. Но не понимаю, когда убыток вызван неразумно запланированным свыше ассортиментом. Или тем, что руководит предприятием некомпетентный, профессионально непригодный работник. И совсем ничего не понимаю, когда дотация используется не на покрытие разницы между низкой ценой и высокой себестоимостью, а на... фонды экономического стимулирования. Подумать только: на планово-убыточном предприятии строят жилье, платят премии за то и за это, что-то реконструируют



(из дотаций!), а убыток спокойненько покрывает министерство за счет прибыльных, хорошо работающих предприятий. Между прочим, планово-убыточные предприятия ухитряются и госзаказы получить. Уму непостижимо!

Не понимаю, почему немалое число предприятий тяжелой, легкой и пищевой промышленности изготовляют товары народного потребления и промышленного назначения удручающе низкого качества. Такие изделия не раз уже демонстрировались на ВДНХ. При дефиците на все и вся есть изделия, которые не берет самый невзыскательный потребитель. Однако их производят, они соответствуют неким стандартам, на них расходуются сырье, энергия, труд и его оплата. Производители выполняют план и госзаказ, получают прибыль, хотя в нормальной экономике они давно бы разорились дотла. Не понимаю, почему реализованной считается продукция, сданная на склад или на оптовую базу, а также насильно, приказом министерства или Госснаба, навязанная потребителю с принудительным списанием оплаты со счета покупателя, упирающегося «всеми четырьмя».

Впрочем, есть немало видов продукции вполне доброкачественной, но не нужной народному хозяйству вообще, либо нужной совсем в иных количествах. Вроде энергорасточительного трактора «Кировец», вместо или наряду с которым надо было бы иметь малые тракторы с навесными орудиями. В принципе это было ясно еще более тридцати лет тому назад. Однако по-прежнему госзаказ стимулирует «Кировец». Стимулируется производство большегрузных автомашин. А народному хозяйству требуются разные. И большие, и средние, и совсем маленькие. Электро- и мототележки, универсальные грузовички с устройствами для погрузки и разгрузки. Миллионы таких автомашин бегают по внутренним дорогам западных предприятий, выходя и на довольно дальние пробеги — за сырьем, к потребителю. У нас таких машин практически нет.

Не понимаю, почему так много пишут о конверсии оборонной промышленности и ничего не предпринимают для конверсии гражданской промышленности с ненужной и недоброкачественной техники на полезную и качественную. Может быть, потому, что существует госзаказ?..

Не понимаю, почему в промышленности делают амортизационные отчисления с оборудования, установленного

давным давно, в XIX веке, и со зданий постройки петровских времен. Куда идут эти отчисления, заметно повышающие себестоимость и снижающие прибыль? Я учу студентов, что амортизационные отчисления предназначены на реновацию, на замену физически износившейся и морально устаревшей техники и сооружений. И не могу объяснить им механизм изъятия амортизационных отчислений в так называемый централизованный фонд, когда предприятию остается лишь малая доля этих отчислений.

Впрочем, столь же я беспомощен, пытаясь объяснить, почему у изготовителя отбирают его прибыль. Добро бы налог. Но отбирают до 90—95 % прибыли, лишая всяких стимулов. Причем согласия на отчисления и перечисления от предприятий не требуется. Банк повинуется приказу свыше и вовсе не нуждается в подписи директора и главного бухгалтера — номинальных распорядителей счета.

Не понимаю механизма распределения косвенного налога, так называемого налога с оборота, а в книжной и журнально-газетной торговле — разности между ценой номинала и затратами издательства. Текстильщикам, швейникам, обувщикам оставляют столько, что им не на что обновлять технику и технологию, развивать социальную инфраструктуру. Доходы от реализации многотиражных изданий книг, журналов, газет фантастически велики. Рентабельность здесь достигает 800—1000 %. Однако на долю бумажников, полиграфистов и издателей приходятся жалкие крохи — до 3—4 %. Остальное проваливается в бездонную бочку обезличенного госбюджета.

А пока что этот «механизм изъятий» в сочетании с госзаказами, являющийся основой существования Минфина СССР и союзных республик, вызывает прогрессирующее обнищание тех самых отраслей и производств, которые способны приносить высокий доход государству. Как не вспомнить притчу о курице, несущей золотые яйца, и ее несчастной участи.

●

Есть еще немало того, чего я не понимаю в деятельности предприятий. Но еще больше у меня недоумений и непонимания по вопросам, выходящим за пределы экономики промышленного производства, хотя и близким к ней. Вот лишь два из них.

Не понимаю, почему так странно выглядят цифры по сельскому хозяйству. Я в этой области не специалист, но мне непонятны утверждения о том, что наше сельское хозяйство в 5—7 раз хуже обеспечено техникой, чем США. Ведь у них, в США, занято в сельском хозяйстве примерно в 5 раз меньше работников. Если бы отечественный парк машин приходился на такое же число работников, как в США, насыщенность техникой в СССР была бы выше, чем в США. И еще непонятное. За 1986—1989 гг. сельское хозяйство получило свыше 1,3 млн тракторов. Между тем тракторный парк в сельском хозяйстве не увеличился, а сократился. Какой же смысл выдавать госзаказы и продолжать производство тракторов в их современных масштабах, в их современном качестве и ассортименте? Это относится и к другой сельскохозяйственной технике, а также к удобрениям и ядохимикатам. Что происходит, куда и на что идут ежегодно многие десятки миллиардов рублей, направляемых в сельское хозяйство? Не понимаю.

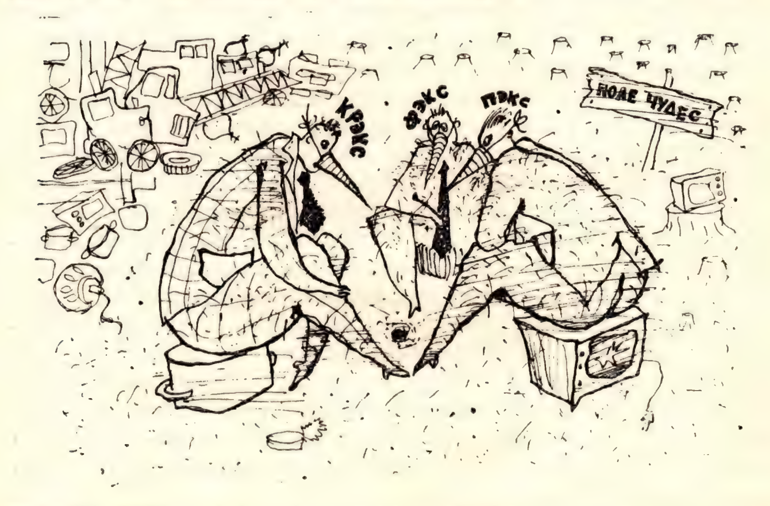
Не понимаю, почему сохраняется и здравствует ныне действующая система внешней торговли с ее мощными внешнеторговыми объединениями и многолюдными торговыми представительствами за рубежом. Система, приносящая нашей стране крупные потери. Дня не проходит, чтобы не появились сообщения о приобретенном, но непригодном для использования оборудовании, поскольку покупали не те люди, которые в этом компетентны, покупали «по дешевке», хотя скупой, как известно, платит дважды. Закупают товары, которые мы сами могли бы изготовить лучше и дешевле при затрате минимальных валютных средств. Я имею в виду приобретение за валюту некоторых комплектующих деталей, красителей, клеев и т. п., что позволило бы в СССР производить конкурентоспособные изделия. Огромные штрафы приходится платить за нарушения договорных условий, за то, что приобретенное оборудование не устанавливается годами. Немалые потери и от неумения учитывать конъюнктуру мирового рынка, где цены не стабильны, а зависят от великого множества воздействий. Прямые потери от внешнеторговой деятельности исчисляются сотнями миллионов рублей в год, косвенные — миллиардами.

Не понимаю, почему наши внешнеторговые организации не покупают за рубежом доброкачественную, хотя и

морально устаревшую — по тамошним меркам — технику. Говорят, что это не престижно, что такие закупки отбросят назад технический уровень отечественной техники. Но надо быть реалистами. На многих предприятиях — техника далекого прошлого. Не вчерашняя, и даже не позавчерашняя. Заменить ее новой нет возможности даже к началу XXI века. Почему же не приобрести по приемлемым ценам зарубежное оборудование, установленное в шестидесятых годах, а ныне рассматриваемое там как устаревшее, и провести его модернизацию?

И в этой связи недоуменный вопрос. Десятки статей появились в этом году по поводу приобретения за рубежом отдельными гражданами подержанных автомашин. А почему бы не закупить за рубежом организованно миллионы таких машин и тем самым снять многие проблемы финансовой напряженности, а попутно и борьбы со спекуляцией? Опять «непрестижно»?

Куда идут доходы от внешней торговли? Такой информацией не располагаю. Вероятно, в немалой доле — на закупку продовольствия по вздутым ценам и оборудования, направляемого на склады новостроек, которым суждено войти в строй в XXI веке. Наша внешнеторговая система уникальна по централизации и бюрократизации, весьма далека от общегосударственных интересов. По сути дела это не торговля, а распределение со всеми присущими ему чертами диктата и закостенелости, некомпетент-



ности и формализма. Изготовитель выступает перед внешнеторговыми организациями не в качестве заказчика, а робким просителем.

Во внешней торговле есть немало знающих, честных профессионалов. Но возможности проявления инициативы в этой сфере крайне ограничены: «что велено и когда, то и покупай, а кому отдать — потом узнаешь». Закупленное за рубежом лишь условно является предметом продажи внутри страны. В пляске цен с сотнями пересчетных коэффициентов можно «вывести» любой танец, и отечественный покупатель целиком зависит от благоволения внешнеторговой организации.

Неправда, что предприятия самостоятельны во внешнеэкономической деятельности. Пока их самостоятельность призрачна, ибо обставлена частоколом запретов, лимитов, лицензий и, главное, абсолютной монополией внешнеторговых организаций, включая отраслевые. Впрочем, даже при полной внешнеэкономической самостоятельности предприятия не могут рассчитывать на успех, ибо не имеют ни опыта, ни знаний. Ведь не на кооперативных курсах и не на вузовской скамье можно научиться внешней торговле. Нужны годы и годы. Да и далеко не всегда стоит предприятиям тратить силы и средства на такую учебу. Везде и всюду торговлю ведут профессиональные посредники.

Поучителен опыт целлюлозно-бумажной промышленности Финляндии. Многочисленные предприятия этой отрасли, взвесив свои силы и видя невозможность каждому в отдельности достигнуть успеха в жесткой конкурентной борьбе на западных и других рынках, образовали четыре сбытовых союза (позже их назовут маркетинговыми): бумаги, картона, целлюлозы и изделий из них. Эти союзы имеют представительства примерно в 120 странах мира и информируют предприятия о потребностях заказчиков, учитывают конъюнктуру цен, тарифов на перевозки и многое другое. От объема и стоимости продаж зависит их доход, та доля, которую им выделит изготовитель.

Что же выходит: отменить монополию внешней торговли, отказаться от лицензий? Ничего подобного. Лицензирование существует во всем мире, есть и запреты на вывоз стратегических товаров и специальной технологии. Лицензирование и контроль могли бы быть главной и единственной функцией внешнеторговых организаций и ве-

домств. И тогда, вероятно, не проскакивали бы через запретительные стены танки и круглый лес, титановый сплав, драгоценные панты и лекарственные растения.

•

И в заключение — недоумение по поводу одной из важнейших социальных проблем. Не понимаю, почему в социальном составе населения так велика доля рабочих: 62 % от всего населения и 82 % в промышленности. Столь значительной доли рабочих не знает ни одна развитая страна мира. Может быть, это связано с тем, что у нас очень низкая заработная плата работников и в том числе рабочих? Что до 40 % рабочих заняты ручным трудом, в подавляющем большинстве своем неквалифицированным? Может быть, дело в том, что у инженеров нет никакого интереса сокращать долю рабочих и повышать производительность труда на предприятии? Поскольку заработок инженера в среднем, со всеми надбавками и премиями, ниже, чем у рабочего? Такого тоже нет ни в одной развитой стране мира.

В капиталистических странах рабочий получает за вычетом налогов примерно в 4—5 раз больше, чем советский рабочий; служащий — на уровне квалифицированного рабочего или немного больше; инженер — в зависимости от должности — на 20—50 % больше рабочего. Особенно высока оплата инженеров, занятых проектированием предприятий и новой техники, исследованиями. От них во многом зависят конкурентоспособность продукции и коммерческий успех. И то, и другое не мирится с ручным, неквалифицированным трудом. Высока оплата экономистов, финансистов, юристов, социологов, психологов, специалистов по маркетингу. На самом предприятии, в его цехах и на участках инженеров почти нет. Все, что требуется, делают сами рабочие и немногочисленные мастера. Таким образом, доля рабочих в числе занятых в этой отрасли из года в год сокращается, доля инженерного и управленческого состава (включая информационное обеспечение и маркетинг) возрастает, а общая численность работников уменьшается и растет производительность труда. Все большая доля работников переходит в сферу услуг. Не понимаю, почему мы игнорируем этот мировой опыт, что мешает?

Разительно отличается структура расходов трудовой семьи в нашей стране и за рубежом. Вот данные по Финляндии. Думается, они характерны и для ряда других стран. Из дохода семьи 23 % расходуется на питание (включая посещение ресторана), 20 — на оплату жилища, отопление и освещение, 6,5 — на обувь и одежду, 6,8 — на обстановку, бытовые приборы и оборудование домашнего хозяйства, 12,8 % — на отдых, образование, здравоохранение и услуги связи. В расходах советской семьи (рабочие и служащие) затраты на питание составляют 33 %, на непродовольственные товары — свыше 30, на оплату квартиры и коммунальных услуг — 3, культурно-бытовые услуги — 7,1 %.

Очевидно, непродовольственные товары стоят у нас непомерно дорого, а квартира обходится необыкновенно дешево. Большая часть квартир предоставляется бесплатно, чего нет в большинстве стран мира. Бесплатно получают там квартиру только социально обеспечиваемые, те, кто не могут работать (инвалиды, многодетные семьи).

Почему бы у нас в стране не повысить заработную плату в 4—5 раз, цены на продукты — в 4—5 раз, отказаться от дотаций на квартплату, от бесплатного предоставления квартир, от дотаций на продукты сельского хозяйства; на 20—30 % повысить цены на непродовольственные товары, заметно увеличить оплату бытовых услуг и транспорта? Одновременно и эквивалентно увеличить все виды пенсий и пособий, стипендий и других социальных выплат. А только после всего этого или одновременно перейти к рыночным отношениям и договорным ценам на все продукты и непродовольственные товары, без всяких госзаказов.

●

Перечитал написанное, и перед моим мысленным взором явственно предстал правительственный экономист, воспитанный в одном из элитарных московских питомников, взращенный на ниве экономических ведомств, щедро удобренной трудами обслуживающих институтов. Снисходительно поглядывая на домыслы экономиста черной кости, он покажет, что двигаться вперед можно только постепенно, по этапам, что радикально — означает последовательно, что изменять круто и комплексно нельзя —

можно соскочить с колеи, что перестройка — ремонт, а не смена основ. Зарубежный опыт надо, конечно, изучать, ездить в командировки полезно. Но нам он не подходит. Масштабы не те, пространства не те, история иная, работники не такие.

Никогда не забуду, как в начале семидесятых годов группу экономистов (и меня в том числе) вызвал заместитель Председателя Совета Министров СССР и предложил в кратчайший срок представить предложения о коренном изменении принципов оплаты труда научных работников, конструкторов, разработчиков новой техники. В заключение он сказал: «Но только помните: надо сохранить действующие положения об оплате».

В эти же годы пришлось участвовать в обследовании производственных и научно-производственных объединений. Получены были интересные данные о вопиющем произволе в формировании объединений, об отсутствии межотраслевых связей, о несовместимости частей в научно-производственных объединениях. Написали большую докладную записку с анализом и конкретными предложениями. В аппарате ее сократили до «нормы» (7 страниц), а еще выше доложили на одной странице: «Поручение правительства выполнено, обследование проведено». Все.

Многое ли изменилось сейчас? Внешне, конечно, многое. Но железная хватка аппарата осталась прежней. Многочисленные статьи компетентных экономистов, хорошо аргументированные, с конкретными предложениями остаются без ответа. Этот прием ничуть не изменился за последние годы. Аппарат не снисходит до дискуссий, ему некогда, есть более важные дела, и его сотрудники сами все знают и понимают.

Не понимаю, почему сохраняется и всячески поддерживается «на плаву» аппарат, приведший страну к современному состоянию экономики. Почему возглавляют экономические ведомства либо правительственные экономисты, получившие ученые степени и звания на доказательствах мудрости постановлений съездов КПСС, решений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, либо инженеры-механики, технологи, энергетики, радиотехники и другие некомпетентные, не имеющие элементарной экономической подготовки? Достаточно познакомиться с биографиями руководителей Госплана СССР, а также госпланов союзных

республик и их заместителей, чтобы получить на сей счет подтверждение.

Не понимаю, почему московская прописка и дружеские связи являются главными критериями подбора кадров для правительственного аппарата среднего звена, который и делает экономическую погоду. Пока все это не будет в корне изменено, вряд ли возможен выход из кризиса.

Для коренных изменений вовсе не требуются годы и десятилетия. Требуются политическая решимость и кадры. Кадры есть в производственных и иных объединениях, на предприятиях, в высшей школе и в научных организациях, связанных непосредственно с народным хозяйством, есть и среди работников в целом непригодного среднего звена центрального аппарата.

КАТЕХИЗИС ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: МОЖНО ЛИ ЕГО СОВМЕСТИТЬ С ОБНОВЛЕНИЕМ?

Р. В. РЫВКИНА,
доктор философских наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР,
Новосибирск

Среди множества новых идей, поднятых перестройкой, не последнее место занимает критика «общественных наук». Речь идет об учебных предметах в их особом, ведомственном понимании, в каком их знают все, кто прошел через советскую систему высшего образования. В «обойму» этих предметов входили «История КПСС», «Научный коммунизм», «Марксистско-ленинская философия» и «Марксистско-ленинская политэкономия». Во всех институтах, университетах, техникумах, училищах студентам всех специальностей — от инженеров до поваров, от врачей до комических актеров, от товароведов до археологов и астрономов в огромном объеме почти 3/4 века многотысячной армией преподавателей «общественных наук» внедряется идеологическое кредо аппарата управления советским обществом. Это кредо на протяжении советской истории менялось. Но неизменной оставалась направленность «общественных наук» на идеологическую обработку сознания молодежи. Старшие поколения хорошо помнят непрерывные идеологические кампании по внедрению в массовое сознание

постановлений партийных съездов, решений пленумов, речей партийных лидеров. Это было неотъемлемой чертой социалистического образа жизни, повседневной жизни миллионов советских людей. Проще всего это было делать через вуз: внедрение очередных решений включалось в учебное расписание, этому подчиняли учебный процесс.

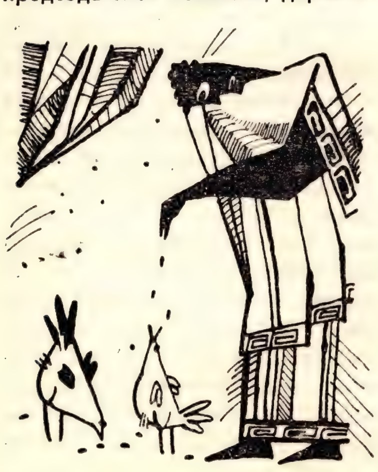
Кому же выгодна идеология марксизма-ленинизма в том ее выражении, в каком она канонизирована и воплощена во многие сотни учебных пособий и монографий, издававшиеся (и издающиеся до сих пор) миллионными тиражами? Почему именно на эту литературу, на эту группу «общественных наук» не жалелись (и не жалеются) ни деньги, ни бумага? Каков мощный механизм тиражирования идеологической литературы сегодня? Соответствует ли глубина покаяния и масштабы демонтирования этого механизма целям обновления нашей жизни?

ЧТОБЫ ОЗДОРОВИТЬ ЭКОНОМИКУ — НАДО ОЗДОРОВИТЬ СОЗНАНИЕ

Перестройка подняла вопрос о соответствии содержания «общественных наук» новому политическому и экономическому мышлению. В первые же месяцы перестройки студенты и молодые преподаватели ряда вузов вполне определенно высказались: освободить новые поколения молодежи от идеологической обработки. Идейный багаж, который накопили «общественные науки», оказался не только бесполезным, но и вредным. Потому что он обосновывает тиранию партийно-советского аппарата, власть мощной системы «партия — государство». То, что кажется отдельными неточностями, теоретическими ошибками отдельных авторов, устаревшими догмами — глубоко обосновано и подчинено одной идее: оправданию власти этого аппарата. Марксизм-ленинизм в нашей стране никогда не был чистой абстракцией. Было сказано: «Марксизм не догма, а руководство к действию». И действительно — положения марксизма-ленинизма неукоснительно воплощались в практику. Более того, социальная практика напрямую подчинялась принципам марксизма-ленинизма. С ними соизмерялись реальные шаги политики, реальные организационные и экономические нововведения. Как все это осуществлялось? Идеи марксизма-ленинизма воплощались в законы и приказы, в инструкции и положения, издаваемые конкретными ведомствами и их руководителями по конкретным вопросам жизни. И нам, гражданам, надо понимать: то, что сегодня кажется схоластической дискуссией — что считать собственностью, кого считать собственником, называть ли ту или иную организацию «неформалами» или не называть, завтра обо-

рачивается практическими решениями, «оргвыводами» для конкретных социальных групп, для сотен и миллионов людей. Жизнь дала тому много примеров.

Возьмем колхозы и совхозы. Более полувека в сознание вбивалась идея прогрессивности колхозного строя. На практике колхозы, как известно, не имели ни грамма самостоятельности, были полностью в руках центра и местных властей, были нищими, постоянно теряли людей. Но игнорируя все это, идеология провозглашала победное шествие колхозного строя, его великие преимущества перед частной собственностью, его огромные достижения. И вот сегодня, когда жизнь заставила искать новые формы хозяйствования, мы не можем сделать этого. Старый стереотип — преимущества «колхозного строя»— сидящий в сознании министров, экономистов, председателей колхозов, директоров совхозов, бригадиров, рядовых колхозников — не дает сломать то, что явно тормозит сдвиг в сельском хозяйстве. И это — несмотря на то, что бессилие этой отрасли на собственном желудке ощущают все. Г. Х. Попов еще два года назад сформулировал: «Пока остаются колхозы и совхозы — решить продовольственную проблему в стране не удастся». Но воз и ныне стоит на месте.



С 1917 г. в сознание населения страны вбивалась ненависть к капитализму, к капиталу, к частной собственности, частному предпринимательству. В духе ненависти ко всему этому были воспитаны многие поколения людей. В этих условиях рассчитывать на успех экономической реформы в России, на возврат к нормальной, естественной экономике, действующей теперь уже во всех странах цивилизованного мира, нельзя. Не случайно ни одна из затевавшихся руководством СССР реформ не дала результата. Не случайно и то, что, провозгласив в середине 80-х годов новый этап реформы, руководство снова начало «душить» кооперативы и фермеров, всех тех, кто хочет стать реальным хозяином средств производства и продукции. Курс на рыночную экономику объявлен только на словах, а на практике допускаются лишь те экономические формы, которые не противоречат интересам аппарата.

А население? Оно невольно подыгрывает власти, поскольку

его воспитали именно в антирыночной идеологии. Позиция «простого человека» трагическая: с одной стороны, он лучше всех понимает дефекты производства, знает, что происходит на предприятии, в бригаде, на ферме, на стройке. С другой стороны, ко всяким негосударственным формам хозяйствования он относится опасливо, а иногда и враждебно. Враждебность людей к новым кооперативам, арендаторам, семейным фермерам и другим частнохозяйствующим субъектам на корню убивает инициативу тех, кто, может быть, и пошел бы на создание собственного бизнеса. Но социальная среда не располагает к этому. Поэтому всплеска экономической инициативы не видно. А из-за этого нет и подъема экономики. Наша идеология сработала: воспитать твердокаменных противников капитализма нашему аппарату, увы, удалось. Не учел этот аппарат лишь одной «мелочи»: построить эффективную экономику при антирыночном сознании «верхов» и «низов» нельзя. Нельзя потому, что такое экономическое сознание включает рабскую веру во всесилие государства и столь же рабское неверие в собственные силы, в свою собственную способность стать хозяином производства и продукции.

Так что «общественные науки»— этот отнюдь не абстрактные цитаты в учебниках. Но чему именно учат «общественные науки»? Ведь к борьбе с капитализмом они все-таки не сводятся! Что же в них, каково их содержание?

ЕСТЬ ЛИ ЧЕМУ УЧИТЬ!

Поставлю четыре вопроса. Первый вопрос: есть ли в парадигме «общественных наук» категории, помогающие осмыслить то, что произошло в нашей стране? В частности, позволяющие понять такие явления, как аннексия, имперское поведение, принудительный труд, манипулирование массовым сознанием, колонизация, переселение, разрушение культуры? Причем, применительно не к капитализму, а к самим себе, к СССР.

Второй вопрос: есть ли в языке «общественных наук» категории, с помощью которых мы сегодня ведем перестройку, пыта-



емся обновить жизнь: многопартийность, плюрализм, свобода печати, свобода перемещения, Народный фронт, совместное предприятие, концерн, акционерное предприятие, арендное предприятие, неформальная организация, смешанная собственность? Причем, применительно к условиям нашей страны.

Третий вопрос: есть ли в парадигме «общественных наук» категории, отражающие то, с чем мы сегодня боремся — такие, как запретительство, номенклатура, цензура, коррупция, мафиозность, паразитизм, эксплуатация, «теневая экономика».

Четвертый вопрос: есть ли в языке «общественных наук» категории, необходимые для диалога с западными учеными в соответствующих областях — такие, как администрация, партнерство, стратификация, социальная дистанция, авторитарная власть, харизма?

Всех названных и десятков других, остро требуемых нашей жизнью научных категорий в системе «общественных наук» нет. Их и не могло быть. Во-первых, содержание этих наук повернуто в XIX век, отражает процессы, которые были в прошлом и которых в современном обществе в основном не наблюдается (например, обнищание пролетариата, общий кризис капитализма). Во-вторых, система «общественных наук» создавалась отнюдь не для того, чтобы отражать состояние реального советского общества, реальной действительности. А наоборот: для разработки, массового распространения и внедрения в умы мифологизированного образа СССР как «оплота всего прогрессивного человечества», где развивается «всесторонне развитая гармоническая личность» и т. д. Идеологический образ советского общества, разработанный усилиями «общественных наук», без большого преувеличения можно уподобить представлению о «царстве Божием на земле».

Но если так, то для участия в обновлении сегодняшнего общества «общественные науки» должны превратиться в собственную противоположность, стать другими науками. Но можно ли «изготовить» науки за несколько лет, открыть частицу «в текущем квартале»..?

Жду вопрос: зачем говорить об этом сегодня, когда все уже исправлено? Вместо «Истории КПСС» читается наука под другим названием — «История политических идей». Вместо «Научного коммунизма» введены «Политология», «История общественной мысли» или еще что-то. Студентам дано право выбора изучаемых курсов (конечно, в рамках их перечня, утвержденного ведомствами)! Но при всем этом как-то неспокойно на душе. Нет, не осознали мы до конца содержания продукции нашего «идеологического фронта». А значит, не раскрепостили своего сознания, не освободили его от тех пут, в которые когда-то попали наши пра-

деды, деды, отцы. Не расчистили дорогу нашим детям. И главное — не создали новой теоретической системы, нового языка, необходимого для объяснения того, что происходит в нашем обществе сегодня.

А не сделали мы всего этого по причинам вполне понятным: старая идеология весьма прочно сидит во многих из нас. Сознание консервативно: то, что попало в него — укрепляется всерьез и надолго, выводится из него медленно, на протяжении десятилетий или даже столетий.

Канонизированная в советской высшей школе, действующая с конца 20-х годов по сей день система общественных наук — один из оплотов эпохи диктатуры партийно-советского аппарата. Именно той диктатуры, искоренение которой составляет суть перестройки. Преподаватели общественных наук были поставлены Сталиным в совершенно особое положение, отличавшее их от преподавателей каких-либо других предметов в высшей школе. У преподавателей математики, физики, иностранных языков нагрузка 750—900 учебных часов, а у политэкономов и историков партии (а позднее и «научных коммунистов») — 550. Оплата в вечерних университетах — баснословная. В 50-е годы преподаватель этих предметов мог замещать ставку доцента, даже не имея ученой степени кандидата наук. Значительную часть учебного процесса составляла деятельность по внедрению в сознание студентов последних постановлений партии и правительства, каждое из которых трактовалось как «историческое, поворотное». Общественными науками занимался особый ведомственный и партийный аппарат.

Таковы социальные корни. А действовала эта система — через эксплуатацию теоретических положений марксизма-ленинизма. Не имея в своих истоках прямого отношения к возникшему значительно позднее сталинизму, эти положения оказались удобными для формирования социальных иллюзий и мифов, необходимых для завоевания массового сознания. Доверие масс к коммунистическим лозунгам было очень велико. Поэтому Сталину и его аппарату нетрудно было использовать это доверие для укрепления своей власти. Это — прошлое, А что же сегодня?

КАКОЙ ТИП МЫШЛЕНИЯ ПРИВИВАЮТ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»?

Главные черты — мифологизм, иллюзорность, консерватизм. Систему «общественных наук» цементирует не информация о реально происходящих в стране процессах, а принятые априорно постулаты об обществе. В них смешано то, «что есть», и то «что должно быть», реальное и желаемое. Таковы постулаты об ис-

торической миссии рабочего класса, о движении к социальной однородности, об общественной собственности и непосредственно общественном характере труда, о законе распределения по труду, о принципиально новом типе личности, о неантагонистическом характере противоречий, основном экономическом законе социализма, согласовании общественных и личных интересов при социализме и т. д. и т. п. Основные положения учебников и учебных программ по курсам научного коммунизма, истории КПСС, политэкономии, философии — это синтез классических положений марксизма XIX — первой четверти XX вв. и той их модернизации, которая вносилась позднее и диктовалась нуждами действовавшей в стране системы политической власти.

В период перестройки программы и учебники подверглись ускоренному обновлению. Но их модернизация не принципиальна. Например, в новом учебнике научного коммунизма сказано, что задачей политической экономии сегодня является «экономическое обоснование коммунизма»[1]. Трактовка коммунизма в новой программе курса «Научный коммунизм» дана на языке середины XIX века: «Коммунизм — подлинная история человечества, переход человечества из царства необходимости в царство свободы». В новом учебнике «Обществоведение» для выпускных классов средней школы и средних специальных учебных заведений обосновывается, что содержание современной эпохи —«поворот человечества к социализму, который был начат Великой Октябрьской революцией». Говорится, что диктатуру пролетариата и соединение рабочего движения с наукой о коммунизме может осуществить только коммунистическая партия —«передовой отряд, авангард рабочего класса, объединяющий самых сознательных, стойких, преданных делу коммунизма революционеров»[2]. Аналогичные утверждения даны и по отношению к современному советскому обществу. Например, вводится категория «развитого социализма», для которого характерны «высокие количественные и качественные показатели в экономике, культуре, уровне народного благосостояния»[3]. Формулируется множество разнообразных «объективных законов»: начиная от «закона планомерного и пропорционального развития народного хозяйства»[4] и кончая «основным экономическим законом социализма». Не считая многочисленных «принципов»— таких, как принцип распределения по труду, производственной демократии, принципы хозрасчета и проч.

Несостоятельность этой идеологической системы, которая на

---

[1] **Научный** коммунизм: Учебное пособие. М.: Политиздат. 1988.

[2] **Обществоведение.** М.: Политиздат, 1987. С. 115.

[3] **Там же.** С. 119.

[4] **Там же.** С. 132.

протяжении более полувека тормозила социально-экономическое развитие страны, сегодня признана ЦК КПСС. Многократно говорилось, что общественные науки подошли к перестройке с полным отсутствием какого-либо идейного задела, каких-либо концепций в области оценки сложившейся в СССР системы общественных отношений и возможных тенденций развития страны на перспективу. Но ведь отсюда должно что-то следовать. Ведь сегодня ситуация для общественных наук изменилась. В предшествующие десятилетия они могли сохранять свой статус, не внося никакого вклада в общественное развитие. Отсутствие вклада было незаметно из-за стабильности общества. Когда оно не меняется — от науки не требуется открытий. Особенно, когда дефекты тщательно скрываются. Поэтому наука привычно работала на поддержание мифа о победившем социализме, его величии и непогрешимости.

Сегодняшняя динамизация общественной жизни, быстрое изменение многих звеньев общественных отношений лишили общественные науки ореола научности. Выявилось: теоретического задела для понимания новых процессов, противоречий процесса перестройки у этих наук нет. Гласность вовлекла в оборот огромный объем нового материала, требующего осмысления. Старые стереотипы мышления здесь не годятся.

НЕ НАДО ВРЕДИТЬ...

Если старая система общественно-политических знаний рухнула, а новая еще не возникла — то чему же учить? Сегодня у студентов вузов наблюдается заметное отчуждение от общественных наук. И хотя реальная практика обучения обгоняет изданные учебные пособия, хотя на занятиях ведутся живые дискуссии, ставятся новые вопросы — тем не менее преподавание «общественных наук» в сложившихся объемах — явный анахронизм.

Во-первых, «пропускание» через общественные науки всей армии советских студентов в былые времена оправдывалось идеологической функцией. Сегодня эта функция себя изжила. Какую же роль играет система «общественных наук» сегодня? Сохранение старой системы под новыми названиями наводит на мысль: не будет ли идеологическая обработка советского студенчества продолжаться и далее? Не надо забывать, что обучение «общественным наукам» ведется централизованно, по программам, спускаемым сверху. Само существование канонизированной системы приучает к тому, что политические слова — это одно, а реальная жизнь — другое. Приучает к двоемыслию.

«Что вы такое говорите? — воскликнет возмущенный читатель.— Ведь по этим канонизированным

учебникам и программам сегодня никто не учит!» Нет, извините, учат и еще как! Экзамены студенты сдают именно по ним. Поэтому молодежь зубрит именно это.

Во-вторых, «пропускание» молодежи через канонизированную систему общественных наук углубляет разрыв «отцов» и «детей». Многие отцы сегодня борются с административной системой, а что учат их дети? Кто и чему их учит? Поскольку предметы, введенные взамен дискредитировавших себя учебных дисциплин, складываются за счет переструктурирования и обновления старого материала, неизбежно дублирование.

Кризис «общественных наук» пересекся с немаловажным событием: с 1988 г. в систему высшего образования включена новая специальность —«Социология». Это усложнило ситуацию. Дело в том, что современная



социология — это развитая система знаний, включающая социологию политики, социологию права, управления, труда и трудовых коллективов, города и деревни, семьи и образования, регионов и национальных отношений, социологию массовых коммуникаций, общественного мнения, демографических процессов, экологии, нововведений и многое другое. А предметные области научного коммунизма, политологии, истории КПСС, философии сегодня наполнены этими же направлениями. Ведь если предмет не имеет собственного содержания — оно заимствуется из других наук.

Слышу возражение: какое значение, как называется тот или иной предмет, пусть во всех одно и то же — лишь бы учили тому, что нужно. Но ведь тратится время студентов! А времени у них мало. Заставлять их выслушивать в разных учебных курсах одно и то же недопустимо.

Система «общественных наук» сегодня остается зачумленной устаревшими положениями, сметенными перестройкой. Основой ее остается положение о том, что мы живем в социалистическом обществе. Неверность многих положений действующих учебников доказана жизнью (например, положения об однородности советского общества, об единстве личных и общественных интересов, о реализации принципа оплаты по труду, самоценности труда, его непосредственно обще-

ственном характере). Тяжелый опыт семидесятилетней истории страны в обновленных пособиях по общественным наукам учтен, мягко выражаясь, недостаточно. Так чему же мы учим молодежь? Ведь обязательное выучивание непоследовательных и противоречивых концепций будет усиливать и без того немалое отчуждение молодежи от общества.

Не слишком ли дорогая это цена за то, чтобы не беспокоить себя заботами о реальных изменениях системы высшего образования? Не дешевле ли подумать об этом всерьез? Ведь студенты могут решить этот вопрос и сами!

ЧЕМУ УЧИТЬ МОЛОДЕЖЬ!

Действующая система общественных наук построена так, будто она обладает проверенными практикой знаниями. Но для формирования нового мышления нужно другое: каждому нужно дать инструмент для того, чтобы он мог самостоятельно разбираться в реальной действительности, в тех условиях, в которых он живет. Иначе говоря — нужно дать не готовые знания, а инструмент, с помощью которого каждый желающий может получать их.

Как ни парадоксально, уровень незнания (несмотря на гласность!) в нашей стране за последние годы вырос. Ведь количество новых вопросов, вставших перед обществом, увеличилось, а ответов на них нет. Из каких групп состоит наше общество? Кто и как занимает руководящие позиции на разных уровнях управления страной и экономикой? Каково различие жизненных путей подростков из семей рабочих, ИТР, ученых, политических деятелей? Как повлияли на поведение разных групп населения страны меры по пресечению пьянства? Каковы социальные корни дефицита? Какова система ценностей советского человека? Узнать обо всем этом можно лишь одним путем: проведя по каждому вопросу социологическое исследование. Инструментов для этого в мире разработано много: сбор и анализ статистики, извлечение новой информации из опубликованных источников, опрос экспертов, наблюдение, анкетирование, постановка экспериментов, анализ текущей информации (га-



зетной, журнальной, рекламной и др.), анализ официальных документов и др. Владея ими, любой человек, который задумается о каком-либо социальном вопросе, может сам проверить свои предположения и получить ответ.

Значит, чтобы приобщать молодежь к общественной жизни, нужно ввести студентов в круг социально-экономических проблем страны и обучить их методам социального анализа. Все это дает социология, которая сегодня преподается во многих вузах страны. И уж если обучать студентов всех специальностей чему-то про общество, то...

И тут надо еще раз задуматься. Во-первых, не надо обучать всех. Давайте будем экономить время и не будем «пудрить мозги». Ну куда это годится: на съезде народных депутатов РСФСР 25 мая 1990 г. В Морокин ответил: в его вузе из учебных 4000 часов 1000 часов тратится на «общественные науки». Мне скажут: надо же вооружать знаниями об обществе! Да, но вооружать надо знаниями, а не плодами чьей-то незрелой мысли, не утопиями, не измышлениями. А надежных знаний о нашем обществе в тех «науках», которые преподаются в вузах, нет. Внедрять надо не сомнительные истины, а надежные инструменты их получения: методы социального анализа. И учить этим методам надо не всех поголовно, без разбора специальности, а лишь тех студентов, которым придется решать социальные вопросы. Не надо нам обоймы переименованных «общественных наук». Не надо делать вид, что мы за два года создали четыре новых науки, да и не много ли на одного электронщика, химика, астронома новой «обоймы» социальных рассуждений? Не смешно ли это?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно было бы провести специальное социологическое исследование: собрать информацию о том, чему мы обучаем молодежь сегодня. Во-первых, нужно было бы провести анализ содержания монографий, учебников, учебных программ (по истории КПСС, философии и политической экономии и др.), изданных в последние годы, сопоставив их содержание с содержанием политических документов ЦК КПСС, составляющих идейную основу перестройки.

Во-вторых, следовало бы провести углубленные неформализованные интервью среди студентов, чтобы понять влияние преподаваемого им комплекса идей на мировоззрение и гражданские качества, на понимание молодежью всего того, что происходит в стране и в мире. Аналогичную работу нужно было бы провести и среди преподавателей разных возрастов. Только имея такую информацию, можно было бы ответить на поставленные мною вопросы:

- чему мы учим молодежь, вооружаем ли мы ее работающим методом понимания реальной жизни?

● кто и как ее учит?

● не зря ли мы тратим время?

● не вредим ли мы созревающим душам молодежи?

● кого и чему действительно надо учить?

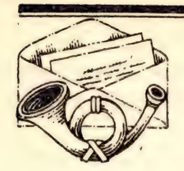
С ликвидацией глубоких дефектов преподавания «общественных наук» можно было бы не торопиться, если бы они не мешали взрослению молодежи, социальный инфантилизм которой сегодня огромен. Это результат интенсивной идеологической обработки молодежи.

Когда в стране началась перестройка, когда заговорили об органических дефектах системы преподаваемых «общественных наук», в воздухе забрезжило, что должно произойти что-то радикальное. Но прошло время, острая ситуация снялась, в программы были внесены редакционные изменения — и все осталось по-старому. Надо, как говорят на партийном лексиконе, «вернуться к этим вопросам». На это толкают вот такие реплики из газеты «Правда»: «Деятельность КПСС основана на ложном и уже полностью провалившемся учении о насильственном переустройстве общества под утопическую идею (марксизм-ленинизм). Партия строит «светлое будущее», коммунизм, то есть решает за далеких потомков, в каком обществе им жить, хотя сама толком не знает, что же такое коммунизм, да и социализм тоже». Так будем же честными — не будем продолжать начатое полвека назад.

В преподавании общественных наук есть два пути: один — честный; другой — легкий, но морально скользкий. Первый путь — признать, что «мы не знаем того общества, в котором живем» (июньский Пленум ЦК КПСС, 1983 г.). Отказаться от априорно принятых положений системы общественных наук. В социальном воспитании молодежи акцент перенести на освобождение интеллекта и вооружение работающими методами сбора и анализа информации.

Второй путь — продолжать начатую игру: делать вид, что мы знаем, что творим и говорим. Продолжать внедрять в сознание студентов смесь из разных теоретических конструкций. Игнорировать необходимость обучать студентов методам социального анализа.

Первый путь требует от ЦК КПСС и Госкомитета народного образования СССР радикального шага. Второй путь не требует ничего. Но второй путь, как и все бессмысленное в обществе, будет и далее порождать тяжелые последствия в сфере самосознания и морали новых поколений молодежи.



Из писем в редакцию

Безответственность — не социализм

В «Критике Готской программы» К. Маркс определяет мерой труда количество затраченных рабочих часов. При таком измерении труда не учитывается производство потребительной стоимости. Значит, должны быть созданы какие-то структуры, регистрирующие результаты труда, квалификацию работников и различия в условиях труда. Второй момент — это отсутствие конкретного собственника на средства производства, замена его понятием общественная собственность.

Потребность в структуре, выполняющей оценку итогов труда по качеству (потребительной стоимости), квалификации и условиям труда, создали всеобщую систему нормирования труда. Элементы ее логично подчиняются иерархии руководителей производства и государства. Система ценообразования дополняет систему нормирования труда в сфере обмена. От процесса оценки результатов труда потребитель был отстранен. Монопольное право на такую оценку приобрел управленческий аппарат. Вышестоящие руководители получили право управлять доходами нижестоящих, в том числе трудящихся, практически не отвечая за результаты своей деятельности. Это определяется отношениями так называемой общенародной собственности. Употреблять этот термин неправомерно, поскольку в понятие собственности входит не только право распоряжаться, но и отвечать за это своими доходами. Распоряжаться общенародной собственностью у нас нашлось кому, а вот отвечать за результаты хозяйствования оказалось некому. Да и заплатить за ущерб в результате неверных решений подчас не хватит столетней получки всей коллегии министерства.

На этой основе образовалась государственная система, которой трудно дать название. Это нечто среднее между сверхмонополией и сверхмонархией. Такая система может обеспечивать хозяйственное развитие только посредством жесточайшей эксплуатации части общества. Всеобщая экономическая зависимость «низа» от «верха» исключает экономическую основу демократии, а значит, и саму демократию. Вместо нее разрастается бюрократический аппарат, призванный заменить системы саморегулирования в обществе и стремящийся проникнуть во все поры жизни человека, высасывать из него все соки на собственное содержание. В этом заключается как причина устойчивости такой системы, так и перспектива ее гибели.

А. М. САВЕНКОВ,
Мариуполь

Есть ли смысл переходить на аренду?

П. Г. Бунич высказал и недоумение, и сожаление по поводу невысокого удельного веса арендных предприятий, предполагаемого на конец 13-й пятилетки. Жгучее желание повсеместной аренды скво-

зит в выступлениях экономистов, руководителей и рабочих. Чтобы не наступили очередные разочарования, следует четко показать коллективам место и возможности аренды, а не выдвигать очередной лозунг.

В Основах законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде говорится, что «арендная плата включает часть прибыли (дохода), которая может быть получена от общественно необходимого использования взятого в аренду имущества». Не определено, ни какая выплачивается часть, ни какая может быть получена прибыль от общественно необходимого использования арендованного имущества. Прибыль можно было бы подсчитать по «Комплексной методике оценки эффективности...», если бы более чем десятилетняя ее разработка увенчалась успехом. А используемые ныне методики расчета экономической эффективности (их только официально утвержденных более 500) позволяют вывести любую арендную плату. Поэтому все платежи устанавливаются на фактически сложившемся до перехода на аренду уровне, да еще с ростом по годам. Это выгодно для предприятий, плохо работающих и умеющих скрывать резервы. Не зря на аренду в основном пока переходят убыточные и малорентабельные предприятия.

Правда, интенсификация труда позволяет увеличить доход. Но и здесь имеются многочисленные «подводные камни»: введены 3-процентный налог на фонд оплаты труда и новая шкала подоходного налога, налог на сверхприбыль. Фонд оплаты труда будет формироваться так, чтобы его темпы роста не превышали рост объема продукции в сопоставимых ценах. Ограничений немало. И если заработок считается основным стимулом, то следует переходить сразу не на аренду, а на кооперативную форму хозяйствования, где заработки при одинаковой интенсивности труда выше, чем при аренде.

Отрицательную роль в стимулировании высоких доходов начнет играть налог на капиталовложения из собственных источников. Вводятся новые ставки отчислений на социальное страхование, цены на дизельное топливо, тарифы на перевозки, налог сбора с транспортных средств и другие повышенные выплаты. Поскольку во всех нормативных документах подчеркивается, что эти мероприятия не влекут за собой изменение цен и финансовых отношений, арендодатели будут настаивать на неизменности арендной платы. Арендное предприятие окажется в худшем положении, чем при первой и второй моделях хозрасчета.

Без новых цен, тарифов, ставок налогов всерьез говорить об аренде нельзя. В 1991 г. действующее временное положение о платежах в бюджет будет заменено законодательным актом о налогообложении прибыли. Уплата налога по единой ставке поставила бы на грань разорения большинство перешедших на аренду предприятий. И даже отмеченный в инструкции Минфина СССР от 04.08.89 г. «О порядке осуществления организациями арендаторов отдельных хозяйственных операций при аренде имущества государственного предприятия и ведения ими учета и отчетности в 1989—1990 гг.» порядок, когда входящие в арендную плату амортизационные отчисления в издержки не включаются, что ведет к занижению себестоимости, завышению налогов, уменьшает средства, остающиеся у предприятия.

Аренда первоначально прельщала большей самостоятельностью, которая теперь увеличивается и при других формах хозрасчета. С 1991 г. отменяется нормативное распределение средств предприятий

по фондам экономического стимулирования, а права арендных предприятий сужаются. Ужесточено наказание за непринятие и невыполнение госзаказа. Многие же права кооперативов (прежде всего в ценообразовании) отсутствуют при аренде. Поэтому для тех, кого прельщает самостоятельность, кооперативы предпочтительнее.

Аренда предполагает программу долгосрочных действий. Но как стабильно работать при постоянно меняющихся инструкциях и отсутствии минимальной информации о грядущей ситуации? Законодательство, регламентирующее арендные отношения, уточнялось три раза за два с небольшим года.

С. П. СИДНЕВ,
Киев

Сломанная указка

Открытых и завуалированных препятствий арендным отношениям значительно больше, чем арендаторы могут преодолеть. Под бюрократической опекой им приходится очень худо. Казалось бы, всего-то и отличия: нет расчетного счета в банке и круглой печати. Но из-за такой вот малости арендатор беззащитен перед администратором, оставаясь у него на коротком поводке под спудом запретов и инструкций. На деле бюрократический механизм по-прежнему загоняет живое дело в окостенелые рамки лимитов, фондов, лишних бумаг и неподдающихся здравому осмыслению ограничений, норм и расценок.

Подобное видно на примере нашего цеха ремонта подвижного состава треста «Норильскреммонтаж». Нам опрометчиво захотелось настоящей самостоятельности. Надоело жить под диктатом валовых показателей, всевозможных нормативов, которыми нас, производственников, дергают. Вовсе не хочу утверждать, что наш коллектив обрел интерес к напряженному труду. Одно очевидно: хватит работать себе в убыток!

Объективно аренда может много дать для повышения эффективности производства. Тогда что же ее сдерживает? После энергичной поддержки ее сверху противников вроде бы и не осталось. Вот это и опасно: видно, как душат ее, доверчивую, в объятиях. В связи с попыткой овладеть арендой вокруг нашего коллектива закрутилась такая «карусель», что у многих интерес к ней пошел на убыль.

Самое трудное — психологическая неподготовленность работников и прежде всего управленческого персонала треста к арендным условиям. («Аренда меняет психологию»...— из статьи Б. Паршикова «Обрести хозяйственную свободу» в ЭКО 12.89). Мы часто раньше говорили, что нам не хватает раскованности действий. Но оказалось, что гораздо удобнее действовать «по указке», когда каждый твой шаг заранее оговорен и предусмотрен. И вдруг надо думать, решать, постоянно оглядываясь назад — хватит ли денег?

Крайне вредна атрофия предпринимательского начала. Слишком мало у нас людей инициативных, имеющих вкус к самостоятельности, умеющих рисковать. Речь идет о коммерческой хватке, о тех ценных качествах, которые долгие годы из нас вытравливались. Наши арендные отношения формируются под недремлющим надзором и поэтому очень искажены.

В. В. ВОВЧЕНКО,
Норильск

БОГАТСТВО НАРОДОВ

Е. М. МАЙБУРД,
Москва

В 80-х гг. прошлого века А. Тойнби-старший писал: «Несправедливо считать абстрактную политическую экономию ответственной за смешение во многих умах ее теоретических законов с практическими правилами, на них основанными. Она — чистая наука, и ее цель — знание. Между тем, в прессе и на трибуне политическая экономия понимается как наука практическая, т. е. как свод правил, руководящих поведением».

Культура XIX в., таким образом, вмещала два понимания политической экономии — профессиональное и обывательское. В последнем сохранилось то, которое в XVIII в. было принятым среди ученых, не исключая и Смита. То понимание политической экономии, которое было истинным и самоочевидным для Тойнби, возникло уже в XIX в. Содержание понятия изменилось в связи с тем, что появился новый феномен — самостоятельная научная дисциплина.

Начало этому превращению положил Адам Смит. Его «Исследование природы и причин богатства народов» представляет собою переход от современного ему понимания политической экономии к новому, еще не бывалому и не осознанному, от смысла XVIII в. к смыслу XIX—XX вв. Книга Смита вмещает два явления, которые в разное время назывались одним именем, две «политических экономии». Обе выражены в полной мере и приведены в систему. Поэтому можно сказать, что Адам Смит завершил эпоху политической экономии как системы практических правил и открыл эпоху политической экономии как развивающейся системы знаний об определенной сфере нашего миропорядка, т. е. как полноценной научной дисциплины в современном смысле слова.

Человеку было продемонстрировано, что экономические явления и процессы ему неподвластны, пытаться водить их на поводке бесполезно и даже вредно. Человеческая власть и сила слабее естественного порядка вещей. Отвергнута была не просто «меркантильная» система политической экономии — вместе с нею ушел в прошлое


АДАМ СМИТ
1723 - 1790

сам принцип системы правил как самодовлеющей цели анализа. На месте этого открывалась «простая и незамысловатая идея естественной свободы». Людям оставалось лишь изучать естественный порядок вещей, каковой сам собою ведет их к процветанию и всеобщему благу.

Великое интеллектуальное достижение Адама Смита состоит в том, что им был предложен язык, столь же целостный, сколь и автономный. Система понятий Смита позволила ему в одних и тех же терминах описать обе ведущие экономические концепции своего времени, выявить недостаточность каждой из них и обнажить корни этой недостаточности.

Далее, это оказалась открытая система, способная к самодвижению, к дальнейшему развитию уже имеющихся категорий и созданию новых, в том числе и неведомых самому автору. Следствием автономности и открытости созданного Смитом языка явилось третье его важнейшее качество: способность порождать и формулировать различные парадигмы. Видимо, здесь и нужно искать объяснение того, почему все дальнейшие теории и школы в политической экономии связывались с именем Адама Смита,— включая и вышедшие из отрицания его концепции. Относиться к нему можно было поразному, нельзя было его обойти.

С подобной точки зрения теряет значение вопрос о заимствованиях в «Богатстве народов». Существен критерий наличия или отсут-

---

В июле 1790 г. умер Адам Смит. 200 лет со дня смерти... Достаточный ли это повод, чтобы сегодня вспомнить об одном из великих экономистов? За две сотни лет произошли огромные изменения, да и стоит ли ориентироваться на дату смерти, а не на 275-летие со дня рождения Смита, которое наступит в 1998 г., или 225-летие выхода в свет труда его жизни в 2001 г.? В сущности, совсем недавно — в 1976 г.— исполнилось 200 лет великой книге Смита, так ощутим ли на фоне столетий какой-нибудь десяток лет?

Все это было бы верно, если б в нашем экономическом доме царил порядок. Увы, это пока не так... И в полном соответствии с тем, что в истории ищут ответы на современные вопросы, мы ощущаем острую потребность в развитии наших представлений о той экономике, к которой мы возвращаемся после десятилетий заблуждения, оплаченного столь чудовищно дорогой ценой. Адам Смит стоял у истоков современной экономической теории, способствовавшей процветанию западного мира.

ствия полноценного научного языка. До Смита мы находим много отдельных элементов такового, у Смита мы видим его сделанным. То был язык новой научной дисциплины, к ней вскоре перейдет имя, которым прежде называли ту или иную идеологию, парадигму.

Критическое переосмысление имеющихся понятий, диктуемое такой постановкой, прежде всего относится к понятию национального богатства.

«Богатство нации» (народа) имеет несколько смысловых уровней. Во-первых, и прежде всего, это обилие потребительских благ на душу населения. Такие блага получаются либо от труда нации, либо от внешней торговли продуктами этого труда. Их обилие зависит, во-первых, от производительности труда, во-вторых, от соотношения числа производительных работников к числу потребителей. В свою очередь, производительность труда нации зависит от квалификации и изобретательности производительных работников; от величины накопленного капитала, приводящегося в действие живым трудом; и, наконец, от наиболее рационального употребления капиталов.

Но выяснение природы и причин «богатства» народов является, скорее, служебным средством исследования. По сути и по духу проблема задана в динамическом плане: речь идет об обогащении наций. В современных терминах, это проблема экономического роста. В наиболее четкой формулировке: возрастание национального богатства есть возрастание дохода и капитала.

Чтобы выяснить причины богатства народов и наилучшие способы его умножения, необходимо разобраться, что же такое производительный труд и какие способы употребления капиталов можно признать рациональными. Последнее, в свою очередь, требует четко договориться о том, что такое капитал, какие виды он приобретает в жизни (или наоборот: какие виды запасов следует считать капиталом), каковы наиболее эффективные способы употребления каждого вида капитала в различных сферах его приложения, в тех или иных типовых хозяйственных ситуациях.

Производительный труд, говорили физиократы, это такой, который создает чистый продукт общества. Смит принимает это определение. Но предлагает разобраться в другом: что такое чистый продукт общества, или, что то же самое, национальный доход?

Доход нации слагается из доходов отдельных лиц. Но имеет место и перераспределение доходов между индивидами. Поэтому нужно выяснить первичные виды чистого дохода, суммировать только их, предотвратить повторный счет и представить подлинную величину дохода нации.

Доходы измеряются в ценах. Следовательно, необходимо выяснить природу цены и факторы, определяющие ее уровень, т. е. рас-

смотреть проблемы обмена, денежного обращения, функционирования рынка.

Таким представляется один из возможных вариантов воссоздания внутренней логики мысли Смита на пути от «конкретного» к «абстрактному»— от проблематики «руководства к действию» к проблематике «чистого знания». Одновременно имело место движение мысли в противоположном направлении — от «чистого знания» к жизненным проблемам (долгосрочного характера).

Доход нации и составляющих ее крупнейших классов — предмет первой книги трактата. Капитал нации, факторы его умножения и накопления в связи с рассмотренным ранее — предмет второй книги. Естественный порядок роста национального богатства во взаимосвязи всех составляющих этого процесса — предмет третьей книги. Существующие парадигмы богатства народов критически рассмотрены в книге IV. В последней книге трактата обсуждаются проблемы богатства государства во взаимосвязи с богатством народа.

В книгах I—III мы почти не найдем ссылок на критикуемые концепции. Однако нельзя не увидеть в теоретических главах трактата неявного, но постоянного присутствия оппонентов — меркантилистов и физиократов. Полемическая цель была одним из ведущих стратегических мотивов автора «Богатства народов». Иначе и быть не могло. Идеи Смита родились в осмыслении ведущей парадигмы тогдашней «политической экономии», которую он называет «коммерческой», и оттачивались в столкновении с идеями другой парадигмы — физиократической, которую он называет «сельскохозяйственной». Однако, не в пример иным позднейшим ученым, усвоившим манеру развивать и излагать свои идеи, прямо отталкиваясь от идей оппонентов, Смит строит свою концепцию на более прочной основе.

К прямой полемике он пришел во всеоружии. Как сказано выше, этим оружием был новый язык, более мощный, чем языки противостоящих парадигм, и поэтому способный описать эти языки. Сказанное означает, что Смит мог позволить себе критику не с позиции собственной концепции, а исходя из внутренней логики самих рассматриваемых. Присовокупив к тому его собственное логическое искусство, сочетающее железную последовательность с изяществом, мы сумеем понять секрет мощного воздействия, которое оказала книга Смита не только на современников, но и на мышление человечества.

Победа книги Смита была не в том, что она убедила всех. Такого не было и быть не может, поскольку убеждения держатся не на одной логике, но и на управляющих сознанием внелогичных подсознательных установках, или том самом частном интересе, который Смит считал основной движущей силой прогресса, когда всем обеспечены

равные условия для его проявления. Когда же этого нет, когда некий интерес пытаются реализовать за счет других, тогда он приобретает значение, неблагоприятное для общества. Обаяние «Богатства народов»— и чем книга в корне отлична от «партийных брошюр, этого омерзительного порождения лживости и продажности»— в ее надклассовости, надкастовости, т. е. всечеловечности. Она должна была увлечь прежде всего тех, кто помышлял о благе общества — людей мыслящих и возвышенных, и тех, кто стоял у руля общества.

Многое из написанного в книге IV «Богатства народов» давно утратило актуальность (в значительной мере, благодаря Смиту же). Однако мысль его стала цементирующим элементом современной цивилизации.

В этом смысле советский читатель находится в особом положении. Он не вырос на идеях Смита, как его западный современник, а то, что знает он о предмете, было ново разве лишь в прошлом веке. Смита мы для себя только лишь открываем. И читая его сегодня, испытываешь странное ощущение.

Мы вместе с автором переживаем чувство неожиданного удивления, мы испытываем чувство восхищения стройностью и изяществом его мысли, его слога. Но еще мы испытываем чувство узнавания, открывая в книге многое такое, что близко нашим проблемам, нашей заботе, нашим догадкам. Помимо того, о чем говорилось выше, мы прочитаем, что наиболее эффективная политика государства — это политика, основанная не на оппортунизме сиюминутных выгод и предпочтений, а на твердых принципах и чувстве ответственности перед народом. Мы прочтем про то, каким должно быть экономическое законодательство, чтобы раскрепостить хозяйственные силы населения и творческие потенции людей, а не загонять их в подполье; как следует вести себя правительству, чтобы не возбуждать смуту в провинциях, и что делать, если недальновидной политикой оно уже сумело вызвать там дух недовольства; как устроить налоги, чтобы не обогащалось государство за счет своих подданных, но чтобы богатели обе стороны.

И хотя наивно было бы искать в книге, написанной двести лет назад, готовые решения, мы найдем в ней, если захотим, такие подходы к нашим проблемам, которые помогут справляться с ними более успешно.

В «Богатстве народов» экономика страны предстает как трехуровневая: уровни общества, класса, человека. Присутствие свободной личности как равноправного элемента теории придает творению Смита уникальный характер на фоне не только его предшественников, но и еще более — его последователей. К примеру, у Маркса капиталист и землевладелец суть, его словами, «только олицетворение

экономических категорий», т. е. классов, преследующих свои интересы в условиях объективных экономических законов. У Рикардо мы видим, в сущности, одни лишь слепые экономические законы. Тот факт, что мы вспомнили о «человеческом факторе» и о повороте экономики к человеку — не свидетельствует ли он об определенной ущербности экономических концепций, в которых нет места для свободного выбора индивида? Во всяком случае, в процессе нынешнего переосмысления нами своих парадигм Адам Смит входит в наш мир не как бронзовый памятник, а как живой — проникновенный и остроумный — собеседник. Как подобает мудрецу, он не приходит к нам с готовыми ответами. Он умно направляет нашу мысль к самостоятельному поиску решений наших проблем.

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Во все эпохи спекулятивные системы принимались на основе соображений столь неосновательных, что они никогда не могли бы определять суждение здравомыслящих людей в делах, связанных с малейшим денежным интересом. Грубая софистика вообще вряд ли когда-либо имела влияние на мнение человечества, за исключением вопросов философии и умозрения, причем в этих областях она часто пользовалась наибольшим влиянием.

Спокойный характер и умеренность борющихся партий представляются наиболее важными чертами в общественных нравах свободного народа.

●

Закон, вопреки всем обычным принципам справедливости, сперва создает искушение, а потом наказывает тех, кто поддается ему, и притом обычно он усиливает наказание соответственно тому самому обстоятельству, которое, несомненно, должно было бы смягчить его, а именно — соответственно искушению совершить преступление.

●

...Хотя он (контрабандист) и заслуживает величайшего порицания за нарушение законов своей страны, часто не способен нарушать законы естественной справедливости и был бы во всех отношениях прекрасным гражданином, если бы законы его страны не делали преступлением то, что природа никогда не думала признавать таковым. В тех странах с дурным управлением, где существует по мень-

шей мере общее подозрение относительно наличия многих ненужных расходов и весьма неправильного расходования государственных доходов, законы, ограждающие последние, мало уважаются. Немногие люди проявляют щепетильность в отношении контрабанды, когда, не нарушая присяги, могут найти удобный и безопасный случай к этому. Если кто-нибудь сочтет необходимым покупать контрабандные товары, то, хотя такая покупка является явным поощрением нарушения фискальных законов и лжеприсяги, в большинстве стран это было бы сочтено одним из тех педантических проявлений лицемерия, которые не только не придают человеку уважения, но и навлекают на него подозрение в том, что он еще больший мошенник, чем большинство его соседей. Благодаря такой снисходительности общества контрабандист часто поощряется продолжать промысел, который он, таким образом, приучается считать до известной степени невинным.

●

Великие народы никогда не беднеют из-за расточительности и неблагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и неблагоразумия государственной власти.

●

...Всякая система, старающаяся чрезвычайными поощрительными мерами привлекать к какой-либо отрасли хозяйственной деятельности большую долю капитала общества, чем направлялось бы туда естественным образом, или чрезвычайными стеснениями не допускать в какую-либо отрасль ту долю капитала, которая иначе бы в ней применялась, в действительности губит великую цель, которую хочет осуществить. Она замедляет, вместо того чтобы ускорять, прогресс общества к действительному богатству и величию, она уменьшает, вместо того, чтобы увеличивать действительную величину продукта его земли и труда.

Следовательно, с окончательным устранением всех систем предпочтений и ограничений, сама собою устанавливается простая и незатейливая система естественной свободы. Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать свои интересы по собственному разумению и конкурировать своим умением и капиталом с умением и капиталом любого другого лица или группы лиц. Государь совершенно освобождается от обязанности, пытаясь выполнять которую он всегда и неизбежно будет подвергаться бесчисленным обманам и надлежащее выполнение которой не по силам никакой человеческой мудрости и знанию,— от обязанности надзирать и контролировать хозяйственную

деятельность отдельных людей и направлять ее к занятиям, наиболее отвечающим интересам общества. Согласно системе естественной свободы государю надлежит выполнять только три обязанности; три обязанности, безусловно, очень важные, но ясные и понятные обычному разумению: во-первых, обязанность защищать общество от насилия и вторжения других независимых обществ; во-вторых, обязанность защищать, насколько это возможно, каждого члена общества от несправедливости и угнетения со стороны других его членов, т. е. обязанность установить четкое направление правосудия; и, в-третьих, обязанность создавать и содержать определенные общественные сооружения и учреждения, создание и содержание которых не может быть выгодно отдельным лицам или группам лиц, так как прибыль от них никогда не оплатит издержки отдельному лицу или небольшой группе, хотя часто может более чем оплатить их большому обществу.

●

Торговля и промышленность редко могут процветать долго в государстве, которое не пользуется правильным отправлением правосудия, где население не чувствует уверенности в обладании своей собственностью, где сила договоров не поддерживается законом и где нет уверенности в том, что власть государства регулярно пускается в ход для вынуждения уплаты долгов всеми теми, кто в состоянии платить. Короче говоря, торговля и промышленность редко могут процветать в государстве, где нет известной степени доверия к правосудию правительства.

●

Передача большей части дохода с земли и капитала от владельцев этих двух главных источников дохода — т. е. от лиц, непосредственно заинтересованных в хорошем состоянии каждого клочка земли и в надлежащем употреблении каждой доли капитала,— другой группе лиц (кредиторам государства...) должна в конечном счете привести к небрежному обращению с землей и к расточению или отливу капитала. Не подлежит сомнению, что кредитор государства заинтересован, в общем, в процветании земледелия, промышленности и торговли страны... Но кредитор государства, рассматриваемый только в этом своем качестве, ни малейшим образом не заинтересован в хорошем состоянии какого-нибудь определенного участка земли или в надлежащем употреблении какой-нибудь определенной доли капитала; в качестве кредитора государства он не знает ни одной такой отдельной части, он не наблюдает за ней, не может

5 ЭиОПП, № 10, 1990 г.

проявлять о ней заботу. Ее уничтожение может в некоторых случаях оставаться неизвестным ему и не может непосредственно отразиться на нем.

●

Предлагать, чтобы Великобритания добровольно отказалась от всякой власти над колониями и предоставила им свободно избирать свое правительство, издавать свои законы, заключать мир и объявлять войну по своему усмотрению,— значило бы предлагать такую меру, на которую никогда не шла и никогда не пойдет ни одна нация в мире. Ни одна нация никогда добровольно не отказывалась от господства над какой-либо провинцией, как ни обременительно могло быть управление ею и как бы мал ни был приносимый ею доход в сравнении с вызываемыми расходами. Такие отказы, хотя они часто могут отвечать интересам нации, всегда ущемляют ее гордость и — что, пожалуй, определяет еще больше — всегда идут вразрез с собственным интересом ее правящей группы, которая при этом лишилась бы бы права располагать множеством ответственных и доходных должностей, множеством возможностей приобретать богатства и отличия,— право, которое почти всегда предоставляется господством даже над самой беспокойной и самой невыгодной для большинства народа провинцией.

...При естественном ходе вещей большая часть капитала всякого развивающегося общества направляется прежде всего в земледелие, затем в промышленность и в последнюю очередь во внешнюю торговлю. Этот порядок вещей настолько естествен, что во всяком обществе, на любой территории он всегда, как мне кажется, соблюдался в той или иной мере.

●

...И все же капитал, приобретенный страной путем торговли и промышленности, предоставляет собой очень ненадежное и сомнительное достояние, пока некоторая часть его не закреплена и не вложена в обработку и улучшение ее земель... Повторяющиеся потрясения, войны и революции легко иссушают источники того богатства, которое порождается одной только торговлей. Богатство, возникающее в результате более прочных улучшений в сельском хозяйстве, более устойчиво и может быть уничтожено только в результате сильнейших катаклизмов, вызываемых грабежами и опустошениями вражеских и варварских народов в продолжение одного или двух столетий подряд...

•

Весь годовой продукт земли и труда каждой страны или, что то же самое, вся цена этого годового продукта, естественно делится... на три части: ренту с земли, плату за труд и прибыль на капитал — и составляет доход трех различных классов людей: тех, кто живет на ренту, тех, кто живет на заработную плату, и тех, кто живет на прибыль. Это — три крупнейших, первичных и основных класса в каждом цивилизованном обществе, из дохода которых извлекается в конечном счете доход всякого другого класса.

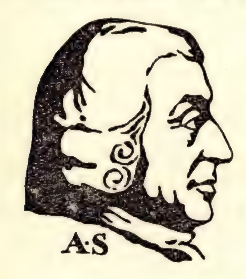
...Интересы первого из этих трех главных классов тесно и неразрывно связаны с общими интересами общества. Все, что благоприятствует или вредит интересам одного, неизбежно благоприятствует или вредит интересам другого. Когда общество обсуждает вопросы регулирования торговли или экономической политики, собственники земли никоим образом не могут вводить его в заблуждение ради содействия интересам только своего класса, если они, конечно, хотя бы сколько-нибудь понимают эти свои интересы. Правда, слишком часто им недостает такого понимания. Они представляют собою единственный из трех классов, доход которых не стоит ни труда, ни усилий, а приходит к ним как бы сам собой и независимо от каких бы то ни было их собственных проектов или планов. Эта бездеятельная жизнь, являющаяся естественным следствием довольства и прочности их положения, делает их слишком часто не только несведущими, но и неспособными к той умственной деятельности, которая необходима для того, чтобы предвидеть и понять возможные последствия той или иной меры регулирования.

Интересы второго класса, члены которого живут заработной платой, столь же тесно связаны с интересами общества, как и интересами первого... Заработная плата рабочего никогда не бывает так высока, как при неизменном увеличении спроса на труд или при ежегодном значительном возрастании количества употребляемого труда. Когда действительное богатство общества перестает возрастать и остается неизменным, его заработная плата скоро сокращается до такого размера, который как раз достаточен для содержания семьи, т. е. продолжения рода рабочих. При упадке общества она падает даже ниже этого уровня. Класс собственников может, пожалуй, извлекать большую выгоду из процветания общества, чем класс рабочих, но ни один другой класс не страдает так жестоко от его упадка, как рабочие. Но хотя интересы рабочего тесно связаны с интересами общества, он не способен ни уразуметь эти интересы, ни понять их связь со своими собственными. Условия его жизни не оставляют ему времени для того, чтобы приобретать необходимые

сведения, а его образование и привычки обыкновенно таковы, что делают его совсем неспособным к правильному суждению, даже если бы он обладал всей полнотой сведений. Ввиду этого, при общественном обсуждении вопросов его голос слушают и еще меньше принимают во внимание, исключая особые случаи, когда его требования достаточно громки, настойчивы и поддерживаются его нанимателями не в его, а в их собственных целях.

Его наниматели составляют третий класс, класс тех, кто живет на прибыль. Для получения прибыли применяется капитал, который приводит в движение большую часть полезного труда всякого общества. Планы и проекты обладателей капитала регулируют и направляют все важнейшие действия труда, и прибыль составляет конечную цель всех этих планов и проектов. Но норма прибыли не повышается подобно ренте и заработной плате вместе с процветанием общества и не понижается вместе с его упадком. Напротив, она по природе вещей низка в богатых странах и высока в бедных, и она всегда наиболее высока в тех странах, которые быстрее всего идут к разорению и гибели. Потому интересы этого третьего класса совсем не так связаны с общими интересами общества, как это наблюдается у других двух классов. Купцы и промышленники, входящие в этот класс, пускают в дело обычно крупные капиталы и благодаря своему богатству пользуются в обществе очень большим уважением и влиянием. Поскольку в течение всей своей жизни они всецело заняты всяческими планами и проектами, они часто отличаются большей сообразительностью и пониманием, чем большинство сельской аристократии. Но так как их помыслы обыкновенно поглощены скорее интересами собственной специальной отрасли, а не общими интересами общества, то их мнение, даже высказываемое с полной искренностью (что бывает далеко не во всех случаях), в гораздо большей степени отвечает первым интересам, чем последним. Их превосходство над сельским аристократом состоит не столько в понимании ими общественных интересов, сколько в лучшем понимании своих собственных интересов, чем это наблюдается у землевладельца. Именно благодаря такому лучшему пониманию своих интересов, им часто удавалось влиять на его великодушие и убеждать его пожертвовать своими интересами и интересами общества в силу весьма простого, но благородного довода, что их интересы, а не интересы землевладельца представляют собою интересы общества. Между тем интересы предпринимателей в той или иной отрасли торговли или промышленности всегда в некоторых отношениях расходятся с интересами общества и даже противоположны им. Интерес предпринимателей всегда состоит в расширении рынка и ограничении конкуренции. Расширение рынка часто может соответствовать интересам

общества; но ограничение конкуренции всегда должно идти вразрез с ними и может только давать торговцам возможность путем повышения их прибыли сверх естественного ее уровня взимать в свою личную пользу чрезмерную подать с остальных своих сограждан. К предложению об издании какого-либо нового закона или регламента, относящихся к торговле, которое исходит от этого класса, надо всегда относиться с величайшей осторожностью, его следует принимать только после продолжительного и всестороннего рассмотрения с чрезвычайно тщательным, но и чрезвычайно подозрительным вниманием. Оно ведь исходит от того класса, интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его, и который действительно во многих случаях и вводил его в заблуждение и угнетал.



КТО НАУЧИЛ СМИТА ГОВОРИТЬ ПО-РУССКИ?

В. ИЛЬИН,
кандидат экономических наук,
Москва

В марте 1776 г. в одну из лондонских книжных лавок из типографии члена парламента Уильяма Стрэхена привезли тираж свежего издания. На титульном листе двухтомника значилось: «Исследование о природе и причинах богатства народов, сочинение Адама Смита, доктора права, члена Королевского общества, ранее профессора нравственной философии в университете Глазго». Сочинение поначалу продавалось плохо. Новая книга была известна в основном среди друзей профессора: он дарил им экземпляры, купленные за вознаграждение за свой труд. Новую книгу и учение самого Смита приняли не везде и не сразу. Но постепенно «Богатство народов» нашло своего читателя, его начали переводить на другие языки. После первого, немецкого (в 1776 г.), появились еще несколько. До конца XVIII века вышли переводы на итальянский, испанский, французский, датский. В 1789-м вышло пятое, последнее прижизненное издание в Англии.

В России еще в 70-х и 80-х годах идеи «сочинителя новой нравоучительной философии» развивали ученики Смита — профессора Московского университета и доктора прав университета Глазго Семен Ефимович Десницкий и Иван Андреевич Третьяков. После

выхода «Богатства народов» на различных европейских языках мысли об «экономическом эгоизме» и экономической свободе начали проникать и в среду политических деятелей.

В 1801 г. русский посол в Англии Семен Романович Воронцов, который знал Смита лично и почитал его талант, в докладе императору Александру Первому назвал знакомца своего «самым классическим из авторов, когда-либо писавших о торговле, промышленности, государственных финансах». Воронцов и адмирал Николай Семенович Мордвинов, политический деятель, крупный российский экономист, помогли появлению русского перевода «Богатства народов». Многотрудной работой (отечественной экономической терминологии не было) по указанию первого русского министра финансов графа Алексея Ивановича Васильева занялся 38-летний чиновник Департамента государственного казначейства Николай Романович Политковский, впоследствии черниговский губернатор.

Первый, изданный «в осьмушку», 577-страничный фолиант русского издания заключал в себе книгу первую — «О причинах усовершенствования в производительных силах труда и порядка, с каковыми произведение оного естественно разделяется между классами». Ей Политковский предпослал посвященное Васильеву предисловие:

«Но когда удостоится благоволения Вашего Сиятельства сия первая книга, то я, сделав между тем более знакомства с предметом и авторским образом выражения оного, найду, конечно, более удобства в продолжении перевода других книг».

Книга «благоволения» удостоилась, и в 1803, 1805 и 1806 г. появились том II (354 страницы) — книга вторая в пяти главах «О свойстве, собирании и употреблении запасов (фондов)»; книга третья (в четырех главах) «О разных приращениях изобилия у различных народов»; том III (644 страницы) — книга четвертая в восьми главах, да в третьей главе две и в седьмой три части; том IV (561 страница) — книга пятая в три главы, посвященные финансам — «О доходах государя или республики».

Желающие сличить российский текст с английским нашлись сразу по выходе первого и последующих томов перевода. Сравнение выявило неточности.

«Отдавая почтенному г. переводчику всю должную справедливость за его труд, нельзя однако же умолчать здесь того, что некоторые из ученых, сличавшие оный с английским подлинником, в иных хотя немногих местах нашли неверность в переводе, что особенно в классической литературе весьма вредно; сие, например, можно заметить более до половины первого тома»,— отмечал адъюнкт исторических наук и политической экономии Казан-

ского университета Петр Сергеевич Кондырев в «присовокуплениях» к переведенной им с немецкого языка работе Георга Сарториуса «Начальные основачия народного богатства и государственного хозяйства, следуя теории Адама Смита» (Казань, 1812).— «Впрочем безспорно, что г. Политковский переводом сим приобрел в ученом мире славу и благодарность соотечественников, равно показал и знание свое в сей науке».

Первое русское издание «Богатства народов» для науки имело большое значение, однако улучшить экономическое положение России не помогло. Не совершил ничего выдающегося в политике экономической или финансовой граф Васильев. Бюджет сводился с ежегодным дефицитом. Для покрытия брали деньги из казенных банков и выпускали ассигнации. За время правления первого русского «финанс-министра» их выпустили на сумму от 210 млн до 319 млн руб. Сменивший Васильева Ф. А. Голубцов (1807—1810 гг.) продолжал политику предшественника. В 1810 г. номинальная стоимость ассигнаций в обращении равнялась 577 млн руб., денежный рынок внутри страны был ограничен. Международный (голландский) рынок заемных капиталов бездействовал: Нидерланды находились под властью Наполеона Первого.

Смета России на 1812 г. была составлена без учета военных расходов и сведена с дефицитом в 120 млн руб. Во время Отечественной войны прекратилось казенное строительство, не кредитовались частные лица, увеличилась подушная подать, выросли цены на соль, таможенные и гербовые сборы, стали распродаваться казенные земли. Средств для финансирования войны недоставало, приходилось выкупать по полной стоимости выпущенные французами фальшивые ассигнации. Государственные бюджеты в доходной и расходной частях (в переводе на постоянную стоимость серебра) уменьшились. Преимущественная часть обыкновенных доходов покрывалась подушной и оброчной податью с крестьян и «питейными» сборами.

Металлическое денежное обращение восстановили только в 1816 г. В это время пост министра финансов занимал Д. А. Гурьев. При нем, в 1817 г., последний раз выпустили ассигнации, а затем объявлено было о признании их государственным долгом. Особая комиссия погашения государственных долгов начала выплачивать ежегодно на погашение 55—60 млн руб.

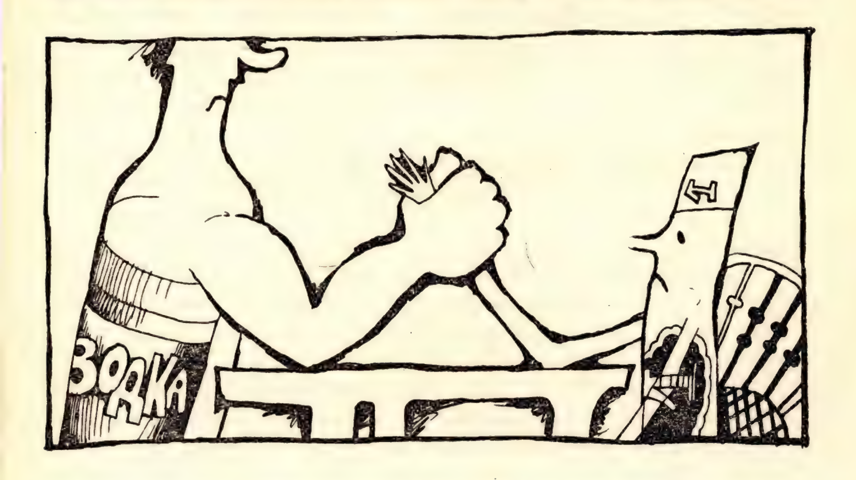
Действия Гурьева в период его правления не раз критиковал председатель Департамента государственной экономии адмирал Н. С. Мордвинов. Изменить положение государственного бюджета, повлиять на налоговую и податную системы попытался в 1810 г. государственный секретарь М. М. Сперанский. Он подал в Государственный совет записку о

реформе финансов, русские крепостники этот план отвергли. Сперанский впал в немилость и был сослан на 10 лет. Он снова попытался вернуться к этому вопросу, отбыв наказание. Идеей частично воспользовался при проведении денежной реформы следующий «финанс-министр» (1823—1844) Е. Ф. Канкрин.

Крепостное хозяйство в России разваливалось, развивалась капиталистическая экономика. Однако учение Смита и его книга, направленные против феодализма, не могли быть приняты в условиях проведения Александром I политики удушения революции во всех государствах, в условиях России — члена Священного союза — сохранившей неприкосновенной крепостническую систему.



Социально-экономическая политика



«ПИТЕЙНЫЙ СТАНДАРТ» РУБЛЯ*

Владимир ТРЕМЛ,
профессор экономики,
университет Дюка, США

Появление заменителей денег — не новый феномен. Вторая, неофициальная денежная единица, представленная некоторыми материальными ценностями, вступает в обращение, когда население теряет доверие к официальной денежной системе. Обычно это происходит в периоды политической нестабильности, войн, революций. Табак был товаром-деньгами в годы гражданской войны в США, американские сигареты играли ту же роль в Германии после Второй мировой войны, в Японии, кроме сигарет, обращалось также кофе, в Италии — мыло. Хотя некоторые покупки в этих странах совершались при помощи почти

---

[1] **Реферат** главы «Is the Soviet Ruble on a Vodka standard» из книги об алкоголе, над которой автор работает в настоящее время. Перевод и подготовка к печати П. Тесли.

полностью обесценившихся рейхсмарок, лир и иен, сделка считалась законченной только в том случае, когда продавец получал дополнительное вознаграждение в виде пачек американских сигарет или мыла.

Экономический закон гласит, что двойные денежные системы неустойчивы: более «сильные» деньги вытесняются слабыми. Это правило не действует, когда в обращении находятся суррогаты денег, не являющиеся легальным средством обращения. После войны в Германии и Италии существовало множество рынков, на каждом из которых имели хождение соответствующие валюты. Официальные рынки обслуживались бумажными деньгами, черные и серые рынки —«товарами-деньгами».

Неудивительно, что в СССР водка стала играть роль денежного товара. Рубль не воспринимается людьми как устойчивая валюта. В истории СССР наблюдались периоды быстрой инфляции, неоднократные денежные реформы, рубль не обменивается ни на золото, ни на другую валюту. Водка является почти идеальным денежным товаром. Почти 85 % взрослого населения пьют, душевое потребление водки держится на высоком уровне, иначе говоря, этот напиток может быть использован почти каждым. Относительная стоимость водки саморегулируется: когда пропорция обмена «водка — другие товары» понижается, водка оседает в резерве или выпивается владельцами.

Превращение водки в денежный товар было обусловлено нарастанием товарного голода, невозможностью или трудностью приобретения нужной вещи на «белом» рынке и расширением сферы внерыночных операций. В то время, как основная масса товаров исчезла, водка все еще относительно доступна, а трудности приобретения только усиливают ее ценность как покупательного средства. Особое значение водки закреплено и некоторыми нормами общественной жизни. В день зарплаты жены, являющиеся основными распорядителями семейных бюджетов, изымают у мужей получку, а затем периодически выдают им «карманные деньги». Для пьющих мужчин бутылка водки, полученная в уплату за легальную или нелегальную услугу, имеет стоимость, превышающую рыночную цену.

Наиболее часто водка используется в качестве дополнительного, реже — основного средства платежа. Так, имея дело со слесарями, электриками, малярами или дру-

гими ремонтными рабочими, клиент соглашается выплачивать часть суммы за их труд водкой. В сельской местности в этой же роли выступает самогон. Такая практика настолько широко распространена, что Верховный Суд СССР принял постановление, согласно которому производство самогона в целях его использования для оплаты труда, возмещения долга или обмена на товары интерпретируется как коммерческая деятельность и влечет суровое наказание. Правда, можно найти мало доказательств того, что государство предпринимает серьезные усилия для искоренения этой практики. Вероятнее всего, обе стороны, участвующие в незаконной сделке, утверждают, что водка была предложена в знак благодарности, а это затрудняет судебное преследование.

Как частные лица, так и работники государственных предприятий вовлечены в операции, где в роли денег выступает водка. Автомеханик охотнее ремонтирует государственный автомобиль, электрик качественнее меняет обмотку машины, складской работник быстро находит нужный инструмент за обещанную бутылку. На предприятиях, где алкоголь используется в качестве сырья, он идет на оплату мелкого ремонта или сверхурочных. В колхозах зерно передавалось местным самогонщикам для изготовления напитка, предназначенного к раздаче в конце уборочной страды.



В большинстве случаев передача водки одним участником сделки другому может быть интерпретирована как взятка, а точнее — как закрепление уз связи между берущим и дающим. Этот феномен имеет глубокие традиции. Исследователи сообщают, что «водка имеет ритуальное значение для русских крестьян, она использовалась для ра-

тификации и санкционирования всех договоров» (об этом писал и Салтыков-Щедрин). В 1926 г. Д. Н. Воронов в своем исследовании алкоголизма в сельской местности установил, что совместное распитие водки завершало подписание контракта.

Каков общий экономический эффект использования водки в качестве параллельной валюты? Отсутствие статистики денежной массы, находящейся в обращении, затрудняет ответ на этот вопрос, поэтому я могу изложить лишь некоторые общие сообщения.

Водка в роли денег способствует росту теневой экономики, она облегчает некоторые виды сделок и отвлекает труд в сферы нелегальной деятельности. Вместе с тем можно предположить, что водка дает некоторый положительный эффект и в сфере легальной экономики. Руководители государственных предприятий нередко стимулируют работников, доплачивая им за дополнительный труд водкой, а это означает увеличение объема используемой рабочей силы и, возможно, более высокую производительность труда. Но использование водки в качестве платежного средства ведет к росту алкоголизма со всеми вытекающими последствиями. Обращение второй валюты (водки) имеет еще одно последствие — падение эффективности государственной розничной торговли и нарастание трудностей управления трудовыми ресурсами.

Влияние водки на состояние денежной системы оценить не просто, тем не менее резонно предположить, что оно является инфляционным. Трудность анализа этой проблемы заключается в том, что водка входит в качестве элемента как в товарную, так и в денежную массу. Интуитивно ясно, что рост масштабов использования водки в качестве денег (т. е. рост денежной массы) будет способствовать инфляционному давлению на рынке потребительских товаров, поскольку возрастет спрос, а значительное количество покупок в сопровождении водочных платежей совершается гораздо быстрее. В каком-то смысле водка является дополнительным налогом, повышающим цены товаров, и тогда, когда цена водки остается неизменной. Но цена ее за 30 лет (с 1957 по 1987 г.) пересматривалась 5 раз и ее уровень, по официальным данным, увеличился в 2,84 раза, а фактически, с учетом качества,— еще больше.

Удорожание цены водки фактически означает обесценение рубля, а в общественном сознании формируется представление о водке как стандарте цен. Вслед за этим растут цены на те товары и услуги, которые обычно приобретаются с использованием «водочных денег».

ПРОСНЕМСЯ ХОЗЯЕВАМИ

Н. И. ЮРЧЕНКО,
кандидат физико-математических наук,
Москва

Переход к максимально свободным рыночным отношениям сегодня жизненно необходим. Это ясно, на мой взгляд, не только специалистам по экономике, но и большинству населения страны. Главный вопрос сейчас в том, чтобы найти наименее болезненный механизм такого перехода, по существу, не имеющего аналогов в мировой практике.

Я взялся за перо только потому, что меня все больше беспокоит полное отсутствие принципиальной концепции этого переходного периода в видимых эшелонах власти, как впрочем, и отсутствие определенной модели будущей экономической системы в целом. Мы видим бесконечные малопродуктивные споры вокруг новых законов, общую тягу к сверхрастяжимым формулировкам, многолетние уже колебания и растерянность правительства, все большую неопределенность в его завтрашних действиях. А ведь необходима не просто научная концепция, а концепция ясная и понятная всем, кто может и хочет высказаться за или против, основная схема действий, в соответствии с которой и должны создаваться новые законы и т. п.

Мы говорим о «новом мышлении», но пока не можем подняться выше известных попыток постепенного, «дозированного» вкрапления элементов рыночной свободы в нашу, в целом по-прежнему командную экономику, что приводит не столько к ожидаемой экономической пользе, сколько стимулирует элементарную наживу путем явной или скрытой спекуляции на почве разбалансированности цен, дефицитов, коррупции и т. п. Это, в свою очередь, вызывает отчаянную реакцию со стороны правительства в виде всякого рода запретов, грабительских налоговых ставок и т. п. Возникает порочный круг «псевдорыночной» модернизации системы и шараханий назад в ужасе от результатов.

Между тем масса «псевдозаработанных» в ходе этой игры денег оседает у части населения, вызывая реальное снижение уровня жизни у остальных. Начинается всеобщая погоня и всеобщая борьба со сверхдоходами, при которой невозможно оценить, в какой степени они заработаны дей-

ствительно трудом, а в какой получены из воздуха. При такой «осторожной» тактике перехода к будущему (возможно) нормальному рынку за несколько лет сумма фактически незаработанной прибыли части населения может превысить сумму «прибавочной стоимости», которой были лишены частные предприниматели в нашей стране за 70 лет ее существования. Законы экономики, вероятно, действительно неумолимы и мстительны. Единственным итогом переходного периода будет то, что, по существу, за счет печатного станка мы сформируем начальные капиталы для владельцев и акционеров будущих фирм, причем от пресловутых пиратски добытых капиталов миллионеров прошлого наши будут выгодно отличаться полной закономерностью их приобретения. Основная же часть населения в очередной раз окажется в дураках. В результате мы придем, как многие уже пророчат, либо к худшему варианту капитализма с глубоким и практически необратимым расслоением общества, либо к гражданской войне за очередное раскулачивание.

В связи с такой печальной перспективой мне представляется единственно правильным следующий вариант быстрого перехода от всеобъемлющей государственной к преимущественно коллективной и частной собственности. Не претендуя на авторство этой естественной идеи, я в то же время как неспециалист в экономике, принимаю на себя ее, на первый взгляд, фантастический и дилетантский характер.

Вкратце идея состоит в том, чтобы всем нам в один прекрасный день лечь спать, как говорят, бесправными и отчужденными от средств производства работниками государственных предприятий и учреждений, а наутро проснуться совладельцами-акционерами своих собственных и других предприятий, фирм, совхозов и т. д. Государство, правда, больше склонно к тому, чтобы трудовые коллективы сами выкупили у него принадлежащие, по существу, народу средства производства и при этом вовсе не гарантирует им действительной свободы ими распоряжаться. Это несправедливо и к тому же нереально, но помочь государству надо, поэтому я предлагаю компромиссный вариант. Технически это может выглядеть следующим образом. Оцениваем реальную стоимость всех государственных предприятий и т. п. — вероятно, с учетом международного спектра цен и рыночного курса рубля. В сумме это составит, допустим, 10 триллионов руб., или примерно по 30—40 тыс. на каждого взрослого гражданина СССР (считаем всех обладающими равными правами). На эту сумму выпускаются акции для каждого отдельного существующего предприятия и ориентировочно 70—80 % этих акций передается безвозмездно населению, преимущественно работникам данного предприятия. Остальные ос-

таются в собственности государства в лице руководства предприятия либо министерства, но могут быть беспрепятственно выкуплены населением при преимущественном праве для работников соответствующих предприятий, что даст прямой доход государству до двух триллионов рублей.

Поскольку суммарная начальная стоимость акций предприятия не обязательно пропорциональна численности работающих (и, кроме того, существуют пенсионеры и непроизводственные организации), каждый отдельно взятый гражданин окажется владельцем акций не только своего предприятия. С другой стороны, часть акций не только своего предприятия будет распространена среди граждан, на нем не работающих, в соответствии с единым нормативом. Такая система, естественно, предполагает возможность последующего свободного обмена и торговли акциями по их рыночно складывающейся стоимости. Какие-либо ограничения здесь невозможны, поскольку люди могут увольняться с работы, переезжать и т. п. Привязать акционеров к своим рабочим местам бессмысленно, тем более, что подозрения в эксплуатации останутся и в этом случае.

Государство нельзя обязывать выкупать акции по номинальной цене у тех, кто желает перевести их в наличные деньги. Это дело рынка, хотя и запрета на это быть не должно. Стоит только отнять у свободы малый ее кусочек, как она вся оказывается внутри этого кусочка (извините за корявое цитирование).

Речь здесь идет не о так называемых самоуправляемых трудовых коллективах-собственниках, которых в природе не существует, а о передаче государственной собственности на средства производства вместе со всей полнотой ответственности за их использование непосредственно в собственность и под ответственность населения в форме акционерных компаний. Акционеры данного предприятия становятся его полноправными совладельцами со всеми вытекающими последствиями: их выборный орган, а не министерство или СТК, утверждает состав и права руководителей предприятия, определяет стратегию и тактику его деятельности, регулирует цены на продукцию, устанавливает нормативы отчислений в фонд зарплаты коллектива, фонд развития производства, фонд дивидендов и т. п.

Часть акций будет скуплена нынешними состоятельными людьми, что неизбежно означает нетрудовое присвоение части доходов, однако если изъять эти капиталы законным путем невозможно, то при любом варианте перехода к рынку они будут пущены в дело. Главное, что их удельный вес в общей массе акций будет в пределах нескольких процентов, причем тем меньше, чем раньше это будет реализовано. Кроме того, если стоимость фондов оценивать по рыночному

курсу рубля по отношению к конвертируемой валюте, то она, вероятно, окажется гораздо выше существующей номинальной. Так что, скажем, человек, имеющий сегодня капитал в 100 тыс. руб., и работник предприятия с месячной зарплатой в 150 руб. и не имеющий накоплений станут обладателями все же сравнимых по объему пакетов акций, тем более что акции наиболее эффективно работающих предприятий, вероятнее всего, будут скуплены самими работниками этих предприятий и «капиталистам» придется вкладывать свои средства в наиболее отсталые.

Что касается заведомо государственных предприятий, учреждений и т. п., то их акции могут полностью оставаться в руках государства, работники же должны быть обеспечены акциями других предприятий, исходя из общего норматива, либо денежной компенсацией. Распределение ставок на передачу акций по разным группам населения, вероятно, должно быть в основном уравнительным, быть может, со слабой зависимостью от стажа работы и среднего заработка.

Я позволил себе описать самую грубую схему данного варианта «приватизации» экономики, которая, конечно, весьма уязвима для критики.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы готовим серию публикаций по разгосударствливанию экономики и приватизации, стараясь вообще устранить эмоции из обсуждения этой темы и сосредоточиться на технике, используемых приемах. Поэтому подготовка тянется долго. С эмоциями было бы проще.

Отклики

на статью академика ВАСХНИЛ В. А. Тихонова «Социализм, кооперация, государство» (ЭКО 4.90).

НЕВЕРНО ЦИТИРУЕМ

Вызывают недоумение аргументы автора.

Например: свыше 70 % населения не имеют представления о кооперативах, ибо с ними не «сталкивались».

Так ли это? В опросах ВЦИОМа «сталкивались» означает покупали, пользовались услугами. Да разве недостаточно просто пройтись по кооперативным рядам, например, Рижского рынка, чтобы «столкнуться»? Ведь достаточно посмотреть на цену и качество товаров, чтобы составить представление о приоритетах кооператоров. Иного от них требовать в современных условиях просто смешно: цены и качество их товаров соответствуют состоянию нашей экономики.

Не доверять мнению населения — в виде ответов на вопросы социологов — оснований не больше, чем доверять.

По прогнозам автора, общий объем кооперативного производства должен был составить к концу 1989 г. 25—26 млрд руб., значителен также рост числа кооперативов и количества работающих в них. Действительность превзошла все ожидания. Численность занятых — 4,5 млн чел., объем производства достиг 40 млрд руб., но лишь 7 млрд из них — продукция кооперативов (Экономика и жизнь. 1990. № 1—5). Причем ее удельный вес неуклонно снижается. Кооператоры все более отворачиваются от населения. Только за 1989 г. доля продукции кооперативов, реализуемой населению, сократилась почти в 2,5 раза — с 39 до 16 %.

Главная причина высоких цен кооперативных товаров и услуг — более высокие, чем для госпредприятий, цены на ресурсы, а также налоги и ряд других ограничений. Но только ли это влияет на рост цен? Не видеть собственной «вины» кооператоров в высоких ценах — значит искажать действительность. Честнее признать, что кооператоры в современных условиях объективно заинтересованы в повышении цен.

И еще об использовании работ В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» и «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Вряд ли В. И. Ленин «связывал модель социализма» с государственно-мо-

нополистическим капитализмом. В «Грозящей катастрофе...» и ряде других работ он рассматривал ГМК как этап на пути к социализму, считая госкапитализм «гигантским шагом вперед», от которого до социализма рукой подать. Вызывает недоумение приводимая цитата —«отменить закон о кооперации гораздо легче, чем порвать договор о концессии». Ведь это явное искажение мысли В. И. Ленина, ибо здесь же, после запятой указывается, что «разрыв договора означает сразу, просто немедленно разрыв фактических отношений экономического союза или экономического «сожительства» с капиталистом, тогда как никакая отмена закона о кооперации, никакие законы вообще не только сразу не разорвут фактического «сожительства» советской власти с мелкими капиталистиками, но и вообще не в состоянии разорвать фактических экономических отношений».

Если же прочитать весь абзац, а не только одно предложение (тем более его часть), то становится ясно, что В. И. Ленин ставил кооперацию значительно «выше» концессий (Полн. собр. соч. Т. 43. С. 226—227). Создается впечатление, что, к сожалению, в борьбе идей чистоте аргументов не придается большого значения. В публикации столько грубых ошибок, что остается только удивляться. Подобные публикации, кроме дискредитации защищаемых идей, наносят вред и авторитету авторов.

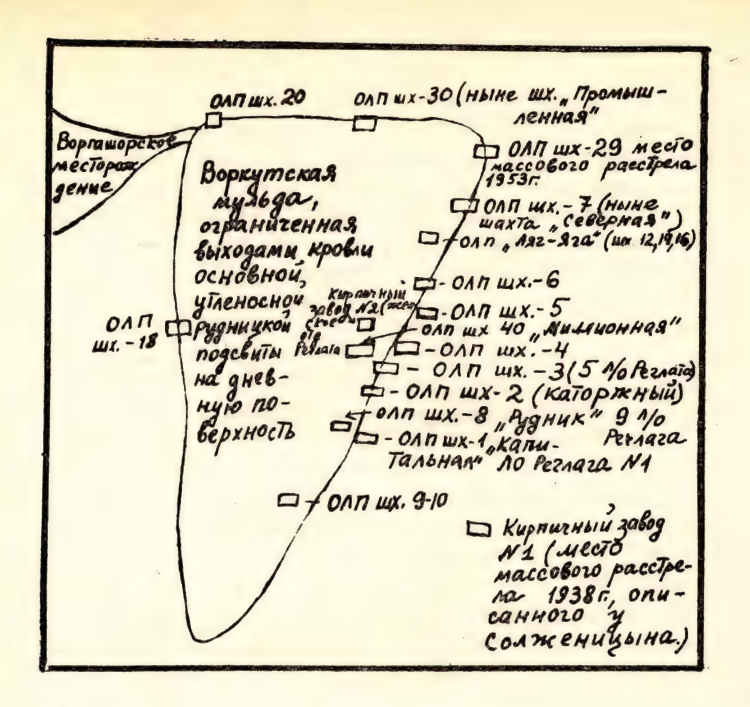
М. Н. РУДАКОВ,
кандидат экономических наук,
Петрозаводск

на карту «Сталинские лагеря Урала» (ЭКО 2.90)

Недоумение авторов заметки о сталинских лагерях Урала (ЭКО 2.90) по поводу местоположения Речлага могу рассеять совершенно точно, так как самолично сидел в этом лагере с 26 мая 1950 г. по 20 сентября 1955 г. за попытку создания антисталинской молодежной организации «Всесоюзная демократическая партия». Речлаг существовал на самой Воркуте. В речлаговские были преобразованы некоторые лагпункты (см. схему), их типичная аббревиатура — ОЛП, т. е. отдельный лагерный пункт:

● ОЛП при шахте № 1 «Капитальная». От поселка этой шахты и взял свое начало нынешний город Воркута. К настоящему времени шахта выработана и ее глубокие горизонты объединены с шахтой № 40. Здесь было 1-е лаготделение Речлага.

● ОЛП шахты № 8 (9-е лаготделение Речлага). Эта шахта была основана еще в 1931 г., а вместе с ней и первое человеческое поселение на Воркуте («Рудник Воркута»).



● ОЛП шахты № 2, где работали в основном каторжане (лица, приговоренные к каторжным работам на срок не менее 20 лет).

● ОЛП шахты № 3 (5-е лаготделение Речлага).

● ОЛП шахты № 4.

● ОЛП шахты № 5 и ОЛП шахты № 6. Обе шахты, составлявшие так называемый 4-й район, прекратили свое существование уже в конце 50-х годов: шахта № 6 — от гигантского взрыва, шахта № 5 — в результате прорыва пульпы из шахты № 6.

● ОЛП шахт № 9-10 (ныне шахта Южная).

● ОЛП шахт № 12, 14, 16 на речке Аяч-Яге, ныне шахта Аяч-Ягинская).

● ОЛП шахты № 40.

● ОЛП шахты № 7.

● ОЛП шахты № 29. Именно там во время забастовки 1953 г. была учинена кровавая бойня.

● ОЛП шахты № 30 на северном крутопадающем крыле мульды.

● ОЛП шахты № 18 на западном крыле.

Точно знаю, что в Воркутлаге осталась шахта № 27 (ныне «Заполярная»). Кроме воркутинских шахт, в состав Речлага входила также шахта № 1-2 «Хельмер-Ю»,

расположенная в 80 км севернее Воркуты.

Кроме шахт, в состав Речлага входили также:

● Кирпичный завод № 2 — женская Голгофа.

● ОЛП 1-го километра (рядом с ОЛП шахты № 8), служивший одновременно пересыльным и штрафным лагерем.

Единовременная численность заключенных Речлага по расчетам, которые мы неоднократно производили, приближалась к 60 тыс. человек. Но прошло через эту мясорубку значительно больше. Справедливости ради необходимо отметить, что тяжесть пребывания в Речлаге, по сравнению с Воркутлагом, была меньше, особенно после «лагерных революций», начавшихся в 1953 г. еще до смерти Сталина. В Речлаге почти удалось подавить блатных, сильно ограничить стукачество, так что последние годы жизни в лагере (после смерти Сталина) отнюдь не вспоминаются мне сплошь в траурных тонах. Была борьба. Нам доставалось, но рабами мы себя не чувствовали.

И еще замечание. Сведения о том, что в Инталаге заключенных использовали на лесоповале, неверны. В районе самой Инты нечего валить — город и месторождение находятся в лесотундре.

Отдельный Печорлаг, осваивавший Печорский угольный бассейн, по крайней мере, одновременно с Воркутлагом и Инталагом, не существовал. Некогда, еще в середине 30-х годов, был единый Ухтпечлаг, осваивавший гигантскую территорию от Тиманского кряжа до Полярного Урала, Пай-Хоя и Баренцева моря. Только после колоссальных людских инъекций 1936—1938 гг. были выделены Воркутлаг, Инталаг, Печоржелдорлаг.

В. И. БЕЛКИН,
Тюмень

Хочу сделать два замечания:

1. В Инталаге лесоповала не было (зона лесотундры), заключенные работали на шахтах (в том числе и мой отец — Морозов Алексей Сергеевич (1924—1983);

2. Минлаг — Минеральный, собирательное название 5 комбинатов — Норильск, Воркута, Инта, Ухта и Апатиты (Хибины).

Н. А. МОРОЗОВ,
кандидат исторических наук,
член «Мемориала»,
Сыктывкар

на письмо А. М. Гладких «О труде в приемных» (ЭКО 2.9)

ИНОГДА ОПУСКАЮТСЯ РУКИ

Я работаю в приемной небольшого предприятия уже 15 лет. Что же входит в мои обязанности? Мне не приходится появляться за 30 минут до работы, чтобы готовиться к ней. У меня работа непрерывная, без всякой подготовки. В отличие от работы А. М. Гладких, на нашем предприятии нет машинописного бюро, нет курьера, нет завхоза. Все эти функции возложены на меня. Я же принимаю и передаю все телеграммы, отправляю и принимаю почту. Очень много печатной работы: инструкции, акты, сметы, планы, расшифровки разные. Зарплату у нас выдают через сбербанки. Раз, а то и два в месяц приходится печатать все платежные поручения, списки. Бывают дни, что от машинки не оторваться, а бумаги для печатания у машинки не убывают. Прихожу на работу вместе со всеми, ухожу тоже. Иногда, когда отправляю и подписываю до 60 конвертов в день, приходится после рабочего времени до получаса торчать на почте с отправкой. Рабочий день загружен до предела. Мне некогда планировать следующий рабочий день, да и не имеет смысла. Потому что всегда найдется кто-то, кто придет со срочной работой. Бросаешь одно, берешься за другое. И вдобавок, замещаю инспектора отдела кадров, когда она в отпуске, в командировке или заболеет. Профессию я свою люблю, но иногда опускаются руки от этой неблагодарной и малооплачиваемой работы, да еще и отпуск короче, чем у остальных в управлении. В отличие от А. М. Гладких мне некогда разговаривать с людьми, приходящими на прием. Правда, у нас их бывает очень мало. Я не могу, не имею совершенно свободного времени, чтобы отвлекаться на что-то другое или расслабиться, и очень обидно услышать о своей работе, что я ничего не делаю: «Подумаешь, сидишь, давишь на кнопочки», или «щелкаешь как семечки»— это разве работа? А я от этой работы, от этих «кнопочек» иногда встать на ноги не могу.

Извините, пожалуйста, но очень захотелось «излить» душу. Ведь нигде не пишут о нашем таком простом и очень тяжелом труде — работе секретаря-машинистки. И я думаю, меня многие поддержат: работа секретаря-машинистки на маленьком предприятии намного тяжелей, чем на большом.

БУРИМОВА Е. В.
Междуреченск, Кемеровская обл.

Страницы истории

ИДЕЯ ЧЕРВОНЦА И СУДЬБА ЕЕ АВТОРА

А. П. ЕФИМКИН,
кандидат экономических наук,
Нижний Новгород

Сегодня, когда наши финансы, денежное обращение и кредит в исключительно сложном положении и требуется их быстрая радикальная перестройка, многие вспомнили о некогда всемирно знаменитом червонце. Более твердой валюты Советское государство не имело за все годы своего существования.

Интерес к червонцу и его истории вполне закономерен. Это — образец решения сложнейшей проблемы, возможного лишь при отказе от укоренившихся догм и перемене экономических воззрений руководителей государства и народного хозяйства, овладении и использовании достижений мировой экономической науки. Неудивительно, что предлагаемые современными советскими экономистами пути выхода из кризиса и оздоровления денежного обращения во многом напоминают идею создания «нового» червонца. Академик О. Т. Богомолов считает даже, что нашему государству, возможно, стоит пойти уже в ближайшее время на то, чтобы параллельно с существующими начать выпускать новые деньги, подобные червонцам 20-х годов, которые бы свободно конвертировались сначала в товары, а затем — и в иностранные валюты.

Инициатор создания советского червонца (того, первого, «старого») был выдающимся специалистом своего дела. Но кто же он?

Еще совсем недавно на вопрос: «Кто был автором идеи создания советского червонца?» даже от специалистов следовал как бы сам собой разумеющийся ответ: «В. И. Ленин, естественно». В подкрепление приводились ленинские цитаты (другой распространенный вариант ответа: «Червонец — продукт коллективного разума»). Правда, у Ленина о червонце нигде не говорилось, но это мало кого смущало.

Да, В. И. Ленин был инициатором осуществления финансовой реформы, в ходе которой и появился на свет червонец. Но это вовсе не то же самое, что авторство самой идеи червонца.

С реабилитацией и возвращением нашей истории имен репрессированных экономистов и руководителей советского народного хозяйстве в ряде публикаций авторство идеи червонца прямо или косвенно стало связываться с именем народного комиссара финансов РСФСР (впоследствии — СССР) Г. Я. Сокольникова. Действительно, 6 января 1922 г, он опубликовал в газете «Экономическая жизнь» статью «Гарантированный рубль», в которой предлагал в целях скорейшего оздоровления денежного обращения создать вторую валюту, параллельную обращающимся и с каждым днем все сильнее «падающим» так называемым «совзнакам».

Реабилитация Л. Н. Юровского вызвала интерес к личности, теоретическому наследию и судьбе этого крупнейшего советского ученого-финансиста и ближайшего помощника Г. Я. Сокольникова, члена коллегии и начальника Валютного управления Наркомфина СССР. И теперь уже ему стали приписывать авторство идеи создания червонца (персонально или вместе с Г. Я. Сокольниковым).

Безусловно, и В. И. Ленин, и Г. Я. Сокольников, и Л. Н. Юровский имели прямое отношение (хотя и неодинаковое) к появлению на свет советского червонца. Но все же идея и теоретическое обоснование червонца принадлежит не им — «отцом» идеи советского червонца был другой человек. Его фамилия до сих пор отсутствует в справочниках и энциклопедиях и незнакома даже многим специалистам экономической истории, финансов, денежного обращения и кредита СССР. И это не случайность или досадное недоразумение — имя создателя советского червонца (имеется в виду валюта, а не ее название) было насильственно вычеркнуто из нашей исторической памяти, хотя в 20-е годы оно было хорошо известно — Владимир Васильевич Тарновский.

Советский червонец «придумал» именно он, человек с интересной, хотя и мало подходящей для «воспитательно-назидательных» публикаций биографией. Но ведь «из песни слова не выкинешь»...

Потомственный дворянин Владимир Васильевич Тарновский родился 2 августа (ст. стиля) 1872 г. в деревне Юлькановке Бандуровской волости Александринского уезда Херсонской губернии. Его отец — отставной полковник — владел в Херсонской губернии 530 десятинами земли. Окончив кадетский корпус и юнкерское училище, 22-летний поручик Владимир Тарновский начинает службу в армии [1]. В 1897 г., после трех лет армейской службы, он выходит в отставку и делает стремительную гражданскую карьеру. Первые пять лет он постоянно продвигается по служебной лестнице, начав с незначительных клерковских должностей в местных учреждениях Государственного банка Российской империи. Молодой банковский чиновник был за-

[1] Здесь и далее основные биографические данные о В. В. Тарновском почерпнуты из: ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 7. Д. 40. Л. 64—76-об.

мечен: грамотен, упорен, трудолюбив, отлично знает дело, способен к ответственной самостоятельной работе.

В 1902 г. Тарновский назначен управляющим отделением Международного торгового банка, через шесть лет — управляющим Самарского коммерческого банка. В 1912 г. он уже директор и член правления одного из крупнейших акционерных банков коммерческого кредита России — Сибирского торгового банка в Петербурге.

Бурное развитие капитализма в России и первая мировая война способствовали получению российскими коммерческими банками огромных прибылей. К Октябрю 1917 г. 45-летний банкир имел лично принадлежащий ему капитал в размере около 3 млн руб.

Со вступлением России в первую мировую войну российские финансовые магнаты, призывая к «войне до победного конца» и концентрации усилий промышленности на военных нуждах [2], сами стать «пушечным мясом», однако, не торопились. Тарновский по возрасту тоже спокойно мог сидеть в своем кресле и приумножать капитал. Однако он, потомственный дворянин и офицер, патриот России, уходит на фронт. Гвардейский стрелковый полк, в котором восемь месяцев служил поручик Тарновский, участвовал в ожесточенных боях: после одного из них от полка осталось лишь 250 человек. Сам он тогда уцелел, но вскоре серьезно заболел, был эвакуирован в тыл, а потом демобилизован. В столице снова вернулся к банковским делам.

Большевики во главе с В. И. Лениным вели борьбу за превращение войны империалистической в войну гражданскую, за поражение царского правительства. Их агитация все сильнее революционизировала солдатскую массу. Бывшему боевому офицеру, добровольно и с полным убеждением в своей правоте воевавшему «за Веру, Царя и Отечество», действия большевиков казались преступлением, а В. И. Ленина Тарновский считал главным виновником этого. Впоследствии он сам рассказывал, как летом 1917 г. он замышлял организацию убийства вождя большевиков. В то время, говорил он, мы «не понимали фигуру Ленина». Однако Тарновский не был и махровым контрреволюционером: когда в 1917 г. к нему обратился за финансовой помощью генерал Л. Г. Корнилов, то не получил ни копейки.

Октябрь 1917 г. Тарновский встретил без восторга. Но он не последовал примеру своих коллег, большинство из которых эмигрировали или пошли на службу правительствам Врангеля, Деникина, Колчака. Даже будучи лишенным новой властью всех своих капиталов и постов, он остался в России.

После национализации в декабре 1917 г. акционерных коммерческих банков и их слияния с Государственным банком в единый На-

---

[2] См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1952. С. 626.

родный банк места в последнем Тарновскому не нашлось. Бывший миллионер устроился скромным агентом для поручений на Виндавско-Рыбинскую железную дорогу.

В 1920 г., когда гражданская война и иностранная интервенция приближались к концу, в «Известиях» публикуется обращение 20 видных дореволюционных российских деятелей к правительствам стран-членов Антанты и эмигрантам с призывом прекратить борьбу с Советской Россией. Одним из подписавших его стал и Тарновский. В том же году он назначается председателем Финансовой секции Института экономических исследований Народного комиссариата финансов РСФСР. Это было время торжества «военно-коммунистической» идеологии, идеи полного отмирания в самом ближайшем будущем денег как наследия капитализма, которому при социализме места нет и быть не может в принципе. Усилия многих теоретиков-марксистов были направлены тогда на создание безденежной системы учета и поиски иного, чем деньги, мерила стоимости — «трудовой единицы» («треда»).

В написанном В. И. Лениным тексте Второй Программы РКП(б), принятой на VIII съезде партии в марте 1919 г., прямо говорилось: «РКП будет стремиться к возможно более быстрому проведению самых радикальных мер, подготовляющих уничтожение денег...» На III Всероссийском съезде совнархозов (январь 1920 г.) вновь была выдвинута задача установления «твердой учетной единицы», за основу которой должно быть взято измерение единицы труда. В январе 1921 г. Совнарком поручил Наркомфину «...безотлагательно приступить к разработке... новой счетной единицы». Проект декрета Совнаркома о «треде» был разработан и должен был вступить в силу с 1 января 1922 г.: за единицу измерения принимался один нормальный день труда рабочего I разряда [3]. Тогдашнее руководство Наркомфина РСФСР расценивало любые разговоры о возврате к полноценному денежному обращению как «антимарксистские» и «контрреволюционные»: «человечество за свою историю уже столько натерпелось из-за этих самых проклятых денег!»

Однако «военно-коммунистические» устремления и взгляды на будущее денег при социализме преобладающая часть дореволюционных финансистов, поступивших в качестве «буржуазных спецов» на службу Советской власти, считала утопическими. Еще в 1920 г. в докладе на заседании Финансовой секции Института экономических исследований Тарновский теоретически обосновал необходимость возвращения к полноценному денежному обращению и восстановлению нормальной,

[3] Белоусов Р. А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР.— 2-е изд. М., 1987. С. 87—88; Дьяченко В. П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. М., 1947. С. 183.

а не «эмиссионной» денежной системы. Присутствующий при этом ответственный наркомфиновский чиновник-коммунист сделал тогда докладчику и его начальнику выговор за «контрреволюционный доклад». Всего через каких-то четыре месяца на съезде финработников в Москве член Коллегии Наркомфина РСФСР М. Альский признает, что поиски «треда» были одной из самых позорных страниц в истории этого комиссариата.

Сложившаяся экономическая и политическая ситуация потребовала коренного пересмотра взглядов на роль денег в переходный период. Но точного рецепта, как перейти от выпускаемых Наркомфином «совзнаков» к устойчивой денежной единице, еще не имелось. Такая задача В. И. Лениным была поставлена уже в самом начале нэпа, однако что это будет за денежная единица, он тогда не знал. В Наркомфине ряд крупных специалистов считали, что нужно не создавать новую денежную единицу, а пытаться стабилизировать и сохранить «совзнак».

В конце 1921 г. во главе Наркомфина РСФСР встал 33-летний Г. Я. Сокольников[4], окончивший курс докторанта экономических наук в Сорбонне. Именно он оценил по достоинству и энергично начал претворять в жизнь идею создания червонного обращения, теоретически обоснованную и предложенную ему Тарновским.

Еще осенью 1921 г. в своем докладе «О возможности учреждения Государственного банка, обладающего эмиссионным правом», который был сделан в Ленинградском отделении Института экономических исследований, Тарновский доказывал, что система кредита может быть восстановлена только «созданием особого института, обладающего правом эмиссии денежных знаков, поставленных в лучшие условия по сравнению с Гознаком, как по системе обеспечения, так и посредством воздействия на их курс»[5]. Он дал теоретическое обоснование необходимости создания червонца и принципиального механизма выпуска и обеспечения устойчивости новой валюты. Его идея рассматривалась с участием автора в процессе ряда обсуждений, состоявшихся в Наркомфине и Госбанке РСФСР в мае 1922 г. Уже 25 июля был принят декрет Совнаркома «О предоставлении Государственному Банку права выпуска в обращение банковских билетов»[6]. Госбанк стал усиленно готовиться к выпускной операции. На заседании коллегии Наркомфина 9 октября слушался и был утвержден проект Наказа Госбанку о порядке выпуска банкнот[7]. Через два дня

---

[4] Он был назначен заместителем наркомфина Н. Н. Крестинского, который, формально оставаясь на своем посту, в октябре 1921 г. отправился в Германию в качестве полпреда Советской России (1917—1927). М., 1928. С. 222.

[5] Цит. по: Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917—1927). М., 1928. С. 222.

[6] Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (СУ). 1922. № 46. С. 578.

[7] ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 470. Л. 89.

Совнарком принял еще один декрет — «О предоставлении Государственному банку права выпуска банковских билетов»[8]. В декабре новые банкноты стали появляться в каналах денежного обращения. Свое название — «червонцы» — они получили от русской монеты, чеканившейся из высокопробного золота в XVII—XVIII вв.

Госбанк мудро не спешил фиксировать эмиссию червонцев и досрочно «рапортовать» об этом — наоборот, первое время он искусственно придерживал их, вызывая тем самым «червонный голод» и повышенный спрос на свои банкноты. В концентрированном виде аргументация необходимости и путей создания червонца была изложена Тарновским в статье «Вопросы денежного обращения и Госбанк», напечатанной в 1922 г. в сборнике статей «Вопросы банковой политики»[9].

Констатировав абсурдную увлеченность идеей отмирания денег и безуспешность затраченных на изобретение «треда» усилий, Тарновский с удовлетворением отмечал факт воссоздания Госбанка. Однако при этом он указывал на отсутствие у последнего эмиссионного права как на основную причину его пассивности «в области денежного хозяйства», «упорядочения денежного обращения»[10]. Он методологически безупречно формулировал суть проблемы и очерчивал пути подхода к ее теоретическому решению через решение ряда последовательно поставленных предварительных задач. Так, Тарновский приходил к обоснованию того, что создание новой денежной единицы, выпускаемой Госбанком и обращающейся параллельно с наркомфиновскими «совзнаками», «не только допустимо, но и настоятельно необходимо»: «Ввиду невозможности достигнуть устойчивости государственной бумажной валюты («совзнака».— А. Е.), необходимо допустить создание параллельной валюты для нужд народного хозяйства, поставив ее в такие условия, чтобы расстройство государственного хозяйства и неустойчивость государственной валюты не могли бы вредить ее устойчивости... Осуществление означенного решения должно быть возложено на Государственный Банк, для чего, помимо дополнения и изменения Положения о Государственном Банке, следует одновременно провести в жизнь ряд вспомогательных мероприятий. Госбанку должно быть предоставлено право выпуска своих бумажных денег, называемых в отличие от государственных денежных знаков «кредитными билетами Государственного Банка». Эти билеты должны были выпускаться в российской государственной денежной

---

[8] СУ. 1922. № 64. Ст. 827.

[9] Странно, но до сих пор и этот сборник, и статья В. В. Тарновского почему-то практически не вовлекаются в научный оборот, фигурируя разве что в библиографиях публикаций по проблемам денежного обращения и банковской политики СССР.

[10] Госбанк РСФСР был учрежден декретами СНК (4.10) и ВЦИК (7.10) и начал свои действия 16.11.21 г., еще не имея права эмиссии.

единице, которой считается золотой рубль, содержащий 17,424 доли золота. Билеты банка должны обеспечиваться принадлежащими ему и заложенными у него золотом, благородными металлами, иностранной валютой и другими ценностями и товарами, а равно благонадежными векселями и обязательствами. Кредитные билеты Госбанка должны быть разменны на золото. Считаясь, однако, с тем, что в настоящее время ни в одной почти стране, кроме Америки, бумажные денежные знаки не размениваются на золото, Государственный Банк должен быть освобожден от обязанности разменивать свои билеты впредь до восстановления металлического обращения в главнейших государствах Европы.

Кредитным билетам Госбанка должно быть предоставлено право быть законным платежным средством во всех расчетах с государственными и коммунальными учреждениями.

Основной капитал Банка должен состоять из реальных ценностей, а не из Государственных денежных знаков, и исчисляться в золотом рубле»[11].

Такое решение В. В. Тарновский подкреплял доказательным изложением основных элементов системы подготовительных и сопутствующих мероприятий: складывающийся на основе свободной игры спроса и предложения паритет червонца к «совзнаку», разрешение свободного обращения в стране золота и иностранной валюты, благодаря чему только и становится известным действительный паритет к ним червонца. А для этого все указанные банковские ценности должны получить разрешение свободно котироваться на товарных биржах внутри страны и за границей.

Последовавшие вскоре законодательные акты Советского государства воплотили предложенные автором статьи мероприятия.

Тарновский мечтал о быстром экономическом возрождении России, отводя в нем одну из центральных ролей новому Государственному банку. В то же время он отлично понимал, что без крепкой и постоянно развивающейся экономики червонец не сможет сохраниться как твердая валюта. «Конечно, дать стране здоровую денежную систему одними лишь мероприятиями или декретами невозможно... но это, однако, не отрицает громадного значения методов и принципов регулирования денежного обращения, от выбора каковых и способа их применения в значительной мере зависит или рост или задержка развития производительных сил страны».

Тарновский обосновал очень красивое, даже изящное решение сложнейшей практической проблемы, единственно возможное в тех

---

[11] Тарновский В. Вопросы денежного обращения и Госбанк // Вопросы банковой политики: Сб. статей. М.: Изд. Правления Государств. Банка, 1922. С. 12—18.

условиях[12]. Тем самым этот «буржуазный спец» на службе Советской власти, подлинный патриот своей Родины, внес в развитие ее производительных сил и укрепление политического строя поистине бесценный вклад.

Теперь становится хорошо понятным глубокий смысл сказанного в прощальной речи покидавшего (не по своей воле) в январе 1926 г. пост народного комиссара финансов СССР Г. Я. Сокольникова. «Если бы мы надеялись только на свою собственную преданность революции и на правильность наших общих коммунистических приемов,— это было бы мало для того, чтобы достигнуть практических реальных успехов, которые абсолютно необходимы, на которых проверяется работа такого комиссариата, как НКФин. Только благодаря тому, что комиссариат и общественное мнение сотрудников в достаточной степени давали возможность развернуться работе специалистов финансовой науки и финансовой практики, только благодаря этому и были возможны те плюсы, которые достигла строительная работа НКФина» (цитировано по стенограмме)[13].

В дальнейшей судьбе «отца» советского червонца были характерные для той эпохи взлеты и падения. В декабре 1922 г. начал свои операции Российский коммерческий банк, первым председателем которого стал Тарновский (основной капитал банка составил тогда 1 млн червонцев)[14]. В марте 1924 г., когда этот банк преобразуется в Банк для внешней торговли СССР, Тарновского назначили заместителем председателя его правления. Через некоторое время он перехо-

---

[12] Может, на первый взгляд, показаться, что В. В. Тарновский не предложил чего-либо принципиально нового — различные способы создания новой денежной единицы, обращающейся параллельно с старым обесценивающимся кредитным рублем, предлагали А. Э. Ломейер, А. Н. Зак и А. Н. Гурьев (см.: Вопросы денежного обращения. Т. 2. Пг: Копейка, 1918).

Состоявшийся в мае того же года I Всероссийский съезд совнархозов тоже высказался в пользу денежной реформы, предусматривая «выпуск нового типа бумажных знаков (имеющих хождение наряду с кредитными билетами) — краткосрочных банкнот (беспроцентных), предоставляемых Государственным банком в распоряжение национализированной промышленности» (Народное хозяйство. 1918. № 4. С. 18). Но при этом конкретные пути и условия выпуска в обращение новой денежной единицы, а также способы ее обеспечения указанные выше авторы предлагали далеко не те же самые, что впоследствии были обоснованы Тарновским. Заметно и различие между его предложением и соображениями I Всероссийского съезда совнархозов. В 1918 г. речь шла о параллельном обращении двух валют, эмитируемых одним и тем же институтом — Государственным (Народным) банком. Но эти нежизненные из-за своей непроработанности проекты уже вскоре были сняты с повестки дня переходом к политике «военного коммунизма», для идеала которого нужна была не денежная реформа и твердая валюта, а полное уничтожение денег. В январе 1920 г. Народный банк за ненадобностью был вообще упразднен. Задача В. В. Тарновского поэтому была гораздо сложней, а предложенное решение ее, во-первых, требовало предварительного решения ряда других задач: во-вторых, предусматривало воссоздание Госбанка; в-третьих, сопровождалось обоснованием коренного изменения всего хозяйственного законодательства; в-четвертых, рассматривало новую валюту не как краткосрочную, а как постоянную; в-пятых, новая денежная единица с самого начала мыслилась Тарновским как мировая валюта.

[13] ЦГАНХ. Ф 7733. Оп. 3. Д. 26. Л. 28.

[14] Обзор работы Народного комиссариата финансов СССР за 1922—1923 год. М.: Наркомфин, фин.-экон. бюро, 1924. С. 184.

дит в качестве научного сотрудника в Госплан СССР, но с учреждением Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства вновь возвращается к банковским делам — назначается членом правления этого банка.

В начале октября 1925 г. Тарновский избирается председателем правления крупного Строительного общества взаимного кредита. Но через год это общество терпит крах, а председатель и другие члены правления за допущенные ими нарушения предстают перед судом. Тарновскому грозило пятилетнее тюремное заключение, хотя он и доказывал на суде, что государство никакого ущерба не понесло. В его защиту выступил новый народный комиссар финансов СССР Н. П. Брюханов. «Соловьиную речь» (по выражению самого Тарновского) произнес во время судебного процесса начальник Валютного управления союзного Наркомфина Л. Н. Юровский, просили суд об оправдании Тарновского и другие ответственные работники Наркомфина. И хотя главные обвинения были судом отвергнуты, подсудимого все же приговорили к 6 месяцам принудительных работ. Однако по амнистии, объявленной ВЦИК в связи с десятой годовщиной Октябрьской революции, Тарновский был полностью освобожден от наказания.

После этого он недолго работает в Главном управлении Гострудсберкасс, а затем переходит на работу в Отдел кредитной политики Валютного управления Наркомфина СССР. Последняя должность Тарновского в Наркомфине — помощник заведующего Отделом кредитных учреждений и денежного обращения. С нее он оказался 10 октября 1929 г. «вычищен» по «первой категории» Комиссией по чистке и проверке аппарата Наркомфина СССР. Наряду с ним «вычищена», как сообщалось в прессе, «солидная группа буржуазных экономистов, которые были нужны в период восстановления финансового хозяйства, но с которыми теперь нам не по пути»[15].

57-летнему «отцу» советского червонца, авторство которого за Тарновским вынуждены были в процессе «чистки» признать и подтвердить даже самые яростные обвинители, припомнили тогда все: 3 миллиона рублей капитала, лето 1917 г., снятую судимость, непролетарское происхождение, пассивность в общественной жизни коллектива, критические замечания его научных докладов, поданную год назад в Коллегию Наркомфина СССР записку со своими соображениями относительно дальнейших мероприятий кредитной политики и т. п.

Любопытно, что в той записке, расцененной рядом коллег Тарновского по работе и членами Комиссии по чистке как «вредная»,

---

[15] **Бугаев Н.** Наркомфин, как он есть в процессе чистки // Экономическая жизнь. 1929. 29 ноября.

ее автор признавал наличие в стране инфляции и предлагал систему мер по борьбе с ней: ограничение финансирования контрактации сельскохозяйственной продукции, пересмотр вопроса об участии частного капитала в снабжении населения товарами ширпотреба, сокращение расходов бюджета, в том числе — на оборону, выпуск и размещение акций государственных промышленных предприятий среди населения. Да и в одном из своих научных докладов «чистящийся» осмеливался утверждать, будто «...советское хозяйство менее застраховано от инфляции, чем капиталистическое хозяйство...»[16].

Именно с конца 20-х годов инфляция в СССР, несмотря на бесспорную очевидность, стала официально отрицаться, а сам термин «инфляция» был надолго объявлен неприемлемым для характеристики «временно возникающих в советской экономике затруднений в сфере денежного обращения».

Потаенной целью «чистки», официально, конечно, нигде не фигурировавшей, было устранение из аппарата Наркомфина СССР всех инакомыслящих, т. е. имеющих и отстаивающих собственное мнение. Это в ходе «чистки» Тарновского в запале невольно выдал С. И. Худяков: «Если один будет излагать свою точку зрения, другой работник тоже свою точку зрения,— то нам такие точки зрения не нужны, что у нас в результате получится, нам нужны такие работы, которые могут помогать осуществить те директивы, которые партией и правительством проводятся...»[17].

Современному читателю мало о чем говорит известное ему по «Золотому теленку» выражение «вычищен по первой категории». Фактически оно означало «волчий билет»: ни пенсии, ни выходного пособия, ни пособия по безработице, запрет на работу в любых государственных, кооперативных и общественных организациях, предприятиях и учреждениях.

Дальнейшая судьба В. В. Тарновского, к сожалению, неизвестна. По архивным документам удалось лишь установить, что в 1933 г. он безуспешно ходатайствовал о своем возвращении на работу в Наркомфин СССР. Но ведь потом были и 1937, 1938 годы... Складывается впечатление, будто на любом упоминании его имени с тех пор лежало табу. «Врагами народа» были объявлены подлинные творцы червонца и денежной реформы 1922—1924 гг.: Г. Я. Сокольников («участник троцкистско-бухаринской банды»), Л. Н. Юровский («глава контрреволюционной буржуазной „школы" в области денежного обращения»), их коллеги по Наркомфину СССР. Их имена оказались зачеркнутыми и преданными забвению, а все заслуги стали приписываться одному человеку: «Ленинскую теорию советских денег

[16] ЦГАНХ. Ф. 7733. Оп. 18. Д. 8613. Л. 28, 28 об.
[17] Там же. Оп. 7. Д. 40. Л. 84 об.; 85.

поднял на высокую ступень товарищ Сталин, который не только развил ленинское учение о деньгах и золоте и отстоял его против оппортунистических искажений, но и гениально применил его в практике осуществления генерального плана социалистической индустриализации страны»[18].

Возможно, жив кто-нибудь из родственников Владимира Васильевича и знавших его ветеранов советской кредитно-финансовой системы. Они бы смогли больше рассказать об этом человеке, имя и вклад которого в ее развитие оказались надолго незаслуженно забытыми.

В последнем трехтомном издании финансово-кредитного словаря есть масса сведений, в том числе — исторического характера, но при этом нет ни одной персоналии. Более того, нет даже простого упоминания фамилии какого-нибудь имевшего отношение к финансам человека (кроме, разумеется, фамилий составителей, авторов статей и членов главной редакции). Неужели же мы до сих пор еще так и не осознали, что любая история — это прежде всего история делавших ее людей?

ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

Б. П. ОРЛОВ,
доктор экономических наук,
Институт экономики и организации
промышленного производства СО АН СССР,
Новосибирск

Драматические ситуации в экономике нашей страны, эмоционально воспринимаемые некоторыми исследователями и публицистами как признак тупика и даже как предвестник неизбежного краха сложившейся системы хозяйствования, имеют глубокие исторические корни. Под влиянием ленинских идей в большевистской партии после Октября утвердилось представление о социализме как об едином общенародном государственном «синдикате», по отношению к которому все граждане выступают в качестве служащих и рабочих по найму. «Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну»[1]. В этом «синдикате» высшим собственником средств производства является государство.

---

[18] **Атлас З. В.** Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917—1925 гг.). М.: Гос. фин. изд-во, 1940. С. 179.

[1] **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.

КУРС НА ВСЕОБЩУЮ НАЦИОНАЛИЗАЦИЮ

Основными рычагами преобразования раннекапиталистического общества в социалистическое выбраны всеобщее огосударствление средств производства и искоренение товарно-денежных отношений (мы рассмотрим лишь первый сюжет). Как то, так и другое имели в основе не исторический прецедент, а теоретические представления о наиболее разумных путях формирования будущего общества справедливости.

Априори считалось, что полное огосударствление средств производства позволит с помощью централизованного планирования обеспечить их наиболее эффективное использование для решения экономических, социальных, научно-технических и оборонных задач. Причем неподготовленность России к подобному преобразованию, его несоответствие естественному ходу экономических и социальных процессов сознательно игнорировались руководителями страны. Именно в стране Октября проявилась тенденция к неоправданному форсированию ломки старого общественного устройства, к сожалению, неоднократно воспроизводившаяся впоследствии в других государствах.

Советская власть начала революционные преобразования с решения аграрного вопроса, имевшего общедемократическую направленность и не нацеленного на социалистическое преобразование деревни. Декрет о земле реализовал не большевистскую, а эсеровскую программу. Крестьянство выступало за уравнительное, по существу парцелярное землепользование, а большевики — за крупные социалистические хозяйства. По декрету все земли отчуждались безвозмездно у их прежних владельцев (в том числе и у крестьян-собственников), обращались «во всенародное достояние» и переходили «в пользование всех трудящихся на ней». Были запрещены сдача земли в аренду и применение наемного труда. Эти положения были воспроизведены декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (ВЦИКа) от 27 января 1918 г. «О социализации земли», статья 1 которого гласила: «Всякая собственность на землю... отменяется навсегда». Появление такого неожиданного тезиса в государственном законе отражало наивные представления крестьянства о том, что земля вообще «ничья» либо «божья» и что вывод ее из товарного обращения при равном землепользовании — залог предотвращения эксплуатации человека человеком. Исходя из этих представлений крестьянство в принципе выступало против национализации земли, т. е. превраще-

ния ее в собственность государства. С юридической точки зрения превращение земли во всенародное достояние означало свободный доступ к ней каждого производителя и бесплатное пользование ею. Национализация же земли, превращая в субъект собственности на землю государство, не только предоставляла ему исключительные права распоряжением земельным фондом, но и возможности взимания платы за пользование землей при отводе ее под приусадебные участки, сады, огороды, под несельскохозяйственное строительство, сдаче в аренду и т. п.

В годы гражданской войны государство объявило о национализации земли. Постановлением ВЦИКа «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» вся земля в РСФСР стала считаться «единым государственным фондом». Последний был передан в распоряжение «соответственных народных комиссариатов и подведомственных им местных органов власти». Тем самым была создана юридическая основа для ведомственного использования объекта общенародной собственности на землю. Отдавая приоритет в землепользовании Коммунам, совхозам, обществам по совместной обработке земли, постановление призывало «смотреть на все виды единоличного землепользования... как на преходящие и отживающие». Действительность, однако, не подтвердила жизненность подобного «забегания вперед». Впоследствии Н. И. Бухарин признал их тщетность: «Будем говорить откровенно: мы попытались взять на себя организацию всего, даже организацию крестьянских миллионов мелких производителей... С точки зрения экономической рациональности это было безумием».

С переходом к нэпу основы аграрной политики государства были пересмотрены. В отрицание принципиальных положений Декрета о земле была разрешена сдача ее в аренду и применение наемного труда в крестьянском хозяйстве, что стимулировало экономический рост в стране.

Форсировалось огосударствление собственности на средства производства и в несельскохозяйственной сфере. В резолюции «Об экономическом положении», принятой VI съездом РСДРП(б) в июле 1917 г., предусматривались национализация и централизация банковского дела, национализация ряда синдицированных предприятий (нефтяных, каменноугольных, сахарных, металлургических заводов), транспорта, введение рабочего контроля над производством.

В. И. Ленин призывал не спешить с национализацией промышленности и подчинить ее задаче улучшения хозяйственного положения страны. В принципе он отдавал приоритет госкапиталистическим формам организации производства: «... Если бы, примерно, через полгода,— говорил он весной 1918 г.,— у нас установился государственный

капитализм, это было бы громадным успехом»[2]. Однако массы не считались с этими призывами, да и попытки Советского правительства договориться с представителями буржуазии о сотрудничестве успеха не принесли.

«Снежный ком» национализации нарастал, не принося, однако, ожидавшихся результатов. Хотя в намерения большевиков входила национализация лишь монополизированной промышленности, 28 июня 1918 г. был издан декрет о всеобщей национализации крупной промышленности.

Однако это было лишь формальное, а не «обобществление производства на деле» (по выражению В. И. Ленина). Оно вело к разрушению капиталистического производственного аппарата, а не к эффективному овладению им и организации его функционирования на новых началах. Тем не менее национализация промышленности продолжалась. По данным промышленной переписи 1920 г., из всех национализированных предприятий лишь 14 % относились к крупным. В конце 1920 г. под пресс национализации попала даже мелкая промышленность, что отвечало духу представлений того времени, обещавших скорый коммунизм.

С переходом к нэпу были допущены деятельность частного капитала в промышленности и организация концессионных предприятий зарубежными фирмами. Однако ни то, ни другое не получило широкого распространения. Сфера применения частного капитала ограничивалась тем, что не была проведена денационализация средних и мелких предприятий, ранее необоснованно отобранных у прежних владельцев. Следовательно, не было создано важнейшего базисного условия для широкого функционирования капитала. Арендные же отношения не были достаточно надежными, устойчивыми: арендаторы оказались зависимыми от переменчивых настроений и произвола хозяйственной бюрократии, высоких ставок налогового обложения и т. д.

В ходе 1-й пятилетки частный капитал полностью был вытеснен из промышленности, хотя функции его в производстве потребительских товаров, ремонтном обслуживании домашнего хозяйства и населения не были замещены общественным сектором экономики. Концессии были постепенно прикрыты. Промышленная кооперация под флагом преимуществ общенародной формы собственности тоже была огосударствлена в 50-х годах. Поскольку фактически (но не формально, юридически) такая же судьба еще раньше постигла и колхозы, в СССР утвердилось безраздельное господство государственной собственности на средства производства. Она укоренилась в сфере обслуживания населения. Огосударствлена и основная часть жилого фонда.

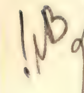
[2] Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 36 ,сь 295.

Теоретически это беспримерное огосударствление выдавалось за высшее проявление процесса обобществления средств производства, закономерно характеризующего логику формирования нового общественного строя. Причем советская модель социализма рассматривалась как единственно правомерная и навязывалась всем другим странам, вступившим на путь его создания, а попытки ее корректировки трактовались как ревизия марксизма-ленинизма.

Практика функционирования государственного хозяйства в СССР породила теоретически не предсказанный и пока еще недостаточно осмысленный феномен — неспособность общества обеспечить последовательное использование формально обобществленных средств производства в качестве объектов действительно общенародного достояния для достижения единых, а не частных либо узкогрупповых целей.

Объекты государственной собственности не закреплены за конкретными персонифицированными носителями. «Ничейная» собственность разобщает ее формальных владельцев, противопоставляет одних другим. Это поистине социально-экономический феномен, не вписывающийся в перечень форм собственности, смена которых, как установили основоположники научного социализма, характеризует общественный прогресс человечества.

Один из главных парадоксов нашего времени, не предсказанный основоположниками научного социализма, состоит в том, что при декларированном господстве отношений общественной собственности на средства производства, приобретшей форму монополии государственной собственности, каждый ассоциированный производитель и коллективы работников оказались отчужденными от них и, следовательно, экономически бесправными.



Кто же заполнил «нишу» в управлении «ничейной» собственностью? Первоначально ее оккупировала управленческая элита, опиравшаяся на бюрократический аппарат: фактически обобществленными средствами производства распоряжаются представители партийно-государственного руководства. Это и определило диктат ведомственности, с одной стороны, и местничества — с другой. И ведомственность, и местничество — это, по существу, два способа фактической реализации отношений собственности. По разрушительности последствий они, возможно, не уступают друг другу. Оба они ведут к групповому эгоизму.

В «эпоху» так называемого застоя претензии на экономическую власть предъявила еще одна сила — заправилы «теневой» экономики, фактически присвоившие себе значительную часть общенародных средств производства.

ТЕНЕВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОГОСУДАРСТВЛЕНИЯ

Наиболее отрицательное последствие того отчуждения производителей от средств производства, к которому привела практика почти полного огосударствления собственности на средства производства в СССР,— это так называемая бесхозяйственность, выражающаяся в нерациональном, подчас небрежно-преступном и хищническом использовании объектов такой собственности. Бесхозяйственность — это не только прямые потери в виде испорченной либо бракованной или изготовленной, но непотребленной продукции и т. п., но и косвенные потери — упущенная выгода от возможного рационального использования сырья, продукции и т. д. В прошлом бесхозяйственность стыдливо замалчивалась либо признавалась досадным недоразумением, случайным явлением, в принципе не характеризующим советский экономический строй. На самом деле она обладает свойством устойчивости, следовательно, закономерности. По-видимому, бесхозяйственность оказывает не меньшее разрушительное влияние на экономический рост, чем кризисы перепроизводства при капитализме.

Сама бесхозяйственность — следствие того, что непосредственные производители материальных благ и услуг, обслуживающие работники, инженеры, управленцы и т. д. в действительности не воспринимают себя как собственников общенародных средств производства. Так называемые ассоциированные производители связаны между собой одинаковым отношением к общенародным средствам производства лишь формально: на деле их объединяет равнодушное отношение к объектам данной собственности.

Конкретные проявления бесхозяйственности столь многочисленны, многообразны и подчас настолько причудливо неожиданны для разума, что их перечень, возможно, составит новую книгу рекордов Гиннеса.

Стали уже привычными, не вызывающими реакции не то что осуждения, но даже сожаления со стороны окружающих такие повседневные массовые факты равнодушия к расходам: работа вхолостую невыключенных во время стоянок двигателей машин, станков при отсутствии рабочего, использование вместительных автобусов для перевозки одиночек, вертолетов для перевозки мебели, транспортировка леса воздухом с Кольского полуострова в Белоруссию, перевозки капусты из Томска в Сочи, яиц из Ярославской области на БАМ и т. д. и т. п.

Возьмем, например, использование земли. Какие цели преследовала национализация ее, а также других природных ресурсов — лесов, полезных ископаемых, водных источников? Во-первых, обеспечение равного доступа всех возможных пользователей ею как объектом хозяйственной деятельности либо потребления иного вида. Эта цель до сих пор не реализована: длительное время либо прямо запрещался, либо ограничивался отвод земли под личное подсобное хозяйство, садово-огородные участки, покосы, строительство домов и дач. Земли для сельскохозяйственного использования были монополизированы колхозами и совхозами.

Вторая цель — рациональное использование земли и других природных ресурсов как важнейшего хозяйственного ресурса для сельского хозяйства, рекреации, для размещения несельскохозяйственных объектов, расселения людей. Что принесла нам действительность? Огромные сельскохозяйственные угодья из-за хищнической эксплуатации, неправильной мелиорации и т. п. выведены из оборота. Даже в малоземельной Латвии, в былые времена отличавшейся ухоженностью земель, более 1 млн га сельхозугодий было испорчено и выведено из эксплуатации за последнее время. Заросли бурьяном, превратились в пустошь многие поля, луга, покосы в Европейской России. Знаменитые некогда российские черноземы утратили былое плодородие.

При бесплатности земли она расточительно отводится под промышленные, транспортные и другие объекты. Огромные ее участки заняты отвалами рудников, шахт, разрезов, свалками мусора. Ни в одной цивилизованной стране не встретишь такого варварского отношения к земле. В странах с частной собственностью на землю она обихожена, используется экономно. Крайне нерационально используются и другие национализированные природные ресурсы: леса, водные источники, богатства недр. Из всей извлекаемой из недр земли массы сырья в качестве готовой продукции остается лишь 7 %. Огромное количество полезных компонентов сырья гибнет в отвалах, золе, шлаках.

Отчуждение производителя от средств производства во многом обусловило загрязнение природной среды. Экологическая обстановка во многих районах СССР либо критическая, либо приближается к пределу безопасности для человека, а кое-где стала уже запредельной.

Третья цель национализации — снижение общественных издержек землепользователей путем изъятия земли из товарного обращения (то же относится и к другим природным ресурсам). Вряд ли эта цель достигнута. Она перечеркнута разорительными способами использования этого средства производства.

Вопреки ожиданиям, в СССР на основе национализации земли не удалось создать высокоэффективное сельскохозяйственное производство. По результативности трудовых затрат СССР сильно уступает странам, где господствует частная собственность на землю. На продовольствие в СССР идут чрезмерные затраты живого и прошлого труда. СССР производит сельскохозяйственной продукции несколько меньше, чем США, но затрачивает на это труд 21,3 млн (1987 г.) работников по сравнению с 2,3 млн постоянных работников в США. В СССР, по данным О. Р. Лациса, с середины 60-х годов до середины 80-х доля капиталовложений в сельское хозяйство в общих инвестициях выросла с 12 до 27 %, урожайность зерновых — с 10 до 16 ц/га; в Венгрии за то же время первая величина уменьшилась с 18 до 12 %, зато вторая выросла с 20 до 50 ц. Неоднократная финансовая реанимация экономически слабых колхозов и совхозов не приносит им оздоровления, а лишь создает прочную базу для галопирующей инфляции. За 1971—1988 гг. в сельском хозяйстве израсходовано более 680 млрд руб. капиталовложений, а его чистая продукция не выросла.

Обильные финансовые инъекции не смогли предотвратить упадок деревни в Российском Нечерноземье. Совсем недавно, в 1983 г., после очередной финансовой инъекции руководители сельского хозяйства с гордостью сообщали о достижении ими рентабельности производства. Ныне же просроченная задолженность совхозов и колхозов государству уже достигла 67 млрд руб.[3] И с трибуны I съезда народных депутатов СССР снова раздалась жалостливая просьба списать ее. И в июле 1990 г. Совет Министров СССР принял соответствующее решение. Аграрная сфера в СССР — яркий пример иррационального хозяйства.

Априорное положение теоретиков научного социализма о преимуществах концентрации аграрного производства перед мелким хозяйством не подтвердилось на советском опыте. Фермерское хозяйство Запада оказалось намного более экономичным, чем колхозы и совхозы в СССР. Столько раз ожидавшийся и инициируемый руководством страны и послушной ему пропагандой подъем сельского хозяйства у нас, увы! — так и не состоялся.

Крупные социалистические предприятия в ВНР, ГДР, ЧССР оказались намного продуктивнее наших колхозов и совхозов, потому что, во-первых, работники там не отчуждены от формально принадлежащих им средств производства и результатов хозяйственной деятельности; во-вторых (и это вытекает из первого), за рубежом сохрани-

---

[3] Правительственный вестник. 1989. № 10. С. 4.

лось хозяйское отношение кооператоров и работников госхозов к средствам производства, продукции; в-третьих, из-за преимуществ в области специализации производства, организации и оплаты труда, культуры земледелия и скотоводства, дисциплины труда и т. д.

Бесхозяйственно используются предметы и орудия труда, промежуточная и конечная продукция и в несельскохозяйственных отраслях советской экономики. Так, в нефтегазовых районах Западной Сибири трубы, нефтепромысловое оборудование, стальной прокат и другие материалы, в том числе купленные за рубежом, часто «забывают» на месторождениях вокруг скважин, вдоль автодорог и газопроводов; сотни машин и механизмов брошены посреди тундры, утоплены в болотах. На берегах арктических морей устроены гигантские свалки стальных бочек из-под нефтепродуктов — их здесь многие миллионы.



Бесхозяйственность — питательная среда функционирования советской экономики по затратной модели и ее народнохозяйственной неэффективности. Ее компенсация требует чрезмерных затрат материальных и трудовых ресурсов, что неизбежно влечет за собой беспримерный в мировой практике отрыв первого подразделения общественного производства от второго и тем самым обусловливает низкий уровень жизни населения в СССР. Материалоемкость производства национального дохода в СССР в несколько раз выше, чем в США: так, на его единицу у нас производится стали больше в 3,1 раза, цемента — в 2,6 раза; энергоемкость в СССР выше в 1,7 раза.

Зато удельный вес фонда заработной платы в используемом национальном доходе СССР, по данным американского экономиста, лауреата Нобелевской премии В. Леонтьева, составлял в 1985 г. 36,6 % по сравнению с 64 % в США и был существенно ниже, чем в дореволюционной России в 1913 г. (54,8 %)[4]. Средняя оплата часа труда в долларах, по данным доктора экономических наук Г. Лисичкина, составляет в Швейцарии 30, ФРГ — 28, Австрии — 23, Франции — 15, в Югославии — 1, в СССР — «не больше, чем в Югославии»[5].



Другое печальное следствие всеобщего огосударствления собственности в СССР — беспримерная бюрократизация управления. Огромный масштаб страны, множественность объектов управления, его жесткая централизация породили огромную массу чиновников, передающих директивы сверху вниз и следящих за их исполнением, учитывающих и распределяющих материальные и иные ресурсы. Их дефицитность предоставила аппарату управления исключительную власть в распоряжении ими и поставила в унижающую достоинство человека зависимость от него производственные коллективы и от-



[4] Эхо планеты. 1989. ч 17. С. 16.
[5] Московские новости. 1989. № 24. С. 3.

дельных работников и потребителей, ограничила их гражданские права. Эта зависимость искусственно усиливалась отсутствием демократии и гласности. Низкая культура многих руководителей и чиновников аппарата, отсутствие твердых моральных принципов у них, их безответственность и безнаказанность породили питательную среду для продажности, коррупции, буржуазного перерождения функционеров. Бесконечные попытки сократить численность аппарата безрезультатны, поскольку не меняются его функции.

Удушающее инициативу работников господство государственной собственности деформировало их отношение к труду, его результатам, прежние нормы личного и общественного поведения людей, их индивидуальную и коллективную психологию. Халтура стала правилом, проявилась тенденция к превращению некачественного труда в некую социальную «норму». Утратили смысл различные «обещания», выражение «честное слово» и т. п. Стало социальной «нормой» равнодушно-наплевательское отношение к объектам государственной собственности. Расточительно расходуется и рабочее время. Стали нормой опоздания на работу и досрочный уход с нее. На многих предприятиях вместо восьмичасового рабочего дня фактически утвердился шестичасовой.

Огосударствление собственности и патерналистская социальная политика (когда все «падающие» на населения блага воспринимались как проявление «заботы партии и государства о благосостоянии трудящихся») вкупе с утвердившейся практикой опеки старших над детьми, сознательного освобождения их от многих бытовых забот благоприятствовали усилению иждивенческих настроений у населения. Показательны многочисленные случаи группового эгоизма, стимулируемого в последнее время переходом предприятий и территорий на самоокупаемость и самофинансирование.

Неконтролируемый обществом доступ отдельных лиц либо вступивших в сговор групп работников к государственным средствам производства создал широкие возможности для мелких хищений и других форм нелегального извлечения доходов. Разнообразные виды корыстных действий, при которых обобществленные средства производства фактически используются как объекты частной либо узкогрупповой собственности, в совокупности образуют так называемую теневую экономику, в рамках которой предметы и орудия труда используются эффективнее, чем в официальной экономике [6]. Подобный разрыв в результативности трудовых затрат наблюдается в личном подсобном хозяйстве и колхозах с совхозами.

Т. И. Корягина оценивает оборот теневой экономики по так на-

[6] Различные фррмы подобного использования государственной собственности описаны А. П. Дубновым и автором этих строк в ЭКО 2.89.

зываемому среднему варианту в 90 млрд руб. Некоторые другие эксперты считают, что по каналам теневой экономики ежегодно проходит от 100 до 150 млрд руб.[7] Если взять даже меньшую цифру из указанных, то она составляет более четверти розничного товарооборота государства и кооперации. Т. И. Корягина определяет суммой 200—240 млрд руб. стоимость накопленных дельцами теневой экономики средств потребления (драгоценностей, дач, автомобилей, предметов искусства и т. п.) и имеющихся в их распоряжении денежных вложений в подпольный бизнес.

Угнетающее влияние государственной собственности на средства производства создало благоприятные условия для гигантомании, создания беспримерно крупных в мировой практике предприятий-монополистов в большинстве отраслей промышленности, что дало основание некоторым исследователям выдвинуть тезис о наличии в СССР государственно-монополистического социализма. Это привело, во-первых, к диктату производителя над потребителем и, следовательно, к деформации рыночных отношений; во-вторых, к торможению технического прогресса. Крылатая еще недавно фраза о соединении научно-технической революции с преимуществами социализма не имеет реального смысла при современном монополизме индустриальных гигантов.

Монополия государственной собственности на средства производства, по мнению И. Клямкина, лишает экономической основы процесс демократизации. Советский гражданин лишен экономической самостоятельности, независимости. Он, как правило, не имеет своего дома или квартиры, земельного надела, акций. Он не свободен в распоряжении своей рабочей силой. Поскольку реальная власть в экономике находится не у производителей продукции, а у ее распределителей, рядовой производитель низведен до положения бесправного просителя.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ?

В самом деле, является ли она социалистической формой общественной собственности, если, во-первых, она не обеспечивает нормального удовлетворения общественных потребностей, о чем можно судить по хроническому дефициту большинства видов продукции и низкому уровню жизни населения; во-вторых, создала питательную среду для процветания теневой экономики; в-третьих, не обеспечи-

[7] Московская правда. 1989. 14 июня. С. 4. Правительственный вестник. 1989, № 8. С. 11.

вает эффективного ведения хозяйства; в-четвертых, монополия госсобственности ограничивает технико-технологическую перестройку хозяйства по опыту передовых стран. Советский Союз отстал от стран Запада на два — три поколения производственного аппарата промышленности. Если, например, в США и Японии он обновляется через 8—10 лет, то в СССР средний возраст эксплуатируемого промышленного оборудования в 1985 г. составил 28 лет. Вряд ли правомерно считать социалистической собственность, приносящую не прибыток обществу, а потери.

Можно ли также считать социалистической собственность, если она используется для организации экономически бессмысленного производства? Например, когда выпускаются товары, не находящие сбыта. Когда засеиваются площади, выращенное на которых — и это заведомо известно! — все равно не успеют убрать, а затем переработать. Например, теряется не менее четверти выращенного урожая, а по другим оценкам, даже 30—40 %. По данным министра продовольствия ФРГ, в его стране теряется не более 2—4 % продукции сельского хозяйства.

Сохранение монополии государства на хозяйственную деятельность было бы неоправданным ни в экономическом, ни в научно-техническом, ни в социальном отношениях. Ведь именно огосударствление экономики в конечном счете и привело к стагнации производительных сил. Наши предприятия-монополии почти ничто не удерживает от антиобщественного поведения: от навязывания потребителю чрезмерных цен, некачественной продукции, дискриминационных условий послепродажного обслуживания.

Все же я не готов дать сходу однозначное определение сущности государственной собственности в СССР. Думаю, ее нельзя считать социалистической.

НУЖНЫ РАДИКАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ

Целесообразность использования множества форм собственности стала уже общепринятой. Как показал опыт зарубежных стран, государственная собственность успешно функционирует на ряде участков хозяйственной деятельности. Это прежде всего отрасли производственной инфраструктуры, капиталоемкость создания многих объектов которой перекрывается выигрышем у множества потребителей ее услуг: транспорт, энергетика, связь, системы газоснабжения, теплоснабжения. Это в ряде стран такие отрасли социальной инфраструктуры, как здравоохранение, образование. В рамках государ-

ственной собственности можно было бы сохранить оборонную промышленность.

По моему мнению, попытки заменить общественную собственность республиканской (см. Закон, принятый Верховным Советом СССР) вряд ли принесут положительный результат: это будет напоминать реанимацию одряхлевшего организма «общенародной» собственности.

Возможно такое радикальное решение — перераспределить все земли для сельскохозяйственного использования, превратив в арендаторов не только фермеров и небольшие коллективы, но и колхозы и совхозы и устроив своеобразный аукцион для всех них, наделяя средствами производства разного качества в зависимости от конечных результатов их деятельности. И в первую очередь лишить права на использование лучших средств производства лентяев и неумех, паразитирующих на государственных подачках. Более радикально можно решить эту проблему с помощью денационализации земли и ее продажи всем желающим вести сельскохозяйственное производство. Кстати, выкупные платежи могли бы существенно пополнить доходную часть государственного бюджета.

Как показала практика других стран, эффективное использование земли может быть обеспечено и без ее национализации. Наличие частной собственности на землю не помешало, например, Венгрии, ГДР организовать эффективное сельскохозяйственное производство. Фермерское хозяйство, ведущееся на собственной земле,— основа аграрных успехов Запада.

Развитие аренды в промышленности и других несельскохозяйственных отраслях, сопровождаемое формированием собственных производственных фондов кооператива арендаторов и выкупом им фондов у государства, тоже логично ведет к отказу от полного огосударствления средств производства.

Денационализация была бы полезна как правовое условие преимущественного развития предприятий, основанных на групповой (коллективной) собственности на средства производства. Рядом с ними могут успешно функционировать и предприятия, основанные на передаче какой-то части общегосударственных фондов местным органам власти.

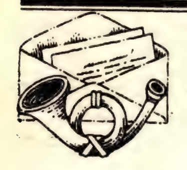
Денационализация необходима и как правовое признание целесообразности развития индивидуального сектора хозяйства, основанного на частной собственности на средства производства, которая наиболее сближает с ними работника.

Против частной собственности в нашей стране существует по традиции стойкое предубеждение. Однако идея о несовместимости

социализма с любой формой частной собственности была высказана лишь как априорная и не получила экспериментального подтверждения: мелкое частное хозяйство функционирует, например, в Болгарии, Китае, выполняя разнообразные функции, которые не осуществляются общественным хозяйством. Оно не исчезло и в СССР даже после сплошной коллективизации, приняв форму личного подсобного хозяйства.

Денационализация средств производства может благоприятствовать привлечению иностранного капитала в состав смешанных советско-зарубежных предприятий. Их формирование отражает прогрессивный процесс интернационализации производительных сил и облегчит включение народного хозяйства СССР в мировую экономику.

По моему мнению, было бы желательно разрешить организацию в СССР и чисто иностранных предприятий, прежде всего в наукоемких отраслях хозяйства. Это могло бы стимулировать ускорение технико-технологического преобразования производства ради удовлетворения разнообразных потребностей населения.



Из писем в редакцию

Эти налоги — выше

В ЭКО № 2.90 кандидат экономических наук В. В. Седов из Свердловска откликнулся на мою статью «Природа под защитой налогов» (ЭКО 2.89). В. В. Седов утверждает, что экологические налоги не стимулируют охрану среды, и при этом даже не упоминает о размерах этих налогов. Но я предлагал именно высокие налоги, размеры которых побудили бы предприятия беречь ресурсы и среду. Это я специально подчеркнул и сослался на опыт Франции. В. В. Седов опасается, что высокие экономические налоги понизят конкурентоспособность промышленности страны. Но я предлагаю одновременно с введением экологических налогов снизить налоги с прибыли, с оборота и подоходные — так, чтобы общее бремя налогов не возросло. Снижение этих налогов со всех граждан и предприятий ровно на столько же повысит конкурентоспособность (в среднем), насколько экологические налоги ее понизят.

Н. А. КРОНОВ,
Ленинград

Публицистика

«...НЕ ЛЮДИ УМИРАЮТ, А МИРЫ»

И. М. СТАРИКОВ,
доктор педагогических наук,
начальник отдела центра НОТ «Темп»,
Николаев

Давно остался за кормой мчащихся лет родной судостроительный завод, где прошла моя молодость. Нынешняя моя педагогическая работа, на первый взгляд, совсем не стыкуется с тем, чем приходилось заниматься мне как мастеру в цехе. Но есть что-то общее между цехом и учебным классом.

Что роднит оба процесса — производственный и учебный? Скорее всего, какая-то удовлетворенность от личной сопричастности с конкретным результатом работы. Может быть, именно с этого чувства у педагога зарождается и с каждым звонком на урок крепнет понимание, что ты не просто таскаешь камни, а строишь храм.

Конечно, в цехе результаты труда наглядней. Не раз, уходя уставшим домой, я с удовольствием замечал, как подрос за смену корпус нового корабля. В конце урока результаты не столь зримы. Но если они достигнуты, радость еще острее...

...И в этот раз свои занятия по психолого-педагогическим основам управления я начал, как обычно, с понятий личности и индивидуальности каждого человека. Цитирую евтушенковскую строчку «...не люди умирают, а миры» и всей группой пытаемся разобраться в ее содержании. Но чувствую, что не разжег их интереса.

В последнем ряду сидит полная женщина с какими-то «захлопотанными» глазами. Она даже на занятия пришла с наполненной до отказа хозяйственной большой сумкой. Под столом сумка не вмещается и стоит в проходе на виду у всего класса.

Или вот этот молодой человек за столом второго ряда с институтским ромбиком на пиджаке и ухмылкой нигилиста. Она проступила на его лице, как только я объявил тему занятий. И даже стихи не стерли ее.

Рассказываю, что понимание неповторимости человеческой личности, бережное отношение к индивидуальности делает мягче психологический климат в коллективе, помогает руководителям правиль-

но строить взаимоотношения с подчиненными, выбирать наиболее действенные пути управления. Что совсем не случайно именно в годы, когда по ночам начали исчезать лучшие специалисты, по стране пошел страшный лозунг: «Незаменимых у нас нет». В этом вроде бы безобидном утверждении отразился дух того страшного времени.

Группа слушает внимательно, но тишина мне кажется недоверчивой. И я рад звонку.

После перерыва за первым столом я увидел нового слушателя. Он только что сел. На виду у всех достал из коричневого дипломата толстую общую тетрадь и небрежно бросил перед собой.

— На прошлом занятии,— начал я,— мы пришли к выводу, что каждый человек — неповторимое явление природы...

Но меня неожиданно прервал новичок:

— Незаменимых людей нет,— изрек он самоуверенно и громко, чтобы слышали все.

Класс грохнул от хохота. Смеялись все. И полная женщина на последней парте, и нигилист с институтским ромбиком. Новичок удивленно посмотрел вокруг. Смеялся и я, радуясь, что в самом главном мои ученики на прошедшем уроке все-таки разобрались.

ЗАКОН ВСЕОБЩЕГО ВОСПИТАНИЯ

В последние годы стало модно все наши беды объяснять недостатками школьного воспитания. Мы как-то забываем, что школа — только зеркало общества. И что воспитывают не только учителя, а каждый из нас, независимо от того, где мы работаем, какую должность занимаем. Если в природе действует закон всемирного тяготения, то в обществе, по-моему,— всеобщего взаимовоспитания. Мы денно и нощно формируем души друг друга...

...Вот уже не один год минул, а нет-нет да и всплывает в памяти случай педагогического брака, который я допустил, начиная работать мастером в цехе.

Николай Щербаков пришел к нам на участок после демобилизации. Работал он газорезчиком. Как-то сразу нашел свое место в коллективе, словно трудился с ребятами не один год. Правда, мне было непонятно вначале, почему за ним прижилась кличка «пианист». Если нужно было подрезать какую-нибудь кницу, упрямо не становившуюся на свое место, или сдуть мешающий сборке обух, кто-нибудь из судосборщиков бросал:

— А ну, давай сюда пианиста!

Щербаков всегда по первому зову приходил на помощь. И внешне он тоже был «пианистом». В бригаде были кряжистые крепыши с

кулаками, похожими на кувалды, которые все еще остаются главным инструментом судосборщиков. Зеленые брезентовые куртки спецовок на их могучих плечах казались тесными. А Щербаков — худой, с длинной тонкой шеей.

Когда я присмотрелся к работе Николая внимательней, то мне тоже почудилось в его действиях что-то от музыканта. Свой резак он держал как-то по-особенному, на полувытянутых руках, и, закончив продувать или нагревать отмеченные судосборщиками места на металле, отводил свой инструмент не медленно, как другие, а коротким резким движением, словно джазовый ударник.

В обеденный перерыв, когда в притихшем цехе бригада стекалась к столику, приютившемуся между колоннами возле инструментальных шкафов и постоянно вздрагивающему под азартными ударами костяшек домино, Николай обычно сидел в стороне с учебником. Я знал, что Щербаков поступил в вечернюю школу и со свободным временем у него было не густо.

В конце сентября ко мне как члену партбюро цеха, отвечающему за работу общественных организаций, пришла учительница из вечерней школы. Немолодая женщина с уставшим лицом и тихим, совсем не школьным голосом попросила выяснить, почему многие ученики из нашего цеха начали пропускать занятия.

К очередному общецеховому собранию я составил по каждому производственному участку списки рабочих, запустивших занятия в школе. Выяснил, сколько было пропусков у каждого и почему. Попутно узнал, что некоторые мастера, чтобы оставить рабочих сверхурочно, забирают в конце смены в табельной их пропуска. Выступая на собрании в красном уголке цеха, назвал фамилии таких мастеров, сказал, что они нарушают права учащихся, и заметил с трибуны, как одобряюще-благодарно посмотрел на меня Щербаков, примостившийся в первом ряду.

А год тогда был, как говорили, юбилейный. По стране катилось поветрие повышенных обязательств. Завод решил отметить круглую дату досрочным спуском на воду очередного рефрижератора. Главные хлопоты выпали нашему стапельному цеху. Чтобы уложиться в новые сроки, обычных восьми часов в смену не хватало.

На проверке начальник цеха, услышав в очередной раз «не выполнено», раздраженно спросил у начальника участка:

— Почему никто не работает на заказе сверхурочно, если отстаете от графика?

— Отчего же никто,— уточнил тот.— Остаются те, кто могут. Учащихся очень много.

— Мы с вами отвечаем за сдачу судов, а не за хорошую посещаемость занятий в школе. Кое-кто в нашем цехе вообще собира-

ется выполнять план не сдачей судовых помещений, а успешным окончанием учебной четверти.

И хотя моя фамилия при этом не называлась, лица нескольких мастеров повернулись в мою сторону.

— Вот так, товарищи,— начальник цеха громко хлопнул ладонью по столу. В его голосе появились стальные нотки:— Хватит играть в бирюльки. Обязываю обеспечить сверхурочную работу всех занятых на спусковом заказе.

Прямо из кабинета начальник участка повел нас в табельную цеха. Раздал каждому мастеру пропуска рабочих, которых нужно оставить после гудка. Я взял стопку своих пропусков и, чтобы не нести их на виду у всех, положил в карман комбинезона. Он оттопырился, будто я туда спрятал кирпич.

Перед гудком собрал бригаду, вынул все пропуска.

— Во, теперь и мы не хуже других,— съязвил кто-то.

— Только что же мы, мастер, без газорезчика эти четыре часа делать будем? Ведь пианиста нашего в школе ждут, его не задержишь.

— Думаю, Щербаков сам понимает, что сегодня придется остаться,— сказал я и стал лихорадочно думать, что буду говорить и делать, если Николай откажется. Тот внимательно посмотрел на меня, потом отвел глаза в сторону, молча кивнул и пошел менять пустые газовые баллоны на полные.

На следующий день я уже не мучился так, раздавая пропуска задержанным мною рабочим. А через неделю, как и другие мастера, не прятал стеснительно их в карман, идя по цеху.

Рефрижератор спустили мы вовремя. Как раз накануне праздника. Был оркестр, торжественные речи. Даже судно принарядили: от носа до кормы повесили разноцветные флаги. Вдоль борта — кумачовый транспарант с рапортом о трудовом подарке. После спуска его забыли снять. И он еще с месяц висел на борту, пока этот заказ одиноко простаивал у достроечной набережной. Оказалось, задерживалась поставка дизелей, и работы на рефрижераторе пришлось приостановить.

В декабре меня перебросили на другой участок, где дела шли неважно, а после Нового года послали на прорыв в подшефный колхоз. Нужно было к маю обеспечить сдачу нового кормоцеха.

Со Щербаковым случайно встретился только в первомайской колонне на демонстрации. Поинтересовался его успехами в школе.

— Уже закончил,— ответил Николай.

— Так ведь еще рано,— удивился я.— Экзамены же в июне.

— Да я не с занятиями, а со школой закончил. Надоело догонять да наверстывать все время. Теперь гора с плеч свалилась.

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ

Сегодня после занятий с мастерами на заводе в памяти почему-то всплыла школьная учительница Надежда Никифоровна. Нас, шестиклассников, она замучила своей правдивостью. Уроки обычно начинала с вопроса: «Кто сегодня не выучил заданное?»

Признавшимся делала пометки в журнале. Но если в ходе опроса выясняла, что кто-то не подготовился, но не сказал об этом, в его дневнике обязательно вырастал жирный красный кол.

— Это за обман,— поясняла при этом учительница, расписываясь.— Можешь так и объяснить родителям.

Помнится, как-то в конце четверти Надежда Никифоровна предупредила, что завтра будет спрашивать только тех, кто может попасть в число неуспевающих.

— Дадим нашим уважаемым двоечникам последний шанс,— пошутила она.

Но на следующий день вместе с ней на урок к нам пожаловала какая-то важная комиссия. Несколько незнакомых женщин и семенящий за ними директор школы вошли в класс вместе со звонком. Разместились на задних партах. Зашелестели тетрадками для записей.

— Кто сегодня дежурный? Кто отсутствует? — начала урок с традиционных вопросов Надежда Никифоровна. В голосе ее проступила незнакомая нам напряженность. Стало понятно, что и для нее этот визит начальственной делегации оказался неожиданным.

Умудренные шестилетним опытом, мы уже знали, что в подобных случаях учителя вызывают к доске только тех, кто не уронит честь школы. Класс притих, как охотник, подстерегая, что будет делать в сложившейся ситуации Надежда Никифоровна.

Та пробежала глазами по фамилиям в журнале и объявила:

— Как и договорились с вами вчера, к доске пойдет...

После небольшой паузы назвала фамилию самого безнадежного двоечника нашего класса. За него на этот раз болели мы все. Не торопились, как обычно, вскидывать руки, когда видели в его решениях ошибки. Давали ему возможность найти и исправить их самому. Но наши маленькие уловки не помогли.

Вздохнув, математичка грустно улыбнулась:

— К сожалению, и последний шанс упущен...

В тот урок отличники у доски так и не появились. И мы заметили, как директор посмотрел на нашу учительницу, выходя из класса в хвосте комиссии. Мы так и не узнали, как оценили неожиданные

визитеры этот урок. Но для нас эти сорок пять минут стали настоящим Уроком.

Позднее, в университете, посещая факультатив по методике обучения, я даже подготовил что-то вроде реферата об обязательности полной правдивости в отношениях между педагогами и учениками. Во всем, даже в мелочах.

Профессор, руководивший факультативом, внимательно выслушал меня и сказал:

— То, что вы нам доложили, довольно интересно. Хотя, по-моему, в сделанном сообщении преобладают эмоции, а не доводы. Чтобы стать настоящей наукой, педагогика тоже должна, как говорили римские мудрецы, погружаться в глубину вещей.

Тогда я воспринял это профессорское замечание как обычное стремление занаучить простые и понятные вещи. Только позднее, когда сам начал набивать собственные учительские шишки, мне стал понятней истинный смысл профессорской реплики.

Вот хотя бы и сегодняшний инцидент с моей слушательницей. На первом занятии она появилась, когда вся группа уже сидела в классе. Вначале робко приоткрыла дверь, посмотрела по сторонам и, не спросив разрешения, нерешительно пошла к свободному месту в среднем ряду.

По ходу лекции присмотрелся к опоздавшей внимательней. Худенькая, почти девичья фигурка в сильно замасленном комбинезоне. Такие же на многих из собравшихся здесь женщин. Только если на других они выглядят как-то изящно, удачно подчеркивают особенности фигуры, то на ней он свисает, кажется на несколько размеров больше необходимого. Остренький носик, возле левого глаза и на щеке темные отметины. Видно, вытирала лицо рукавом комбинезона и остались следы масла. Даже на стуле она сидела не как другие. Примостилась неуверенно на самом краю. Во всем ее облике было что-то неуклюжее, смешное и жалкое. Подумалось: каково же ей мастеровать? Ведь, наверняка, эту беспомощность понимают и ее бригадиры, и рабочие. По опыту хорошо знал, что в таких случаях чаще всего уже не мастер руководит коллективом, а подчиненные понукают им.

Мои опасения подтвердились довольно скоро. Во время второго часа занятий в класс заглянул какой-то рабочий и поманил ее пальцем. Она замотала головой. Но через несколько минут в дверях показались уже две головы.

Женщина с первого ряда, очевидно, знавшая опоздавшую, повернулась к ней.

— Иди, Петровна, иди, успокой своих. А то не дадут они нам заниматься.

Но все три дня, пока я читал лекции этой группе мастеров, она занятия посещала без пропусков. Садилась так же на самый уголок стула. На одно и то же место у самого края, чтобы при случае можно было выйти, никого не беспокоя. Слушала внимательно, с какой-то повышенной заинтересованностью, что-то старательно записывая в небольшой блокнот.

А сегодня после последнего урока, когда я подвел итоги и попрощался со всеми, она задержалась в классе. Терпеливо, не обращая внимания на откровенно насмешливые взгляды товарищей, подождала, пока все выйдут, чтобы остаться со мной наедине. Теребя свой блокнот со сделанными записями, подошла ближе:

— Можно у вас проконсультироваться? — Вы рассказывали про воспитание характера и воли... Я тоже стараюсь... Каждый день намечаю, что нужно сделать... Только всегда не успеваю... Недовольны все...— Петрова говорила отрывисто, словно после пробежки: — Может быть, мне работа не подходит... Нужно менять ее... Как вы считаете?

Она заглянула мне в глаза. По взгляду, по интонации я догадался, что это не обычный вопрос ученика, пытающегося дополнить свои знания информацией, не схваченной или отсутствовавшей на общих занятиях. Это был вопрос-откровение. Такое спрашивают только у учителей и врачей.

По глазам я понял, что передо мной был тонущий, обессиленный человек, протянувший мне руку. С надеждой схватиться за опору, чтобы отдышаться, передохнуть.

— Говорят, вы сами работали мастером... Значит, знаете, получится у меня или нет...— торопилась она высказать все.

Я почувствовал: правда сейчас неуместна. Я не имею права беспощадной откровенностью задуть теплящийся огонек надежды в обращенных ко мне глазах. Стараясь придать словам как можно больше уверенности, начал что-то плести об опыте, о том, что даже талантливым руководителям в первые годы приходится нелегко. По тому, как посветлело ее лицо, как она вышла из класса, уверенно прихлопнув за собой дверь, уловил: она услышала то, что и желала...

Но странное дело, чем больше корил себя за допущенную ложь, тем сильнее сомневался в правоте своей школьной учительницы. Может быть, думалось мне, в педагогике существует своя система нравственных координат. И, чтобы избежать ошибок, учитель, независимо от того, где он трудится, в школе или в университете, в ПТУ или на заводе, должен придерживаться одного, самого важного принципа: внимательно слушать и понимать подсказки своего сердца.

Завтра у меня занятия по психологии производственных отношений с группой резерва руководителей подразделений. Очень беспокойный контингент. С каждой новой группой, как под напором гласности, хлынувшей на нас вместе с перестройкой, все глубже и острее ставятся вопросы на уроках.

И хотя у моих дипломированных слушателей за плечами не один год работы на заводах, происходящие вокруг перемены заставляют их на многое смотреть по-новому. В вопросах, которые они задают мне, часто злых и беспокойных, узнаю свои мысли и сомнения. Особенно трудно, когда остаешься на уроке один на один с ждущими глазами этих взрослых учеников. Чтобы оправдать их надежды, по опыту уже знаю, преподавателю недостаточно заранее подготовленных цифр, свежих выписок из газет и журналов. Они жаждут большего.

У корабелов есть такое понятие: основная линия судна. Ее, как говорится, нельзя пощупать. Но она, словно ориентир, помогает правильно формировать строящийся корпус судна. Чтобы урок прошел удачно, он должен иметь подобную линию. Для этого очень важно заранее определить, как и где она может лечь в материале занятий. Обычно педагоги в таких случаях ищут помощь в методической литературе. Но, к сожалению, о психологии производственных отношений у нас написано до обидного мало. Вот и приходится больше опираться на личный опыт.

Первые практические уроки по производственной психологии я получил еще молодым специалистом у возглавлявшего наш участок старшего мастера Михаила Наумовича Слобоцкова.

Между собой почти все в нашем цехе его называли «батей». И дело было не только в возрасте. В облике всегда спокойного, дородного Слобоцкова чувствовалась надежность и доброта. В его любимом словечке «сынок», с которым он обращался не только ко мне, улавливалась отеческая мудрость и ласковая снисходительность. В мастера он вышел из судосборщиков. Много лет отработал бригадиром, а когда набрал стаж, необходимый для льготной пенсии, согласился перейти на эту, совсем не сладкую итэровскую должность. Судосборщиком, поговаривали, был он отличным и, взвалив на себя новые обязанности, в заработке потерял солидно. Зато, наверное, это позволило ему с начальством держаться независимо и поступать так, как находит нужным.

Раз на проверке начальник цеха крепко разделал наш участок за срыв срока закладки секций нового заказа.

— Три дня на виду у всего завода пустует стапельное место, а Михаил Наумович не может направить нескольких человек, чтобы развернуть здесь работы,— возмущался вслух наш шеф.

Слобоцков сидел, опустив голову.

Когда вышли из кабинета, я спросил у него:

— Так что, дать команду судосборщикам, чтобы переходили на новый заказ?

Он положил мне на плечо свою большую тяжелую руку:

— Сынок, начальству нужен красивый вид на стапеле, чтоб дирекции глаза запудрить. А мы с тобой за дело в ответе... Сейчас людей сорвем, значит, они установку начатых секций не закончат. Конец месяца, а им наряды не закроют. Без денег бригада останется. А у людей семья, дети. Их накормить и одеть нужно. Вот какая цепочка тянется за тем приказом. Пусть уж лучше завтра меня еще поругают... Шеф наш отходчивый. Пошумит, да забудет. А с меня ж не убудет, сынок...

Чаще всего вспоминается мне стычка Слобоцкова с тогдашним директором завода. Это было в начале шестидесятых. В стране, как и теперь, говорили о реформе экономики. Быстро появились совнархозы взамен привычных министерств. В учреждениях и на заводах начались кадровые подвижки. Уцелевших еще с довоенных времен руководителей, предпочитавших одну и ту же форму одежды: сапоги и френч, косяками отправляли на пенсию.

В здании совнархоза, куда меня направили однажды в командировку, я увидел новую поросль управленцев. Молодые поджарые ребята, одетые на заграничный манер. Однотонные строгие костюмы с узкими брюками. У большинства небольшие чемоданчики —«дипломаты».

Вскоре докатились кадровые перемещения и до нашего завода. Нового директора я увидел впервые в длинном коридоре заводоуправления. Непривычно молодой, с короткой стрижкой, в элегантном костюме и дипломатом в руке. По коридору он прошел быстро, без остановок, слегка кивая головой знакомым.

Вышедший на перекур технолог, к которому я заскочил решить возникшие по заказу вопросы, посмотрел ему вслед и прокомментировал:

— Ну, что, старик, думаю, с таким начальством не пропадем...

Заводу в ту пору было нелегко. Больше года шли с невыполнением плана. О премиях вспоминали как о далеком счастливом детстве.

С появлением нового директора затрещали установившиеся на заводе порядки. Ежедневные проверки в кабинете директора были

отменены. Теперь он сам вместе с техническим секретарем и главным строителем приходил в цехи. Совещания по ходу строительства сдаточных заказов начали проводить у начальников цехов с обязательным присутствием всех мастеров.

На первую такую планерку несколько мастеров не успели подойти к назначенному времени.

— Можно? — спросили опоздавшие.

— Нет, нельзя,— ответил директор.— У нас уже идет проверка.

Он подождал, пока закроется дверь, и добавил:

— Давайте запомним все, что дисциплина не знает мелочей. Поэтому требовать соблюдения утвержденных сроков я буду безжалостно.

О том, что это действительно так, все мы убедились довольно скоро. По итогам проверок в цехах ежедневно стали выходить приказы по заводу. Теперь они печатались на особой бумаге с красной полосой по диагонали страницы, чтобы привлечь внимание. И почти в каждом какой-нибудь начальник участка или цеха строго предупреждался, а то и освобождался от должности.

— Во, молодой, да ранний,— можно было услышать в конторе от мастеров, когда они, прочитав, расписывались на обороте очередного приказа. Понимать это можно было и как осуждение, и как восхищение решительностью принимаемых мер. Только Слобоцков высказался по этому поводу определенно:

— Такая бумажка не хуже лома свалить может.

— Зато против лома нет приема,— сострил кто-то из молодых. И все засмеялись.

А через три месяца мы реально почувствовали результаты работы нового директора: пошли регулярно премии.

Привыкли мы быстро и к тому, что на оперативках, проводимых директором, устанавливалась какая-то особая настороженная тишина. Хотя голос он повышал редко. Я обратил внимание, что даже у нашего шефа при ответах на вопросы директора менялась интонация, становясь какой-то отчетно-докладной.

А вот Слобоцков о ходе работ на своем участке всегда говорил одинаково неторопливо, размеренно.

Как-то у него не заладилось с установкой ахтерштевня. Эту громадную многотонную деталь судна требовалось подгонять с особой точностью. Как говорили судосборщики, ловить миллиметры. Ее установка открывала фронт действий соседним цехам по монтажу валопровода и главных двигателей.

Последние дни над чертежами и измерительными приборами колдовали конструкторы и технологи. Рабочие вместе с Михаилом Наумовичем оставались в цехе надолго и после окончания смены.

Уже дважды на проверке переносились сроки завершения работ. На третий день директор начал планерку со Слобоцкова:

— Ахтерштевень сдан?

— Нет...

— Когда ОТК разрешит монтаж валопровода?

— Не знаю. Думаю дня два-три еще понадобится...

— Завтра — конечный срок,— оборвал директор.

— Завтра не будет.

— Я подчеркиваю, завтра.

— А я говорю, завтра не выйдет. Наверное, мне лучше известно...

Такого на диспетчерских у нас еще не бывало. Лицо директора начало наливаться краснотой.

— Что вы заблеяли, как теленок, не знаю, не знаю,— перешел он на крик.— Мы что, собрались сюда это мычанье слушать? Знать ничего не хочу, чтобы завтра у меня на столе лежал журнал приемки, подписанный ОТК... Я не позволю глумиться над утвержденным графиком,— и он неожиданно круто выругался.

— Да что вы схватили за горло и душите своими надуманными сроками! Спуститесь в пролет и покажите, как можно сделать быстрее... И кричать на меня не надо. Вы мне в сыновья годитесь.

Слобоцков молча прошел через весь кабинет, аккуратно прикрыл за собой дверь. Было так тихо, что мы хорошо слышали его спокойно удаляющиеся шаги.

Директор встал, нервно собрал листки графика:

— Проверка на сегодня окончена. Все свободны...

Выходя из кабинета задержался и добавил:

— Начальнику цеха после обеда подойти ко мне...

Это сегодня многое обдумывается по-новому. Иначе видятся поступки и судьбы окружающих. Взять хотя бы наш выпуск. Сеню Ронзенберга, с которым мы вместе пришли на завод, увезла «скорая помощь» прямо с проверки. В тридцать лет — прободная язва желудка. Нервы. Недавно в городе встретил Николая Волкова, работающего главным инженером на соседнем заводе, и растерялся. Весельчак и заводила, самый красивый парень курса, по которому вздыхала не одна девушка, стоял с искаженным от непроизвольного подергивания лицом.

Перехватил мой удивленный взгляд и пошутил:

— Рудовоз по мне прошелся, вот и оставил на память след... Правда, врачи обещают, что со временем отпустит...

Я вспомнил, как недавно областная газета писала о досрочной сдаче головного судна для перевозки руды. Даже фотографию по-

местили: ликующие лица корабелов, радостно махающих своему детищу, покидающему заводской док.

Или Эдик Бабкин — силач и штангист. Он первым из нашей группы сел в директорское кресло. Заводик, правда, был небольшой, по ремонту несложной сельскохозяйственной техники. Уже через два года у Бабкина забарахлило сердце. После инфаркта он перешел к нам, в отдел стандартизации, чтобы было поспокойней. Но все равно от инфаркта не уберегся. Он настиг его прямо в автобусе, когда Эдик возвращался домой из очередной служебной командировки.

Вдруг меня осенило: а почему бы моим слушателям не рассказать о Михаиле Наумовиче и этом эпизоде на планерке? Умолчать о том, чем закончился конфликт тогда, и дать возможность самим разобраться, на чьей стороне правота, как лучше действовать в подобных случаях. Вместе с ними подумать над тем, почему мы привыкли считать, что производственный травматизм — это только телесные увечья. И нигде не ведется учет, никто не отвечает за покалеченные человеческие нервы, сердца и судьбы.

Мысли были невеселые, но на душе почему-то стало спокойней. Вот она, кажется, и нашлась основная линия завтрашних уроков.

Здоровье - категория экономическая

УЧИТЬ И УЧИТЬСЯ ЗДОРОВЬЮ

В. М. ЧИМАРОВ,
кандидат медицинских наук,
Тюмень

Издревле считается: девять десятых счастья зависит от здоровья. А на каком месте в иерархии государственных и личных ценностей фактически находится здоровье человека в нашей стране? Не будем перечислять хорошо известные цифры, напомним только, что СССР по уровню детской смертности находится в шестом десятке, «обогнав» многие развивающиеся страны, что дети в возрасте до одного года у нас умирают в 5 раз чаще, чем в Японии, в 2,5 раза чаще, чем в США, ФРГ, Англии. Примерно 30 % детей рождаются с заболеванием или дефектом развития, почти 250 тыс. новорожденных появляются на свет с наследственной патологией, четвертая часть беременностей не донашивается вследствие генетических причин.

В нашей стране из 9,4 млн работающих на вредных производствах женщины составляют 30 %; 270 тыс. представительниц слабого пола занято на тяжелых физических работах. По числу абортов на каждую тысячу женщин мы занимаем первое место среди развитых стран.

В 1988 г. на XII Всесоюзном съезде педиатров с горечью констатировалось, что на 17 млн детей, посещающих дошкольные учреждения, в 1987 г. пришлось 27 млн случа-

---

Представляя читателям Валерия Михайловича Чимарова — автора книг «Мать и дитя» (Средне-Уральское издательство, 1987), «Первый год жизни ребенка» (М.: Медицина, 1988), мы надеемся, что его забота о создании в стране специализированных кафедр валеологии (от лат. «valeo»— быть здоровым) найдет отклик в ваших сердцах и спонсоров среди настоящих деловых людей.

ев заболеваний. Потери рабочего времени по уходу за больными составили 171 млн человеко-дней: ежедневно не выходило на работу 600 тыс. матерей.

Особенно удручает состояние здоровья школьников. Академик Е. И. Чазов по этому поводу сказал: «За голову хочется схватиться — до чего мы довели детей в школе!» У 53 % учащихся ослабленное здоровье, поэтому более половины окончивших среднюю школу ограничены в выборе профессии. Профилактические осмотры в Ленинграде показали, что школьники без отклонений в состоянии здоровья составляют всего 3—4 %. В других городах и регионах страны, особенно с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, эти цифры вряд ли лучше.

Из-за болезней в СССР ежедневно не выходят на работу 4 млн трудящихся. На 7—10 лет мы отстаем от высокоразвитых стран по общей продолжительности жизни. Более 50 млн городских жителей дышат воздухом, уровень загрязнения которого в 10 раз превышает предельно допустимые концентрации. В 1987 г. 30 % бахчевых и овощей в РСФСР и Грузии, более 20 % — в Армении и Эстонии содержали повышенное количество нитратов. Как обстоит дело в других республиках, можно только догадываться — цифры не опубликованы.

Реальную угрозу здоровью представляет загрязнение пищевых продуктов тяжелыми металлами (ртутью, свинцом) за счет выбросов транспорта, промышленных предприятий, применения удобрений, ядохимикатов. Так, выращенная в Челябинской, Псковской, Витебской, Донецкой, Днепропетровской областях, Башкирской АССР пшеница содержит ртути в 2—3 раза больше предельно допустимой концентрации. Во столько же раз превышает гигиенический норматив содержание свинца в мясных консервах, изготовленных Оршанским и Уральским консервными заводами. Выборочными проверками установлено опасное увеличение содержания антибиотиков в продуктах животноводства: пенициллин в молоке обнаружен в 33 % случаях проверок, стрептомицин — в 25, тетрациклиновые антибиотики выявлены в 12 % мяса и мясных продуктов. Стоит ли удивляться, что почти каждый десятый ребенок у нас страдает различными аллергиями.

Хотя большое число людей имеют избыточную массу тела и страдают ожирением, мы не можем сказать, что

хорошо питаемся. Только из-за дефицита витаминов в диете государство выплачивает 1,5 млрд руб. в год по временной нетрудоспособности.

Не лучше, чем государство к нам, и мы сами относимся к своему здоровью. Мы занимаем первое место в мире по числу курящих. На учете в системе здравоохранения зарегистрировано примерно 5 млн алкоголиков, из них только в РСФСР — 3 млн. А сколько не учтено — можно только предполагать. Как результат в РСФСР в 1984 г. было 238 тыс. умственно неполноценных детей, а через три года число их возросло до 277 тыс. Употребление алкоголя в таких масштабах создает угрозу генетическому здоровью, генофонду нации, чревато вырождением.

Мы пребываем в пагубном состоянии гиподинамии, которая влечет за собой целый «букет» патологий. Однако две трети населения страны, в том числе и дети, занимаются лишь созерцательным спортом.

Здоровье разрушают все увеличивающиеся психо-эмоциональные нагрузки, стрессы, о чем свидетельствует рост числа нервных и психических заболеваний. Мы все время куда-то спешим, напряжены, нервничаем. В городском транспорте, в бесконечных очередях то и дело вспыхивают унизительные, мелочные ссоры. У нас хмурые лица, мы почти не улыбаемся друг другу, редко говорим не то что добрые — вежливые слова... Где уж тут до психогигиены личной и общественной — атмосфера отношений перенасыщена условиями для возникновения неврозов.

Показателей неблагополучного состояния здоровья населения и факторов, отрицательно на него воздействующих, можно привести, увы, еще очень и очень много. Здоровье, особенно подрастающего поколения, в опасности. Нужны новые, кардинальные государственные меры по его охране и укреплению.

Общественность развитых стран приходит к осознанию того, что традиционная медицина исчерпала свои возможности. Наукой установлено, что здоровье человека зависит на 50 % от условий и образа жизни, на 20—25 % — от экологических, до 20 — от генетических факторов и только на 8—10 % — от состояния здравоохранения. Мы слишком долго наивно полагали, что чем больше будет у нас врачей, больниц, поликлиник, тем больше станет и здоровья...

Беру на себя ответственность утверждать, что **неудовлетворительное состояние общественного и личного здо-**

ровья во многом обусловлено низким уровнем знаний основ охраны и укрепления здоровья, недостаточной гигиенической культурой, как ни стыдно признавать, значительной части населения.

УЧИТЬСЯ ЗДОРОВЬЮ, А НЕ ЛЕЧИТЬСЯ ОТ БОЛЕЗНЕЙ

Чтобы преодолеть кризис в охране здоровья, необходимо создать государственную систему обязательного всеобщего обучения основам здоровья и гигиенического воспитания подрастающего поколения.

Но где, кто будет обучать здоровью молодых родителей, детей и их воспитателей, преподавателей? Ведь специалистов по здоровью у нас нет, как и вообще нет науки о здоровье.

Для решения проблем здоровья в целом и обучения здоровью, в частности, нужна новая наука, единая система знаний и практической деятельности с конкретной стратегической целью — сохранение, укрепление и развитие здоровья здоровых людей. Она может быть названа валеологией. Валеология (термин предложен И. И. Брехманом) должна аккумулировать в себе успехи психологии, биологии, экологии, гигиены, физической культуры, диететики, педагогики, социологии и других наук, направив их к одной цели: физическому, психическому и социальному благополучию человека. Новая наука поможет обществу найти экономически более выгодный, более короткий, прямой путь к активному долголетию человека на фоне полного здоровья.

Первый прорыв в мир знаний о здоровье может состояться на уровне вузов, в первую очередь университетов и педагогических институтов. Во всех вузах следует организовать кафедры научных основ валеологии — охраны и укрепления здоровья и гигиенического воспитания.

Кафедры валеологии станут центрами науки о здоровье, научно-методическими комплексами, очагами обучения здоровью. Их коллективы должны разработать программы, системы обучения здоровью в вузах, техникумах, школах, ПТУ, детских дошкольных учреждениях, в семьях. Здесь студенты могут получить глубокие знания по эко-

логии человека, диетологии и гигиене питания, физиологии, физическому совершенствованию организма, гигиене умственного и физического труда, семейной жизни, личной и коммунальной гигиене, санитарии.

Важнейшим разделом валеологии представляется учение о воспроизведении полноценного потомства, о генетике, сексологии и сексопатологии, о вреде абортов и частого вынашивания беременности как для женщины, так и плода. Вне всякого сомнения, студенты должны уметь оказывать первую медицинскую помощь, владеть техникой измерения артериального давления, подкожного, внутримышечного и иных способов введения лекарств, медицинского массажа и других лечебных манипуляций.

Все без исключения будущие учителя, педагоги, воспитатели должны быть подготовлены и по детской валеологии. Им требуется ясное представление о физиологических особенностях физического и нервно-психического развития детского организма, из которых вытекают меры защиты и укрепления здоровья детей.

Недопустимо, чтобы ребенок, поступивший в школу здоровым, постепенно становился школьным инвалидом, освобожденным от уроков физкультуры и физического труда. Или пополнял печально немалое число дефективных, умственно отсталых детей, расторможенных «пограничников», стоящих на учете у детского психоневролога. Иными словами, **детская валеология должна готовить всех работающих с детьми к тому, чтобы они могли и стремились профессионально оценивать физическое и нервно-психическое состояние своих питомцев, учить и воспитывать детей не во вред их здоровью.**

Еще одна важнейшая задача кафедр валеологии — формирование здорового образа жизни молодежи. Вот где таится гигантский резерв сбережения здоровья, не требующий многомиллиардных ассигнований! Академик Н. Напалков, директор НИИ онкологии, например, пишет («Аргументы и факты» 9.89), что достаточно бросить курить, чтобы смертность от рака легких через некоторое время снизилась в 10 (!) раз.

Кафедры валеологии вузов должны стать культурными центрами гигиенического воспитания, научно-методическими и учебными очагами формирования здорового образа жизни подрастающего поколения страны. Здесь болезнь, немочь будут объявлены вне закона, представлены как ре-

зультат дремучего невежества, душевной и физической лени, низкого интеллектуального уровня. Подрастающее поколение следует воспитать в абсолютном убеждении, что не беречь, не укреплять свое здоровье, а тем паче болеть — аморально! Валеология поможет сформировать в общественном сознании моду на здоровье, культ физически крепкого, красивого тела, спортивной формы, дух здоровой энергии и силы. Надо найти современные формы и близкие сознанию молодежи средства, чтобы система новых взглядов и ценностей быстро распространилась во все слои общества, принося ожидаемый результат — улучшение состояния личного и общественного здоровья.

Обучение основам валеологии, формирование здорового образа жизни надо начинать с грудного возраста и целенаправленно вести по специально разработанным програмам в яслях, детских садах, школах. Обучать детей должны специалисты-валеологи. Сейчас их у нас не готовят.

Подготовка преподавателей здоровья для школ — чрезвычайно важная и сложная проблема. Каким должно быть базовое образование детских валеологов — педагогическим, медицинским? Одно бесспорно — школьный учитель здоровья обязан хорошо знать детский организм. Наиболее подготовлены в этом отношении, конечно, педиатры. Но детский врач — это еще не валеолог, он, хотя и призван заниматься профилактикой, вынужден прежде всего лечить болезни. Вот если педиатра дополнительно подготовить по валеологии и педагогике, из него получится хороший школьный учитель здоровья.

Внедряя в умы и души ребят младшего возраста здоровый образ жизни, ни в коем случае нельзя скатываться на чисто медицинские позиции или нудно разглагольствовать о том, как не заболеть. Еще никого не отвратила от курения сентенция типа «капля никотина убивает лошадь». Для детской психики это чистая абстракция, иногда срабатывающая по принципу запретного плода. Путь к детскому сознанию дожен быть прямым: через познание тайн защитных сил организма и привлекательность здорового образа жизни.

Пусть в каждой школе господствует дух здоровья, культ красивого тела, крепких мускулов, спортивности, энергии, ловкости!

Если директор на большой перемене играет с пятиклассником в настольный теннис, педагоги сражаются с учени-

ками в волейбол и все вместе занимаются аэробикой, идут в турпоход, то это естественно сформирует у ребенка потребность быть крепким, спортивным, здоровым. Игра на свежем воздухе для детей — не просто развлечение. Это — органичная часть их жизни, способ развития, укрепления здоровья, формирования мировоззрения.

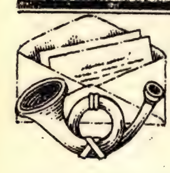
Важно пробиться к сознанию и сердцу ребенка с самых ранних его лет с мыслью, что не бывает счастья и даже просто нормальной жизни без хорошего здоровья. Суметь вооружить его соответствующими глубокими знаниями, сформировать потребность в здоровом образе жизни, стремление оздоравливать условия, состояние окружающей среды.

Настала пора формирования доминанты здоровья в общественном сознании. Тогда мы сможем предъявить претензии к родителям, чье невежество привело к болезни ребенка. В некоторых странах подобные санкции уже введены. Во Франции и в Австралии размер и частота выплат денежного пособия в связи с рождением ребенка зависят от пунктуального выполнения матерью обязательных предписаний наблюдающего малыша медика.

Если предлагаемая мною государственная система обучения здоровью станет реальностью сегодня, то уже следующее поколение родителей разорвет порочный круг дефицита знаний. Были же экономические, юридические всеобучи, когда-то — ликбез, настойчивое политпросвещение. Но я что-то не припомню ни одной кампании массового всеобуча здоровью...

Где взять средства на содержание штатов кафедр валеологии вузов, учителей здоровья, валеологов детских дошкольных учреждений, поликлиник, предприятий и т. д.? Много можно привести примеров, когда находились гигантские средства на мероприятия, далекие от насущных нужд народа. Кафедры валеологии в педагогических институтах, университетах можно на первых порах создать без дополнительных затрат, реорганизовав существующие кафедры подготовки медсестер для гражданской обороны. Уроки здоровья в школах уже сейчас могли бы вести работающие в них педиатры. Но платить им следует в полном объеме и преподавательскую, и врачебную зарплату, поставив условия: сохранить и приумножить здоровье детей, дать им глубокие знания по валеологии. Педиатр детсада — тоже потенциальный валеолог.

Предлагаю во благо советского человека поставить общенациональную цель: добиться увеличения продолжительности его жизни минимум на 10 лет, улучшить на порядок состояние здоровья каждого гражданина СССР, поставить здоровье в иерархии государственных ценностей на первое место.



Из писем в редакцию

Хозрасчет в глазах студентов

Каждому из нас часто приходится слышать о тех высоких показателях эффективности производства, которых добиваются трудовые коллективы страны, применяющие вторую или третью модель хозяйственного расчета. Складывается впечатление, что хозяйственный расчет — это панацея от всех болезней, которыми страдает хозяйственный механизм.

Об этом свидетельствует опрос студентов старших курсов, обучающихся по специальности «Вычислительная техника» в Кировоканском филиале Ереванского политехнического института имени К. Маркса. Из 78 опрошенных студентов 68 считают, что хозяйственный расчет в состоянии повысить производительность труда более чем вдвое, девять студентов высказываются за необходимость одновременного внедрения второй и третьей моделей и усиления воздействия неэкономических форм стимулирования труда. Студенты считают, что директивным путем следует устанавливать лишь минимальную продолжительность отпуска. Трудовой коллектив, самостоятельно зарабатывая средства на вознаграждение труда, должен иметь право на общем собрании устанавливать для каждого работника дифференцированную продолжительность отпусков, учитывая такие факторы, как эффективность и качество труда. Студенты предлагают наряду с развитием прогрессивных форм хозяйственного расчета предусмотреть меры, которые позволили бы нейтрализовать отрицательные его последствия. На сегодняшний день работник проявляет неоправданный, гипертрофированный интерес к экономическим формам стимулирования, основным недостатком которых является привыкание работника к уровню оплаты труда. Большинство студентов высказывается за необходимость учета в оплате труда исходного уровня образования.

Из опрошенных 72 человека считают необходимым включение в учебный план темы, посвященной ретроспективному анализу прогрессивных форм социалистического хозяйствования.

А. Э. ЗУРАБЯН,
Кировокан

7 ЭиОПП, № 10, 1990 г.

Зарубежный бестселлер

Гибель «Прометея»

Томас Н. СКОРТИА, Фрэнк М. РОБИНСОН

СЕНАТОР ХОЙТ: — Доктор Коэн, как специалист по лучевой болезни, не могли бы вы рассказать нам о долгосрочных последствиях радиоактивного заражения, вызванного аварией на «Прометее»?

ДОКТОР КОЭН: — То, что нам известно, сенатор, основано на исследованиях, проведенных в Хиросиме, но данные, полученные там, весьма сомнительны.

СЕНАТОР СТОУН: — Значит, пока вы ничего не можете сказать о последствиях катастрофы в Карденас-Бей?

ДОКТОР КОЭН: — Совершенно верно, сэр. Во-первых, не существует такого понятия, как безопасная или «пороговая» доза радиоактивного заражения. Радиоактивное заражение по своей природе кумулятивно: полученная доза облучения прибавляется к предыдущей. Вдобавок нельзя упускать из виду — многие радиоактивные осадки имеют очень длинный период полураспада.

СЕНАТОР СТОУН: — Во время наших слушаний речь то и дело заходит о плутонии, доктор. Он что, действительно настолько опасен?

ДОКТОР КОЭН: — Все зависит от того, как на это смотреть. Плутоний испускает альфа-частицы, и от них можно защититься листом бумаги.

СЕНАТОР СТОУН: — Вряд ли это так уж опасно.

ДОКТОР КОЭН: — Но это не все, сенатор. Попавшая в легкие частица плутония размером с пылинку неминумо вызовет рак. Крошечное количество соли плутония в системе кровообращения приведет к разрушению костного мозга. В конце концов наступает смерть от злокачественной анемии.

СЕНАТОР СТОУН: — Я правильно понимаю, что размеры катастрофы в Карденас-Бей были вызваны большим количеством радиоактивных веществ, хранившихся там?

ДОКТОР КОЭН: — Я был потрясен колоссальным объемом радиоактивности. Завод по переработке радиоактивных отходов в Карденас-Бей обслуживал не только «Прометей», но и реакторы со всего света. Общий объем радиоактивности, по некоторым сведениям, превышал пятьдесят миллиардов кюри.

---

* **Продолжение.** Начало см. в № 8—9.90.

СЕНАТОР СТОУН: — Не могли бы вы, доктор, дать нам какой-нибудь более наглядный пример?

ДОКТОР КОЭН: — Для сравнения можно сказать, что одна биллионная доля кюри в кубическом метре радона — газа, содержащегося в урановых рудниках, в десять раз превышает предельно допустимую концентрацию для работающих там шахтеров.

СЕНАТОР СТОУН: — Боже мой! Как же можно было допустить это?

ДОКТОР КОЭН: — На протяжении многих лет фирмы, производящие реакторы, включали в контракты пункт, касающийся переработки радиоактивных отходов.

КОНГРЕССМЕН ПЕЙН: — Вы хотите сказать, доктор, что мы не только торгуем продуктами, но и увозим отбросы?

ДОКТОР КОЭН: — Если это вам нравится, да.

СЕНАТОР КЛАРКСОН: — Мне понятна финансовая сторона проблемы, но я озадачен ее моральным аспектом. Предыдущий состав Конгресса должен был заинтересоваться этой опасностью.

ДОКТОР КОЭН: — Неспециалисту трудно осознать подлинную опасность радиации: ее не видно, она не пахнет, ее нельзя потрогать. Наконец, ее ужасные последствия могут проявиться лишь через десять или пятнадцать лет. Вот почему никто не был готов к катастрофе в Карденас-Бей.

18

Кабинет доктора Сейболдта в городе был типичным кабинетом провинциального врача. А медчасть атомной электростанции походила на солидный госпиталь — кругом хром, нержавеющая сталь и даже операционная.

Кэмрат медленно обошел помещение и остановился перед шкафом с медикаментами. Все в полном порядке, нигде ни пылинки.

— Мисс Грюэн, я знаю, что вам тяжело. Но я должен задать несколько вопросов.

— Если это поможет вашему расследованию, я отвечу на все.

— У доктора были враги на станции?

— Мне хотелось бы ответить «конечно, нет»,— нерешительно ответила Карен.— Но иногда пациенты бывали недовольны. Они считали, что доктор уделяет им недостаточно внимания. Многие обращались к нему по любому поводу — даже если заболевание не имело отношения к работе.

— Какие профессиональные заболевания типичны для вашей электростанции? Чем она отличается от других?

— Радиоактивным заражением,— тут же ответила Карен.

— И часто у вас происходит такое?

— На «Прометее»? Конечно, нет! Ни единого случая! Разумеется, время от времени рабочие набирают установленную дозу облучения и их приходится переводить на другую работу.

— Значит, вы следите за каждым из них. Каким образом?

Карен указала на пластмассовый диск, приколотый к пиджаку Кэмрата.— На проходной вам выдали такой диск. После вашего ухода его проявят, чтобы установить, не подхватили ли вы дозу радиации. Затем эти данные заносятся в специальный журнал.

— На это уходит, должно быть, много времени. Приходится обрабатывать по тысяче в неделю. Как вы делаете это?

— Майк, подойди сюда! — позвала Карен.

Из соседней комнаты высунулась голова долговязого юноши.

— Майк, принеси лоток с проявленными дисками.

Юноша исчез и появился снова с длинным пластмассовым лотком, разделенным на секции. В каждой находилось по диску.

— Обычно их проявляют раз в неделю,— объяснила Карен,— но когда меняют топливные стержни, некоторые обрабатывают ежедневно.

— Мне не совсем понятно...— начал Кэмрат и осекся. Из коридора донесся оглушительный рев сирены, и лицо Карен побелело. Через мгновение раздался телефонный звонок. Девушка схватила трубку.

— Что случилось? — спросил Майк.

Карен уже бежала к двери.— Серьезная утечка радиоактивных материалов в камере «Чарли-3» завода по переработке. До сих пор на станции не было ни одной серьезной аварии.

До сих пор.

19

Паркс подошел к телефону на стене и снял трубку. Через несколько секунд он подбежал к электрокару.

— Утечка радиоактивных веществ в камере «Чарли-3»,— бросил он, вскакивая в электрокар.

Кушинг, Брандт и Уолтон уже сидели, и Паркс тронулся с места. Навстречу им бежали техники в белых защитных комбинезонах. Паркс притормозил и спросил одного: «Что случилось?» Тот, не останавливаясь, испуганно взглянул на него.

Паркс затормозил прямо у дверей камеры. У стены стоял бледный, как простыня, Пол Марикал.

— Пол, что здесь случилось?

— Мы занимались титрованием. Взяли образец пипеткой дистанционного управления и тут что-то случилось с гелиевым клапаном. Вэн вошел в камеру, как-то неловко повернулся и опрокинул на себя всю пробирку,— еле слышно пробормотал Марикал.

Паркс заглянул в окошко. Посреди камеры Бакетес механически вытирал перчаткой бок защитного комбинезона. Паркс нажал на кнопку переговорного устройства.

— Вэн, как у тебя дела? Раствор проник внутрь защитного комбинезона?

Белая фигура отрицательно покачала головой. «Слава Богу,— с облегчением подумал Паркс.— Если не нарушена герметичность комбинезона, дезактивация будет относительно несложной».

— Тогда давай по правилам,— предложил Паркс Бакетесу.— Входишь в первый шлюз и пять минут принимаешь детергентный душ. Затем, во втором раздеваешься у двери и выбрасываешь зараженный комбинезон за дверь. Снова под душ — голым. И не жалей мыла. Понятно?

Вэн Бакетес повернулся и пошел к двери, волоча за собой воздушные шланги.

— Марикал,— распорядился Паркс,— убери аппарат для взятия проб с его дороги.

Марикал обеими руками схватился за ручки дистанционного управления. В это мгновение один из воздушных шлангов зацепился за ножку стола. Вэн остановился и потянул его, но потерял равновесие



и сделал шаг в сторону. И тут же титровальное устройство со стеклянной пипеткой повернулось навстречу Бакетесу. Пипетка впилась в его руку, а гелиевый клапан, повинуясь давлению, открылся и впрыснул содержимое пробирки в рану.

Вэн Бакетес замер на месте, с ужасом глядя на кровь, стекающую по рукаву. Теперь его спасти могла только немедленная ампутация руки.

20

— Выпей, тебе будет лучше,— Паркс сунул в руку Карен стакан бренди.

— Как ты думаешь, Грег, у него есть шанс выжить? — спросил Брандт.

— Трудно сказать,— Паркс опустился в кресло.— Если плутоний успел попасть в систему кровообращения, он умрет. И очень скоро.

— Я никогда не видел ничего более жестокого! — взорвался Уолтон.— Ампутация руки электрической пилой — и даже без анестезии! Неужели у вас не было морфия? Ведь вы могли убить его! Это действительно было так необходимо?

Наступила тишина.

— Если бы в рану попал металлический плутоний, он плохо растворяется в теле человека. Но в рану попали растворимые соли плутония. Мы не могли рисковать. Что касается морфия, у нас просто не было времени для анестезии.

Лернер встал.— Я позвоню ему домой.

— Одну минуту,— неожиданно произнес Уолтон изменившимся голосом.— Мне кажется, перед тем как сообщать родственникам, нам нужно посоветоваться.

— Посоветоваться? О чем, Уолтон? — холодно спросил Лернер.

— Перед нами сложная социально-производственная проблема,— нервно произнес Уолтон.— Люди боятся атомных электростанций. Они не смогут отличить обычную производственную травму, в которой лишь случайно оказались замешаны радиоактивные вещества, от несчастного случая, связанного с самой природой атомной энергетики.

— Не вижу никакой разницы,— заметил Лернер.— Вы что, хотите, чтобы мы скрыли этот несчастный случай?

— Остались сутки до включения «Прометея» в энергосистему страны,— пробормотал Уолтон.— Мы никогда не сможем смыть такое пятно с репутации компании.

Уолтон оглянулся по сторонам, недоумевая, как это остальные не могут его понять.

— И вы хотите скрыть происшедшее только ради того, чтобы спасти репутацию компании? — спросил Паркс.

— Не знаю, как вы решите,— внезапно раздался голос Карен,— но я дала себе слово. Вы, мерзавцы, можете договариваться между собой — это ваше дело Но я немедленно отправлю в госпиталь полный и подробный отчет о происшедшем. Я обязана сделать это — ради Вэна.

— А вы как считаете, мистер Кушинг? — поинтересовался Паркс.

— Я не слишком хорошо знаком с правилами медицинской этики,— покачал головой Кушинг.— Мне кажется, нам не следует вмешиваться в действия мисс Грюэн.— Он вежливо поклонился в ее сторону.

Уолтон замер, приоткрыв рот от изумления; он был потрясен. Теперь, когда выяснилось, что это не удастся, Кушинг просто умыл руки.

21

СЕНАТОР СТОУН: — Сколько лет вы работали в компании «Уэстерн Гэс энд Электрик», мистер Глидден?

ГЛИДДЕН: — Тридцать пять лет и четыре месяца, сэр.

СЕНАТОР СТОУН: — Значит, у вас сложилось определенное мнение о профессиональных способностях Грегори Паркса.

ГЛИДДЕН: — Он был лучшим специалистом, с которым мне пришлось работать. Единственное, в чем его можно упрекнуть,— он слишком много внимания уделял безопасности.

СЕНАТОР КЛАРКСОН: — Принимая во внимание катастрофу в Карденас-Бей, это заявление кажется мне несколько противоречивым. Не могли бы вы посвятить нас в проблемы безопасности атомных электростанций?

ГЛИДДЕН: — Проблемы безопасности можно разделить на две группы: зависящие от человеческих факторов или от оборудования. Аварии обычно происходят серийно. Часто это вызывается «эффектом домино». Рабочий допустил ошибку и не стал ее исправлять, надеясь на сменщика, который тоже переложил ответственность на другого...

СЕНАТОР КЛАРКСОН: — А технические проблемы?

ГЛИДДЕН: — Атомные электростанции полностью автоматизированы, но человеческие ошибки могут привести к аварии.

СЕНАТОР ХОЙТ: — А как относительно неисправностей на «Прометее»? Мистер Паркс заявил, что их было гораздо больше, чем следовало ожидать.

ГЛИДДЕН: — Это верно.

СЕНАТОР СТОУН: — Позвольте задать вам гипотетический вопрос, мистер Глидден. Если бы вы были директором «Прометея», вы дали бы согласие на его пуск?

ГЛИДДЕН: — Видите ли, сенатор, когда ты несешь всю ответственность, ситуация представляется несколько иной.

СЕНАТОР СТОУН: — Я всего лишь прошу вас встать на место мистера Паркса. Если бы вы были знакомы со всеми деталями, взялись бы вы за пуск станции в Карденас-Бей?

ГЛИДДЕН: — Это нелегкий вопрос, сенатор. Я не знаю, как лучше объяснить...

КОНГРЕССМЕН ХОЛМБУРГ: — Боже мой, мистер Глидден, неужели вам всегда так трудно принять решение?

22

. . . .

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

23

Телефон Кэмрата зазвонил в половине десятого, когда он пил вторую чашку кофе.

— Я узнала то, о чем вы просили меня, Хэнк,— сказала Эбби.

— Значит, вам известно, у кого брали кровь на анализ?

— Да, конечно.

— У мистера Бернарда Лернера и мисс Карен Грюэн кровь оказалась совершенно нормальной.

Кэмрат нахмурился.— А зачем им понадобился анализ крови?

— Боже мой, Хэнк, когда молодая пара сдает кровь на анализ, разве непонятно, с какой целью это делается?

— Извините, Эбби, не сообразил. А третий образец?

— А вот анализ крови третьего человека показал, что с ним дело плохо,— вздохнула Эбби.

Кэмрат сильно, до боли в руке, стиснул карандаш.— Кто этот человек, Эбби?

На мгновение ее голос стих, потом донесся откуда-то издалека.— Одну минуту, Хэнк.— Кэмрат понял, что она поправляет очки.— Пол Марикал. По-моему, он работает на станции и часто бывал здесь.

— Как часто?

— Один-два раза в неделю. Доктор не мог понять, что с ним: грипп, простуда, инфекционные заболевания. Видимо, доктор решил сдать его кровь на анализ, чтобы узнать причину.

— Когда это было, Эбби?

— Сейчас посмотрю...— Наступила короткая тишина.— Накануне того дня, когда доктора... нашли...

Пол Марикал. Часто болеет. Все указывает на радиоактивное заражение. И он работает на атомной электростанции. Это могло означать, что Марикалу очень не повезло. Или еще что-то более серьезное. Кэмрат набрал коммутатор электростанции и попросил соединить его с медчастью. Карен Грюэн подняла трубку.

— Вчера вы показывали мне диски, регистрирующие полученную радиацию. Мне нужна эта информация.

— У нас хранятся сведения на каждого работника.

— Вы не могли бы проверить, какова степень радиации у Пола Марикала? Посмотрите, там ничего не говорится о высокой, очень высокой дозе радиации, полученной им?

— Одну минуту.— Пауза.— Нет, ничего. После вчерашнего несчастного случая он должен был получить значительную дозу — мы проявили пленки всех, кто находился поблизости. Но он почему-то оставил свой диск снаружи. Принимая во внимание, что он работает на станции уже давно, набранная им доза облучения поразительно мала. А почему вы спрашиваете?

Кэмрат заколебался.— Обычная проверка. Мне понадобится информация и о других работниках станции.— Неожиданно он вспомнил.— Марикал обращался к доктору, когда тот дежурил на станции?

— Постоянно,— засмеялась Карен.— Марикал провел на больничном больше времени, чем на работе.

Кэмрат положил трубку. Анализ крови показывал симптомы острой лучевой болезни. Но пленка в контрольных дисках Марикала неизменно была чиста. Это значит, что он внимательно следил, чтобы никто не знал об его облучении и снимал диск, когда это ему требовалось.

Почему?

24

Паркс поднялся к себе в кабинет и сказал секретарше, чтобы его не беспокоили.

Отчеты, представленные Лернером, Эйбрэмсом и Глидденом, лежали у него на столе, и он бегло просмотрел их. Отчет Глиддена изобиловал двусмысленностями, создающими впечатление, что Глидден за пуск станции, но при этом выражает серьезные опасения. Эйбрэмс честно перечислял недостатки, но в то же время указывал на то, что за последний месяц не было ни единого случая отказа оборудования.

Зато в докладе Лернера прямо и откровенно говорилось, что электростанция пока не готова к пуску и такая попытка может привести к аварии. Предлагалось отложить пуск. Паркс откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

«Лернер совершенно прав,— подумал он.— Станция не готова к работе».

В это мгновение открылась дверь, и в кабинет вошел Эйбрэмс. Паркс выпрямился и показал на отчеты.

— Вы прочитали их? Какое впечатление?

— Не хочу обижать коллегу, но доклад Глиддена мало чего стоит. А если верить Лернеру,— Эйбрэмс пожал плечами,— у нас одни недостатки.

— Если бы вам поручили, согласились бы вы на пуск станции?

Эйбрэмс закинул руки на затылок и посмотрел в глаза Парксу.

— Вы не имеете права задавать мне такой вопрос. Вам платят за то, что вы принимаете окончательные решения.

«Он прав,— подумал Паркс.— Все зависит только от меня».

— Скажите, Грег, чем вы так обеспокоены? — спросил Эйбрэмс с любопытством.— Ведь мы ничем не рискуем. В случае любой аварии включится аварийная защита реактора или, в крайнем случае, можно приостановить пуск станции. Президент окажется в дурацком положении, но ведь не в первый раз.

Паркс встал. Выйдя в коридор, он сразу почувствовал общее напряжение. Операторы нервничали, рабочие и техники огрызались друг на друга. В центре управления Делано мрачно смотрел на щит с приборами телеметрии. Все панели горели красным светом.

— Что здесь происходит? — забеспокоился Паркс.

— Обратная связь датчиков квадранта в левой четверти реактора номер один не поддается контролю,— буркнул Делано.

— И отключилось смещающее напряжение на пятой сетке,— добавил Мелтон из дальнего угла.

— Вам удастся устранить это? — спросил Паркс, вздохнув.

— А чем мы сейчас занимаемся? — огрызнулся Делано, но тут же поднял голову и посмотрел на Паркса.— Извини, Грег, но все утро мучает перегрузка датчиков.

— И ты не можешь найти причину?

— Делаю все, что в моих силах. Вот только времени мало...

Паркс взглянул на часы. В семь часов десять минут по местному времени президент объявит, что атомная электростанция в Карденас-Бей официально стала частью энергосистемы.

Он включил переговорное устройство и спросил, как дела в турбинном зале. У них все было в порядке. Оставалось всего лишь включить рубильник.

25

Войдя в комнату Марикала, Кэмрат увидел, что она обставлена со спартанской простотой. На постели не было покрывала, но она была аккуратно убрана. На полке умывальника зубная щетка и паста стояли в стакане, рядом лежала щетка для волос.

Кэмрат подошел к шкафу и открыл его. На плечиках висели несколько поношенных, но чистых комбинезонов и три дешевых, тщательно отглаженных костюма.

К верхнему краю зеркала, висевшего над сервантом, была прикреплена пожелтевшая от времени фотография: стройная брюнетка в очках, обнимавшая за плечи мальчика и девочку, стоящих рядом. Что-то привлекло внимание Кэмрата к лицу женщины. Приятное молодое лицо — женственное, но одновременно твердое и решительное.

— Он получает письма, Элтон? — спросил Кэмрат.

Хозяин гостиницы задумался.— Иногда, откуда-то с севера. Детский почерк на конверте.

— К нему кто-нибудь приходит? Хотя бы изредка?

Элтон заколебался.— Нет, никто. У него нет друзей. По крайней мере, его никто не навещает.

Кэмрат внимательно посмотрел на хозяина гостиницы.

— А Ванда? — спросил он.

Элтон побледнел.— Вы ничего не сможете доказать, шериф. Я очистил гостиницу от проституток.

— Я не собираюсь арестовывать Ванду, Элтон. Мне просто хочется поговорить с ней — и как можно быстрее...

Кэмрат жестом пригласил Ванду сесть.

— Вы встречаетесь с Марикалом?

— Мы — друзья,— уклончиво ответила женщина.

— Не будем тратить времени понапрасну. Вы часто встречаетесь с ним?

— Да.

Он подошел к серванту и показал на фотографию.— Это кто?

— Его жена и дети.

— Они развелись?

Ванда покачала головой.— Он не говорил о ней. Насколько я понимаю, она умерла. С ней произошел несчастный случай. Дети живут где-то на северо-востоке, у родственников. Пол высылает им все, что зарабатывает.

Теперь бедность, царящая в комнате, начинала приобретать смысл.

— Он и сам часто болел, верно?

Женщина махнула рукой в сторону ванной.— Посмотрите в шкафчике. У него там больше лекарств, чем в местной аптеке.

— Ванда, а где он хранит свои ценности? Ну, часы, документы, чековую книжку? В серванте пусто.

— У него такой небольшой стальной ящик. Под кроватью.

Он наклонился и достал из-под кровати металлический ящик. Внутри лежало около ста долларов наличными, старые карманные часы, два обручальных кольца.

На дне ящика Кэмрат увидел толстый черный журнал с надписью крупными буквами «РЕГИСТРАЦИЯ ПАЦИЕНТОВ». В нижнем правом углу было вытеснено потускневшими золотыми буквами: «Джеймс К. Сейболдт, доктор медицины».

Он быстро перелистал журнал. Вот он, день убийства. Неразборчивым почерком Эбби было написано: «Мисс Грюэн, мистер Лернер. 16.00», а пониже, карандашом, рукой самого доктора время приема его последнего пациента — 18.30. Пол Марикал. Доктор Сейболдт сделал эту запись, по-видимому, за несколько мгновений до того, как понял, что Марикал пришел не за медицинской помощью.

26

. . . .

27

Была половина шестого, когда Кэмрат вернулся в полицейский участок. Бронсон уже ушел домой, а Гилмор был сегодня свободен. Кэмрат снял пиджак, повесил его на спинку кресла и набрал междугородную.

Итак, все стало ясно. Пол Марикал — очень больной человек, и не только физически. Его сжигает ярость, он ненавидит весь мир и уже совершил одно убийство. Человек, которому осталось так мало жить.

Он догадывался, чем занимается Марикал. Вот только непонятно, как это ему удалось действовать настолько успешно.

И тут Кэмрата осенило: «Прометей» будет пущен в эксплуатацию через час. Нет сомнения в том, что именно сегодня Марикал постарается завершить дело. Все будут по уши заняты работой.

Шериф снял трубку и позвонил на станцию. Все линии были заняты. По-видимому, репортеры. Дежурная ответила, что не может соединить его с мистером Парксом. Он сейчас заканчивает проверку перед пуском. Нет, ни при каких обстоятельствах...

Охранник, стоящий у ворот станции, узнал его и пропустил. Кэмрат подъехал к административному входу и быстро вошел в здание. У входа стоял еще один охранник, и Кэмрат подошел к нему, держа ружье подмышкой.

— Добрый вечер, шериф! — приветствовал его охранник.— Что это вы к нам с такой артиллерией?

— Мне нужно срочно поговорить с Парксом.

— Это невозможно, шериф. Уже начался пусковой отсчет времени.

— Тогда с Томом Глидденом.

— Сейчас попробую, шериф,— с сомнением произнес охранник. Через несколько секунд он положил трубку.

— Его нет в центре управления и никто не знает, где он.

За дверью кипела лихорадочная деятельность: взад и вперед сновали рабочие, то и дело проносились небольшие электрокары.

И вдруг у Кэмрата перехватило дыхание. Одна из фигур, сидящих на электрокаре, показалась ему знакомой. Ну конечно, это Пол Марикал! Поговорить с Парксом можно будет только после пуска станции. За это время Марикал может скрыться. Внезапно в памяти Кэмрата возникло изуродованное лицо доктора, наполовину погребенного в песке, и он принял решение.

— Марикал!

Электрокар подъехал к двери в конце коридора, толкнул ее бампером. Дверь распахнулась, и Марикал скрылся за ней.

Голос Уолтона, казалось, доносился отовсюду. Он направлял операторов, давал указания осветителям и одновременно комментировал происходящее группе репортеров. Сзади слышался монотонный голос телевизионного комментатора, бубнящего в микрофон:

«НАСТУПИЛ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПРЕДПУСКОВОГО ОТСЧЕТА ВРЕМЕНИ. „ПРОМЕТЕЙ"— САМАЯ СОВРЕМЕННАЯ, ПОЛНОСТЬЮ АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ АТОМНАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ...»

Паркс нажал на кнопку, и на экране появился центр управления реакторами. Делано вытирал лоб огромным платком.

— Сообщите ситуацию,— скомандовал он.

— Калибровка закончена.

— Температура в активной зоне постоянная.

— Система аварийной защиты проверена и наготове.

— Осталось совсем немного,— подумал Паркс. Перед его мысленным взором маячил доклад Лернера в красном переплете.

— Непрерывный контроль за нейтронным потоком в активной зоне всех реакторов.

— Динамические тесты завершены.

— Система охлаждения функционирует нормально.

— Проверка стержней завершена.

Наступило короткое нерешительное молчание.

— В чем дело? — спросил Паркс.

Делано поднял голову и посмотрел в камеру. Его лицо застыло в напряжении.— Отказ датчиков на «Прометее-1».— Он обернулся и посмотрел на щит телеметрии.— Нет, все в порядке, иначе сработал бы компьютер.

Поколебавшись, Паркс решился.— Делано, приостанови пусковой отсчет времени.

— Мы уже использовали почти весь резерв времени, Грег. В нашем распоряжении всего восемь минут.

— Через пять минут я сообщу тебе, возобновить отсчет или прекратить пуск совсем,— ответил Паркс. Он повернулся к Эйбрэмсу.— Смените меня. Я временно приостанавливаю пуск.

Он молча встал и вышел с балкона. За ним последовали Кушинг и Брандт. Войдя в кабинет Паркса, Брандт хлопнул дверью и резко спросил:

— Что случилось, Паркс?

В первый раз за последние недели Паркс почувствовал себя спокойно.— Вы слышали, что сообщил Делано. Мы договорились, что при первом же отказе я прекращаю пуск. Именно это я и собираюсь сейчас сделать.

— Это невозможно, Паркс. Через несколько минут президент объявит всей стране, что «Прометей» включен в энергосистему и что его партия стоит на пороге решения энергетической проблемы. А ты хочешь отменить пуск только из-за того, что датчики почему-то мигнули.

Брандт налил полстакана бренди и выпил его залпом.— Ты не слушал вечерние новости, Паркс? Энергосистема страны уже испытывает трудности. Пришлось отключить часть районов Нью-Йорка, под угрозой Филадельфия, Сан-Луи и другие крупные города. Им нужен «Прометей».

— Мы не можем пойти на такой риск,— ответил Паркс.— Даже президент не может взять на себя такую ответственность.

Брандт заколебался, повернулся к Кушингу.

— Элиот,— неуверенно произнес он.— Это серьезная проблема.

— Это ваша проблема, не моя.— Кушинг покачал головой.— Президент собирается объявить сегодня вечером о пуске «Прометея». Предстоят выборы осенью, и ты знаешь, какими трудными они будут.

— Мне знакома политическая сторона вопроса.

— Тогда не забудь про экономическую. Если ты поставишь их в неловкое положение, они могут прекратить финансирование.— Он поколебался.— Если хочешь, я могу соединить тебя с председателем комиссии.

Кушинг набрал номер. Через несколько секунд, прижав трубку к уху, он спросил: «А где он?» — Короткая пауза.— Они все в Белом доме, готовятся слушать выступление президента.

— Тогда позвони в Белый дом,— нерешительно произнес Брандт.

Кушинг снова набрал номер. После короткого разговора он повесил трубку.

— Никто не знает, где они.

— Остался один президент,— неожиданно сказал Брандт.— Он поставил на карту свой престиж. Это из-за его телевизионного выступления нам приходится спешить с пуском станции.

— Хорошо, я позвоню Бэйтмену, секретарю президента. После этого объясняйтесь сами.

— Бэйтмен слушает.

— Мистер Бэйтмен, это Брандт из «Уэстерн Гэс энд Электрик». Я настаиваю на разговоре с президентом. Это очень важно.

— Хорошо, я соединю вас.— Но вряд ли это ему понравится.

Кушинг повернулся к Брандту и кивнул в сторону телефона.

— Мистер Мейснер,— произнес Брандт дрожащим голосом.— У нас возникли трудности и, по нашему мнению, было бы разумно отложить пуск «Прометея».

Наступила пауза.— Элиот, ты знаешь, что я не ученый. Мне непонятны технические тонкости. Каково твое мнение? Ведь ты находишься на месте.

Кушинг на мгновение заколебался, затем ответил: «Если бы безопасность станции была под вопросом, я сам бы остановил пуск. Но окончательное решение принимает генеральный директор».

— Кушинг снова умыл руки,— с горечью подумал Паркс.— Значит, ответственность ложится на меня.

— Элиот,— донесся из динамика полный облегчения голос Мейснера.— Текст речи президента уже передан прессе.

— Мистер Мейснер,— взорвался Брандт,— мне плевать на прессу. Прошу сообщить президенту, что мы настоятельно просим отложить пуск «Прометея».

— Я перезвоню вам,— донесся ледяной голос Мейснера, и динамик умолк.

Через минуту раздался щелчок и послышался голос Мейснера.

— Элиот, тебе приходилось видеть хозяина в тот момент, когда ему говорят, что его планы нарушены? Короче говоря, откладывать пуск «Прометея» нельзя. У нас в Вашингтоне заметно падение напряжения, угрожающее положение в Чикаго, Филадельфии...

— Мы можем отменить пуск сами, без разрешения сверху,— резко прервал его Брандт.

Наступило молчание, и снова раздался голос Мейснера.— Вы принимаете на себя большую ответственность, мистер Брандт. Не могу давать советов, как управлять вашей компанией, но на вашем месте я бы не искал себе врагов — особенно в лице президента.

Раздался щелчок и динамик умолк.

Брандт повернулся к Парксу.

— Послушай, Грег, чем вызвано твое решение? Парой неисправных датчиков?

— Я принимаю на себя всю ответственность,— спокойно произнес Паркс.

— Продолжайте отсчет времени, мистер Паркс. Это приказ.

— Я не могу выполнить такой приказ,— спокойно ответил Паркс.— Сейчас я пойду в центр управления и дам указание Делано немедленно остановить все реакторы.

Стакан в руке Брандта дрожал так, что несколько капель бренди выплеснулось на ковер. Внезапно Брандт повернулся и подошел к телефону. Он поставил стакан на стол и набрал три цифры. «Местный номер»,— подумал Паркс.

— Мистер Эйбрэмс? Это Хилари Брандт. Вы можете возобновить отсчет?... Хорошо, приступайте к пуску. Вы назначены директором станции... Мистер Паркс освобожден.

Брандт положил трубку и повернулся к потрясенному Парксу. — Вы можете отменить пуск, только если являетесь директором станции. С этого момента вы уволены, мистер Паркс.

Брандт взял стакан, допил остатки бренди и вышел из кабинета, не закрыв за собой дверь.

Паркс даже не подозревал, что ему будет так больно. Странно, что он не догадался сразу. У Брандта оставался последний козырь — уволить Паркса и поручить пуск станции более покорному.

— Ну вот и все,— подумал Паркс. Он повернулся и пошел к выходу, расталкивая собравшихся.

— ...мы достигли девяноста восьми процентов мощности...

— Все! Мы включились в сеть! — раздался тут же торжествующий выкрик Эйбрэмса.

— Итак, я оказался паникером,— подумал Паркс. Он стремился к четкости часового механизма, а это оказалось излишним. Теперь он никогда не узнает, кто был прав — он, стремящийся к максимальной безопасности, или Кушинг. А может быть, он просто боялся принять на себя такую ответственность?

Он уже подошел к лестнице, когда гомон на балконе прорезал голос Эйбрэмса. Он был слишком громким и в нем звучала нотка страха.

— В активной зоне «Прометея-1» — горячая точка!

Паркс повернулся и побежал к дверям балкона, расталкивая внезапно стихшую толпу.

Случилось что-то непоправимо ужасное.

29

Эйбрэмс приподнялся в кресле и оцепенело смотрел на щит телеметрии. Неожиданно громко в тишине, царившей на балконе, прозвучал механический голос компьютера.

— ...температура в секторе десять восемьсот сорок градусов по Фаренгейту и продолжает повышаться...

На контрольном щите перед Эйбрэмсом зажглись температурные кривые. Датчики, расположенные в активной зоне, указывали на резкий подъем температуры в десятом секторе.

— ...восемьсот восемьдесят градусов...

Паркс неподвижно застыл у входа на балкон; он всегда помнил о возможности крупной аварии, но теперь, когда она действительно случилась, он не поверил.

Эйбрэмс был на грани паники.

— Нужно включать аварийную защиту реактора,— бормотал он.

— Не теряй времени, действуй! — подсказывал мысленно Паркс.

Брандт стоял уже рядом с Эйбрэмсом.

— Включай систему охлаждения! Быстрее, черт побери!

Кушинг нервно облизнул губы.— Вряд ли стоит...

Брандт резко повернулся к нему.

— Вряд ли стоит — что? Может быть, снова позвоним президенту?

— ...восемьсот девяносто, продолжает расти...

Из динамика, соединенного с центром управления реакторами, доносились невнятные проклятья. Это Делано пытался исправить положение.

Телевизионный монитор внезапно ожил. На экране появилось знакомое изображение Овального кабинета.

«Дамы и господа, президент Соединенных Штатов Америки...»

Лысеющая голова, отеческая улыбка пожилого человека на трибуне. Он перелистал бумаги, лежащие перед ним, и посмотрел прямо в камеру. Его лицо было спокойным и внушало безграничное доверие.

«Дорогие соотечественники! В этот исторический день...»

— Я не могу справиться с ситуацией,— произнес Эйбрэмс истерично и уставился на экран, опустив руки.— Сейчас включится автоматическая программа защиты,— пробормотал он, еле двигая губами.

Слишком рано, слишком рано... Паркс подбежал к пункту управления станцией, оттолкнул Эйбрэмса и упал в кресло. Уже с первого взгляда все стало ясно — контрольная панель аварийной защиты «Прометея-1» горела красным цветом. В глубине реактора контрольные стержни уже двигались между топливными элементами в активной зоне, глуша реактор.

— ...одна тысяча, продолжает расти...

Внезапно Паркс вспомнил, что экран показывает то, что должно произойти, а не то, что происходит в действительности. Он взглянул на схему активной зоны, отыскивая координаты раскаленного участка, представляющего собой горячую точку, и нажал на кнопку селекторной связи.

— Делано, это Паркс. Переходи на ручное управление. Снижай мощность генератора до трех четвертей. Изолируй «Прометей-1».

Он подождал подтверждения приказа.

— Включи аварийное охлаждение сборок топливных стрежней восемь и девять.— У него еще оставалась надежда охладить этот сектор активной зоны реактора.

Из динамика донесся голос Делано, и разговор сразу прекратился. Казалось, по балкону пронеслось дуновение ледяного ветра.

— Заклинило сборки восемь и девять. Контрольные стержни на что-то натолкнулись. Судя по всему, деформировались топливные стержни.

— ...тысяча сто, продолжает расти...

Рука Паркса замерла над ярко освещенной красной кнопкой, затем медленно опустилась вниз.

— Ручное включение аварийной защиты на «Прометее-1», Делано.

— Это действительно необходимо? — тихо спросил Брандт.

— Ничего не поделаешь. Три четверти проектной мощности — это лучше, чем никакой.

— ...тысяча сто пятьдесят...

И тут же послышался голос Делано.

— Отказ системы аварийной защиты. Контрольные стержни не вошли в активную зону.— Короткая пауза.— Появилось еще несколько горячих точек.

Горечь охватила Паркса. Они считали, что, поручив управление станцией компьютеру, им удалось устранить даже самую малую вероятность человеческой ошибки... Он неуверенно обвел взглядом контрольные панели, затем повернулся к переговорному устройству.

— Датчики регистрируют происходящую утечку?

— Да, в нескольких местах, но ничего серьезного.

При огромном давлении, образовавшемся сейчас внутри оболочки реактора, долго ждать не придется.

Брандт схватил его за плечо и крепко, до боли, стиснул.

— Что же нам делать, Паркс?

Паркс не ожидал увидеть на лице Брандта такое отчаяние. Он посмотрел на остальных. Кушинг явно нервничал. Уолтон выглядел так, будто его обманули. Эйбрэмс неподвижно замер, закрыв глаза. Крошечная фигурка на экране телевизора ударяла кулаком одной руки в ладонь другой, подчеркивая сказанное.

И все они, за исключением куклы на экране, ждали, что он, Паркс, успокоит их, скажет, что все будет в порядке.

Панель тревоги, протянувшаяся над всем щитом управления, вспыхнула ослепительно красным светом и погасла.

— ПОЖ! У нас ПОЖ! — раздался истерический вопль Делано.

Паркс стиснул зубы. Не глядя на щит управления, он знал, что в остальных трех реакторах включилась система аварийной защиты и что атомная электростанция в Карденас-Бей вышла из энергосистемы.

30

. . . .

31

В двухстах милях к северу от Сан-Франциско, в региональном центре электросетей в Юрика-Фоллз старший диспетчер Роберт Мур смотрел на электронную карту западной части Соединенных Штатов. На ней были видны основные электростанции, станции переключения и линии электропередач. Одна из тонких линий замигала красным светом, означающим перегрузку; тут же автоматически включился компьютер, перетасовал электроэнергию, вырабатываемую полдюжиной станций, и линия снова загорелась спокойным зеленым светом.

Казалось, что все промышленные компании работали в ночную смену. Добавьте к этому пятьдесят миллионов электрических одеял,

столько же телевизоров и микроволновых печек, и у вас получится такая нагрузка — только держись. Если бы не атомная электростанция в Карденас-Бей, пришлось бы уже готовиться к снижению напряжения в сети или поочередно отключать на короткое время некоторые районы. Сейчас, даже после того как электростанция в Грейфильде закрылась на ремонт, энергии хватит с избытком.

Он нажал кнопку на коммутационной панели, и на экране появилась суммарная диаграмма, показывающая все — от количества электроэнергии, вырабатываемой различными станциями, и ее стоимости до метеорологических условий и уровня воды в водохранилищах гидроэлектростанций.

Он закурил и в это мгновение у него в наушниках раздался взволнованный голос: «АЭС в Карденас-Бей отключилась!»

На дисплеях возникли сигналы тревоги.

— То есть как это отключилась? — рявкнул Мур в микрофон.— Она только что пущена!

Неожиданно резко увеличилась частота сердечных сокращений. Он сжал пальцами ноздри и резко подул носом; сердце забилось нормально. «Так можно напугать до смерти»,— подумал он, вытирая слезы, бегущие из глаз.

— Джордж, что там случилось с Карденас-Бей? Позвони-ка этим артистам, узнай, в чем дело.

Самая крупная ЛЭП региона проходила через Карденас-Бей, и теперь эта линия тоже вышла из строя.

Он сорвал наушники и поднял трубку телефона, соединяющего пульт старшего диспетчера с центром управления.

— Джо, отсекай энергосистему в пунктах три-два-девять и восемь-семь-ноль. Под мою ответственность.

На экране возникла и поплыла маленькая стрелка. Она коснулась плана электросетей в двух местах. Часть энергосистемы потухла и исчезла.

Неожиданно в дальнем конце огромного зала, над одним из гигантских переключателей появилось ослепительное голубое сияние. В воздухе резко запахло озоном. Освещение погасло.

Мур откинулся на спинку кресла, чувствуя, как напряжение оставляет его. Он расстегнул воротник, снял наушники и положил их на стол. Энергосистема вышла из-под его контроля, и теперь ею будут заниматься другие.

32

На балконе наступила полная тишина, лишь из динамика доносился испуганный голос Делано.

— Разрыв рециркуляционного трубопровода, подающего воду в энергоблок «Прометей-1»,— доложил он.— Подробности неизвестны — технологический туннель заполнен водой из реактора. Минут через пятнадцать в реакторе останется десять процентов охлаждающей жидкости.

— Когда вода уйдет из реактора, ядерная реакция прекратится,— подумал Паркс. Но тепло радиоактивного распада в топливных стержнях будет повышать температуру активной зоны на двадцать градусов в секунду.

— Причина разрыва трубопровода, спроси о причине, черт побери! — Брандт стоял рядом, тяжело дыша.



— Почему это произошло, Делано?

— Точно не знаем. Петерсон считает, что не выдержал сварочный шов в месте соединения с сосудом реактора.

Пароводяная смесь, покидающая реактор, несколько понизила температуру в активной зоне, но тут же она начала расти снова. Система аварийного охлаждения реактора должна была включиться почти минуту назад, если только мощный выброс пароводяной смеси не вывел из строя датчики уровня воды.

— ...тысяча триста восемьдесят градусов...

— Грег,— в голосе Делано чувствовалось облегчение — телеметрия показывает, что включились насосы аварийного охлаждения. Вода начала поступать в активную зону.

Снизу донеслись раскаты взрыва. «Тепловой удар при поступлении холодной воды в раскаленную активную зону»,— подумал Паркс.

— Взрыв сорвал оросительные кольца! — раздался крик Делано.— Вода в реактор больше не поступает!

— ...тысяча четыреста двадцать...

Циркониевый сплав начинает плавиться при трех тысячах пятистах градусов, окись урана — при пяти тысячах. Осталось не больше пяти минут до того, как активная зона начнет плавиться и стекать на дно реакторного сосуда. Боже мой, но ведь остались еще реакторы — два, три и четыре...

Паркс нажал на кнопку селекторной связи.

— Делано, компьютер включил аварийную защиту остальных реакторов?

— Включил — в тот самый момент, когда мы отключились от энергосистемы.

— Не полагайся на телеметрию — пробуй вручную.

— Это невозможно — паровой взрыв нарушил систему питания сервомоторов. Да и коридор наполнен раскаленным паром.

Паркс уставился на микрофон переговорного устройства.

— Вы можете выбраться оттуда?

Из динамика послышался нарушаемый помехами голос Делано.

— ...зависит... вода... уйдет из коридора... тогда...

Впервые Паркс почувствовал, что опасность угрожает не только станции, но и людям.

— А если попробовать затопить реактор вручную? — прохрипел Брандт ему в ухо.

Паркс покачал головой.— Разве что подняться на сам реактор и поливать его из шланга. Боюсь, мы не найдем добровольцев.

— Сколько времени понадобится на расплав активной зоны?

Паркс быстро подсчитал в уме. Через несколько минут начнут плавиться стержни, затем расплавится топливо. От десяти минут до часа для того, чтобы все это стекло или упало на дно реактора, еще час — пока вся масса вместе с дном реактора расплавится и рухнет на дно защитного сосуда. Шестьдесят минут, может быть, меньше, чтобы расплавить защитное дно. Дальше идет пять футов бетона. Несколько часов, может быть, дней, чтобы расплавить эту преграду и вырваться из корпуса сдерживания.

— ...тысяча шестьсот пятьдесят...

Внезапно заговорил аппарат внутренней связи: «...растущая вибрация... остальные рециркуляционные трубопроводы... обратный паровой удар... в трубопроводах огромное количество пустот...»

— Если у тебя есть эксперты, разбирающиеся в расплаве активной зоны, Брандт, самое время вызвать их к нам.

Их прервал крик Делано, заглушивший помехи.

— ПОЖ! и еще один! Реакторы два и четыре... паровые взрывы в производственном туннеле.

— Аварийная защита реакторов включилась, правда? — спросил Кушинг.

Паркс пожал плечами.— Сейчас это уже не имеет никакого значения. Реакция прекращается, как только вытекает вода. Но остаточный жар будет таким же, как и в «Прометее-1».

— ...аварийное охлаждение не действует... снабжение реактора водой отключилось...— снова донесся голос Делано.

— Боже мой, Делано! Немедленно уходи оттуда!

Из громкоговорителя послышался взрыв помех и внутренняя связь прекратилась.

— ...тысяча восемьсот градусов и продолжает расти...

Они посмотрели друг на друга, затем Брандт спросил: «Как ты думаешь, у них есть шанс выбраться?»

— Нет,— произнес Паркс голосом, полным отчаяния.— У них нет никаких шансов на спасение.

34

Постоянное жужжание компьютерных дисков заполняло воздух в пункте центрального управления. Время от времени раздавались щелчки и включались экраны. Почти все изображения были серыми — большинство датчиков внутри раскаленной активной зоны сгорели. На заднем плане раздавался бесстрастный голос компьютера, сообщающего температуру в различных участках активной зоны.

— Доложите положение в реакторе номер два, Карр.

— Рост температуры продолжается. По оценочным данным, половина топливных элементов перфорирована и из них текут газы. Газовые детекторы не действуют, но, судя по всему, в реактор поступает огромное количество водорода,— сообщил Карр высоким нервным голосом.

Реакторы № 3 и № 4 были в таком же положении. Делано сообщил об этом по аппарату внутренней связи. И тут он заметил, наконец, что Паркс почему-то молчит. Он снял телефонную трубку и позвонил на балкон... Делано решил не говорить остальным, что у них больше нет связи с окружающим миром.

Он рисовал бессмысленные каракули в блокноте, потом изобразил дерево и маленькую фигурку девочки под ним. «Подожди, когда твой папа вернется домой,— представил он голос Дженифер.— Но сегодня папа немного задержится»...

Делано обвел глазами присутствующих. «Пожалуй, первым не выдержит Карр,— подумал он. Карр и Мелтон.— Шутникам всегда не хватает внутренней дисциплины».

Сейчас было очень важно не дать им запаниковать, тогда можно будет и попытаться спастись. Мало надежды, но пока живешь...

Делано переключил изображение на свой монитор. На экране он увидел связку топливных элементов, удерживаемых защелками. Секунда. Ничего. И тут же он заметил рядом с защелкой металлическую

каплю. Через несколько секунд капли превратились в струю. Элементы становились тоньше прямо на глазах.

Он почувствовал, что на него кто-то смотрит и, подняв взгляд от блокнота, увидел белое, как полотно, лицо Рейнольдса.

— Макс, мне кажется, что на «Прометее-1» дно реактора не выдержало.

— Не может быть,— подумал потрясенный Делано. Расплав активной зоны на «Прометее-1» должен происходить по этапам — по крайней мере, таковы результаты исследования компьютерных моделей.

Остальные не сводили глаз с Рейнольдса и молчали. Прошло несколько седунд, пока Делано заметил, что динамик компьютера сообщил температуру расплава топливных элементов в других реакторах.

— Есть какие-нибудь другие индикаторы, Рейнольдс?

— Нет, сэр, почти все датчики вышли из строя.

Кто знает, сколько металлической усталости накопилось у реакторного дна за последние шесть месяцев непрерывных операций? Вытащить его и проверить невозможно.

— Ситуация на «Прометее-2», Карр.

Карр резко повернулся в кресле, и Делано увидел контрольную панель, красную от перегрузки приборов.— Хочешь посмотреть сам, Макс?

— Я жду твоего доклада. Мне не нужна демонстрация.

Мелтон откинулся на панель «Прометея-4» и закурил.

— Кого ты обманываешь, Макс? Активные зоны всех реакторов плавятся, и мы бессильны хоть что-нибудь сделать. И уж совершенно бессмысленно заносить данные в журналы. Нам не выбраться отсюда — мы в ловушке.

— Погаси сигарету,— спокойно заметил Делано.— Сейчас же.

На контрольной панели Рейнольдса что-то щелкнуло.— Рухнуло дно реактора,— едва слышно прошептал он.

— Господи, прости нас всех,— подумал потрясенный Делано. Он сделал все, что мог. Через мгновение мощный взрыв потряс помещение. По стенам побежали трещины и в зал начал сочиться влажный горячий пар.

— Пора уходить,— пробормотал Карр. Он вскочил и бросился к выходу. За ним последовали Мелтон и Рейнольдс. Делано попытался удержать Рейнольдса, схватил его за влажную рубашку, но тот ударом отбросил его назад. Через пару секунд все трое бежали по коридору, наполненному горячим паром. Делано остановился в дверях, прислушиваясь к их удаляющимся шагам. Раскаленный пот проникал через его рубашку и брюки. Он открыл рот, чтобы позвать их обратно, но куда? Не исключено, что им даже удастся спастись. Он замер у дверей. Пар обжигал лицо и вдруг, где-то в тумане, послышались ужасные крики.

Из тумана показался Карр. Его красное, как у рака, лицо было сплошь покрыто волдырями. Он упал на пол в паре метров от Делано. В тумане слышались приближающиеся шаги остальных.

Делано сделал шаг назад и захлопнул тяжелые двери.

— Ты закрыл их в коридоре! — крикнул Янг сзади.

— Да, я закрыл их в коридоре.— Делано весь дрожал. Последний взрыв нарушил основную защиту и внутрь, вместе с паром, проникло радиоактивное топливо. Он покачал головой, с трудом сдерживая

слезы.— Карр был весь покрыт радиоактивными осадками, мы только заразили бы себя.

Лампы в зале неожиданно мигнули и погасли. Тут же вспыхнули небольшие фонари, работающие на батарейках. Они бросали огромные тени в центр комнаты. Кондиционеры перестали работать. Было абсолютно тихо и ужасно жарко. Делано чиркнул спичкой и посмотрел на термометр. Около пятидесяти градусов, и температура поднималась. По-видимому, где-то рядом разорвало паровую магистраль — комната быстро превращалась в парную.

Кто-то колотил в закрытую дверь, затем раздались едва слышные сдавленные крики. Делано и Янг посмотрели друг на друга, но ни один из них не сделал шага к двери. Делано впал в какое-то философски отреченное состояние. По-видимому, приближение смерти изгоняет страх, тогда как угроза смерти делает тебя эгоистичным, слабым и способным на отчаянные поступки. Вот почему большинство героев так молоды.

— Карр, Мелтон и Рейнольдс. Боже мой...

Семьдесят пять градусов и температура поднимается. Сейчас его страдания были ощутимыми — он горел, веки глаз начали вспухать и дышать становилось все труднее.

— Душ,— прошептал он, и оба кинулись в угол, где стоял душ, предназначенный для обеззараживания. Без стыда и жалости они боролись за крохотное помещение. Делано победил и судорожно схватился за ручку душа. Хлынула вода, наполнив легкие почти прохладным воздухом. Янг втиснулся рядом и теплая вода потекла по их телам.

И в это мгновение вода превратилась в раскаленный пар.

35

Их вызывали каждую минуту с отдаленных участков комплекса. Паркс отвечал, не сводя глаз с экранов и приборов. После очередного звонка он положил трубку и объяснил: — Это был О'Мэлли с фабрики по переработке. Интересовался тем же, что и остальные — не собираемся ли мы эвакуировать станцию. Я сказал — нет, не собираемся. Он взглянул на Кушинга.— Я правильно ответил ему?

— Только вы можете принять такое решение.— Лицо Кушинга напоминало маску.

— Если бы ты решил эвакуировать станцию, я не винил бы тебя.— Брандт старался не смотреть Парксу в глаза.

— Нам действительно угрожает опасность? — нервно засмеялся Уолтон.

— Ты хочешь сказать, угрожает ли опасность станции и всему ее персоналу,— поправил его Паркс,— а не только «нам». Отвечаю на твой вопрос — нет, еще не угрожает. Но если радиация проникнет в воздух...— Он пожал плечами.— Тогда придется срочно уходить.

— А что мы делаем сейчас?

— Сейчас нам нечего делать,— резко ответил Паркс.— Мы не можем управлять станцией отсюда; аппараты внутренней связи и телефоны, соединяющие нас с центром управления, вышли из строя.

— Но у нас еще есть телекамера службы безопасности,— напомнил Эйбрэмс.

Паркс совсем забыл про эту камеру. Он включил монитор, но на экране появились лишь облака пара.

Они не отрывали глаз от экрана, пока камера медленно сканировала центр управления. В облаке пара появлялись просветы. Комната выглядела пустой, и на мгновение Парксу показалось, что Делано и его людям удалось спастись.

— В углу,— внезапно сказал Брандт.— Душ, которым пользуются для обеззараживания.

Паркс остановил камеру и дал увеличение. На мгновение они смотрели на экран, и Эйбрэмс произнес: «Боже милосердный..» Затем облако пара закрыло объектив камеры. Паркс выключил монитор.

Брандт сгорбился в кресле и сжал руки.

— Взрывы не должны были начаться так быстро.

Остальные тоже погибли, наверное, хотя Паркс и не видел их трупов. Он потряс головой, пытаясь отогнать от себя сцену, увиденную на мониторе. Судя по всему, это был взрыв пара: дно реактора не выдержало, и весь расплав рухнул в воду на дне сосуда.

— Слишком скоро,— снова пробормотал Брандт, почти про себя. Его голос был старым, растерянным и недовольным. Станции — конец, и «Уэстерн Гэс энд Электрик»— компания, которую Брандт спасал в прошлом десятки раз, погибла вместе с ней.

— На дне могло скопиться четыреста тонн расплава и обломков. Огромный вес, высокая температура и усталость металла могли привести к такому результату.

— А что с остальными реакторами?

— С ними произойдет, по-видимому, то же самое. Третий реактор пока не пострадал, но и он разрушится. Кроме того, можно ожидать новых взрывов.

— Кроме того, возникает опасность радиоактивного заражения,— заметил Кушинг.

— Вы так считаете, Кушинг? — Паркс резко повернулся к нему.— Черт побери, о чем я твердил эти три дня? Неужели вы не удосужились прочесть ничего из того, что я все время писал? Произойдет выброс колоссального количества радиоактивных газов. Да еще много тонн урана и плутония, превратившихся в пар — уже завтра станция будет течь, как решето. А если взрыв прорвет вторичный защитный купол...

— Мы знакомы с угрожающей нам опасностью, Паркс.

— Вы ошибаетесь, Кушинг. С тем, что нам урожает, вы незнакомы. Во-первых, ваши исследования, проведенные на компьютерных моделях, на десять лет устарели. Во-вторых, вы имеете дело не с одним реактором — здесь их четыре, и каждый из них самый большой в мире. Перемножьте результаты, полученные при исследовании компьютерных моделей, на четыре, и вы получите отдаленное представление.

— Успокойтесь, Паркс,— прошептал Брандт.

В течение трех дней Паркс поддакивал этому мерзавцу и теперь уже не мог успокоиться.

— Вы уже позвонили в Вашингтон, Кушинг? Что они собираются предпринять, кроме того, что пришлют утром нескольких экспертов?

Паркс чувствовал, что его трясет. Здесь он бессилен. Ни один из них, даже Брандт, не имеет представления о том, что же произошло на самом деле. И еще никто не подумал об утерянных человеческих жизнях. Это была не простая атомная электростанция стоимостью в

пять миллионов долларов, вырабатывающая каждый час двенадцать тысяч мегаватт энергии. Делано, Янг и все остальные — всего лишь первый кусок, брошенный в пасть этому ненасытному чудовищу технического прогресса.

Где-то сзади бормотал компьютерный голос, но Паркс не обращал на него внимания. В наступившей тишине он услышал этот голос как бы впервые.

— ...три тысячи пятьсот градусов и продолжает расти...

— Паркс! — Лицо Брандта снова выглядело умоляющим, только теперь это выражение казалось более естественным.— Что нам делать, Паркс?

— Мы останемся здесь до тех пор, пока не наступит время уходить. Мы бессильны предпринять что-либо, но не можем бросить все и уйти. Теперь ты понимаешь это, Хилари? Мы бессильны предпринять что-нибудь. Бессильны!

Тяжелый раскатистый взрыв огромной силы потряс балкон. Все вокруг задрожало, и по толстому защитному стеклу балкона пробежали зигзаги. Казалось, весь пол огромного зала внезапно перекосился и из-под фундамента третьего реактора вырвалась струя пара. Все четыре реактора теперь вышли из строя. Цементная пыль и пар начали просачиваться в главный реакторный зал.

Паркс с силой нажал на красную кнопку с надписью «ЭВАКУАЦИЯ ПЕРСОНАЛА». По всей станции разнесся пронзительный звук сирены.

В тот момент, когда Паркс соскользнул по аварийному желобу и встал на ноги, мощные взрывы потрясли здание.

Случилось худшее. Атомная станция выбрасывала в ночное небо огромный поток радиоактивных паров и газов, усиливающийся ветер уносил его все дальше. А внизу, во внутренних помещениях реакторного комплекса, тысячи тонн расплавленного урана и стали пробивались через железобетонные плиты и уходили в грунт.

(Продолжение следует)

Перевел с англ. И. ПОЧИТАЛИН

Размышления над книгой

ИЛЛЮЗИИ «ОБЩЕНАРОДНОЙ» СОБСТВЕННОСТИ,

или попытка косметического ремонта здания, у которого разваливается фундамент



Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил,
И раб судьбу благословил...

А. С. ПУШКИН

Вопрос о собственности волнует сегодня многих. Все чаще на страницах печати появляются статьи, в которых и экономисты, и производственники приходят к выводу, что это коренной вопрос экономической реформы, и от его решения зависит судьба перестройки.

Центральным звеном дискуссии оказалась общенародная собственность. Многие ученые считают, что таковой в условиях социализма является государственная собственность.

Так, в новом учебнике «Политическая экономия», изданном в 1989 г. авторским коллективом под руководством В. А. Медведева, в который вошли такие видные ученые, как Л. И. Абалкин, О. И. Ожерельев, А. Г. Аганбегян, делается вывод: «Социалистическое общество организовано в государство. Поэтому общенародная собственность приобретает государственную форму». При условии, правда, что не нарушается общественный характер присвоения, в процессе которого «должны участвовать не абстрактно-обезличенные „все", а каждый член общества, каждый коллектив» (с. 352).

Каким же образом авторы учебника предлагают превратить «трудящихся в реальных хозяев производства и средств производства», т. е. в реальных хозяев государственной собственности?

Главный метод, по их мнению (которое разделяет большинство советских экономистов, выступивших в печати),— это самоуправление, которое «развивается в форме прямой (непосредственной) и представительной демократии» (с. 355) и позволяет устранить отчуждение средств и продуктов производства от непосредственного производителя.

Но возникают вопросы: кто — арендодатель, и с кем заключать договор?

Авторы учебника «Политическая экономия» справедливо указывают, что «нельзя не учитывать, что государство в любом обществе, в том числе и при социализме, неизбежно предполагает создание управленческого аппарата и постоянно занятого в нем круга людей, выступающих от имени общества и имеющих возможность решать его дела, управлять другими людьми». Поэтому арендодателем (как это происходит в реальной жизни) должен быть чиновник, т. е. посредник между верховным органом власти и конкретным производителем — арендатором средств производства. И чем больше размеры государственной собственности, тем больше чиновников-посредников, выступающих от имени общества при заключении арендных договоров.

В силу того, что государственная собственность оказалась у нас основной, а следовательно, преобладающей, предлагаемая система реализации общественной собственности, на наш взгляд, будет неэффективна в силу следующих обстоятельств.

Арендодатель в лице чиновника не может иметь большую экономическую заинтересованность в сохранении и увеличении имущества, чем непосредственный хозяин средств производства в лице частного, акционерного, кооперативного владельца, так как интерес чиновника лежит, в первую очередь, в области заработной платы и личной карьеры, а не расширенного воспроизводства средств производства.

Арендатор в лице коллектива также не заинтересован в расширенном воспроизводстве, так как средства производства ему не принадлежат, и его интерес лежит скорее в области личного потребления, нежели накопления.

Государственная собственность — неделимая, иначе она не была бы государственной, поэтому государство выступает как единый арендодатель по отношению ко многим арендаторам, а следовательно — как монополист; это исключает конкуренцию, но в то же время не исключает административный произвол, ибо арендатор попадает в постоянную зависимость от государства.

В случае банкротства госпредприятия убытки несет государство, а не конкретные хозяйствующие лица на предприятии.

По форме реализации государственной собственности арендный подряд напоминает скорее переход от барщины к оброку, нежели к принципиально новым отношениям собственности.

Возможно, мне возразят: демократия и выборность будут гарантией от перечисленных факторов. Как это и видят авторы «Политической экономии»: «Коллектив или трудовая ассоциация делегирует свои права специально созданным органам или учреждениям» (с. 355).

Но вот опыт социалистических стран, в особенности Югославии, это не подтверждает. Начиная с 1965 г. в Югославии проводились реформы, направленные на демократизацию управления в условиях неделимой общественной собственности. Максимум полномочий был передан первичным коллективам, производствам и цехам — они становились первичными звеньями, основными организациями объединенного труда (ОООТ). Они добровольно объединялись в различные ассоциации с делегированием полномочий на различные уровни интеграции, сохраняя при этом контроль за деятельностью объединений. Важную роль стали играть самоуправленческие соглашения и общественные договоры, регулирующие совместную деятельность. То есть всем управляли трудящиеся. Вскоре обнаружилось, что ОООТ тратят больше, чем зарабатывают, предпочитают текущее потребление накоплению. Сращивание технократии с бюрократической прослойкой местных органов власти привело к монополизации рынка: коррумпированные общественно-политические содружества запрещали «чужим» ОООТ организовывать филиалы и создавали помехи в торговле [1].



Сложность ситуации еще и в том, что наша экономика находится сегодня на стадии простой кооперации, или крупносерийного конвейерного производства, характерного для капитализма прошлого и начала XX века, когда происходила эксплуатация

[1] Об альтернативной оценке рабочего самоуправления и объяснениях неудачи реформы в Югославии см.: ЭКО 7.90.

преимущественно физических способностей рабочего просто как придатка машины.

В современной же экономике развитых стран наблюдается интенсивный переход от простой к сложной кооперации, основу которой составляют мелкосерийное производство и малые «венчурные» фирмы или научно-производственные кооперативы, которые, выполняя 3 % объема научных исследований, осуществляют сегодня более половины НИОКР при затратах в 24 раза меньших, чем на крупных фирмах.

Поэтому экономика нашей и других социалистических стран в большей или меньшей степени стоит еще и перед проблемой крупной структурной перестройки.

Опыт экономической реформы Китая показывает, что государственные предприятия не могут организовать перемещение ресурсов в зависимости от потребностей рынка, и это существенно сдерживает процесс реформы. Условия мелкосерийного производства требуют быстрой структурной перестройки, что приводит к возрастанию роли индивидуальных, коллективных, частных капиталов (инвестиций).

Многие экономисты считают, что продажа акций приведет к получению нетрудовых доходов в виде дивидендов, приводя при этом аргумент, что — согласно марксистской трудовой теории — стоимость создается только живым трудом.

И опять хочется спросить «чистых марксистов» — что лучше? Иметь неэффективную экономику с теневым рынком, который, по отдельным оценкам, достигает 150 млрд руб., и где только в сфере услуг совершается примерно 50 % операций и крайне примитивен кредитно-финансовый механизм? Или иметь биржу с присущими ей достоинствами и недостатками, но с нормальным кредитно-финансовым механизмом, приводящим в итоге к нормальному функционированию экономики?

А. А. БРИТЯКОВ,
Ленинград

Post scriptum

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

В. Л. ЛЕБЕДЕВ,
Нижний Новгород

Дорогой Иван Трофимович! Ты не какой-нибудь пьяница или тунеядец, бюрократ или очковтиратель. О тебе не скажешь, что ты ничего не делаешь или занимаешь не свое место. Ты не держишь камень за пазухой, не ставишь палки в колеса и не наносишь удары исподтишка. Тебя не упрекнешь в лицемерии или ханжестве. Ты не ротозей и не болтун, не расхититель и не хапуга. Страшно подумать, что ты, к примеру, мог бы изменять жене, не приносить домой зарплату, бить детей или запирать тещу в чулане. А если к тому же добавить, что ты не хам, не мошенник, не плут, не склочник и не сутяга, то для всех нас, ты, дорогой юбиляр, самый любимый и уважаемый человек в нашем тресте.

Из газет и сочинений

● *Трудящиеся страны переходят на новые формы работы: арендный подряд, бригадный подряд, двенадцать часов подряд.*

● *ЦСУ СССР сообщает. Все увеличиваются темпы прироста российского могущества Сибирью.*

● *За годы советской власти шесть человек повторили подвиг Ивана Сусанина. Их имена известны всему народу.*

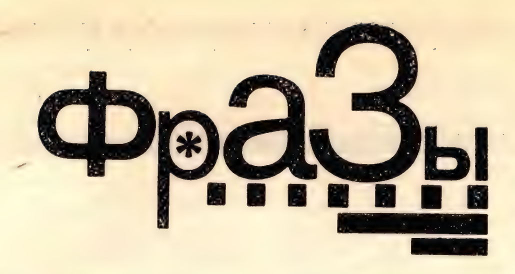
● *Западные контрабандисты провезли груз компьютеров и видеотехники вдоль границ СССР. При этом они корчили рожи и показывали языки.*

● *Сельское хозяйство капиталистических стран потряс жесточайший кризис перепроизводства. Нам глубоко чуждо это уродливое явление капитализма.*

● *Тысячу лет назад Русь перекрестилась и двинулась к коммунизму.*

● *Когда у нас день — в Америке ночь, так им и надо, буржуям.*

Г. У. МАМИН,
Новосибирск



Сбылась мечта Маркса: мы достигли бестоварного производства.

От рискованного земледелия — к рискованному потреблению.

Аппарат с подмоченной репутацией сильнее разбухает.

Берегите хлеб! Появится икра — будет на что намазывать.

Заявление. Прошу увеличить мою долю в национальном доходе.

Тамара КЛЕЙМАН,
Москва

Объявление: «Обиваю пороги. Оплата сдельная».

Когда-то не скупились на троянского коня, а теперь лишь подкладывают свинью.

Если в ваш огород бросили камень,— значит, устали носить его за пазухой.

Владимир МАРЫШЕВ,
Йошкар-Ола

Птичий базар вокруг рыночной экономики.

Народ, распятый на персте.

Анатолий ПАСТЕРНАК,
Боярка

Назвал вещи своими именами, но подписался чужой фамилией.

Владимир ЯКУШЕВ,
Кустанай

Плох тот ларек, который не мечтает стать супермаркетом.

Игры: найди крайнего! Попробуй, угадай! А ну-ка, накажи!

Пришла пора расхлебывать кашу с продовольственной программой.

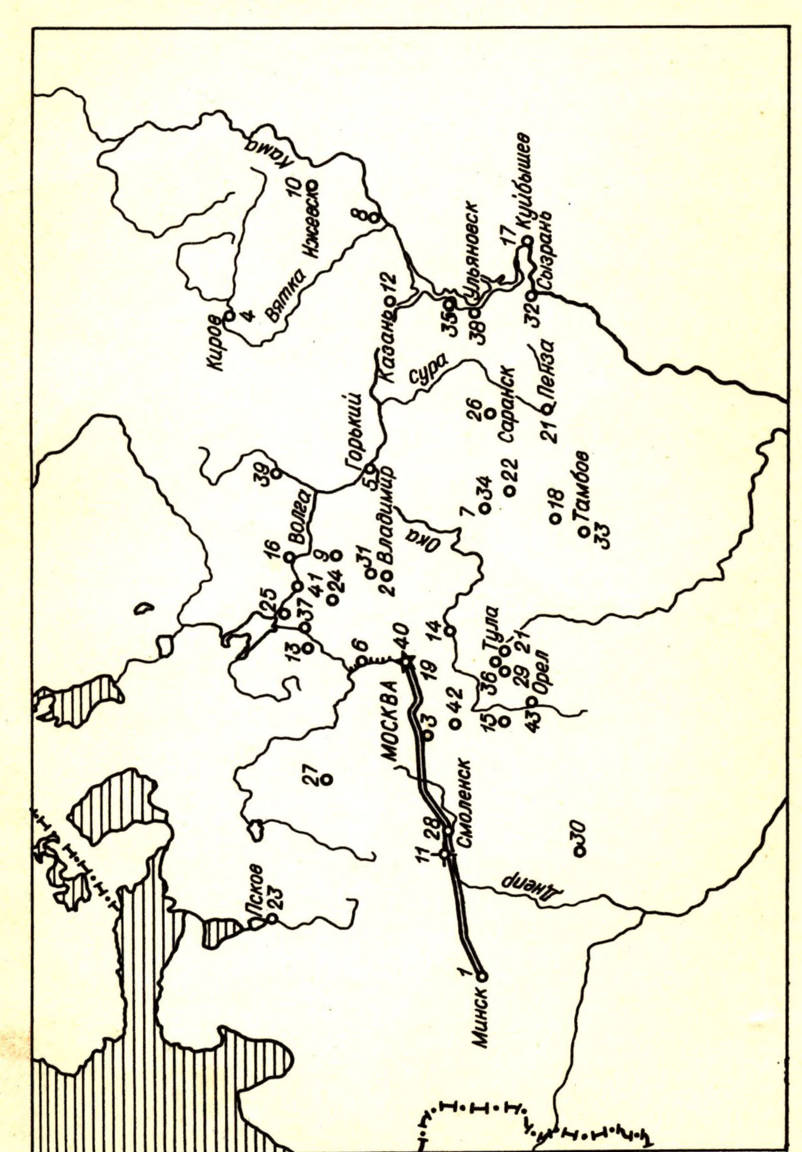
Вячеслав НАЛЕТОВ,
Киев

СОДЕРЖАНИЕ 10/90

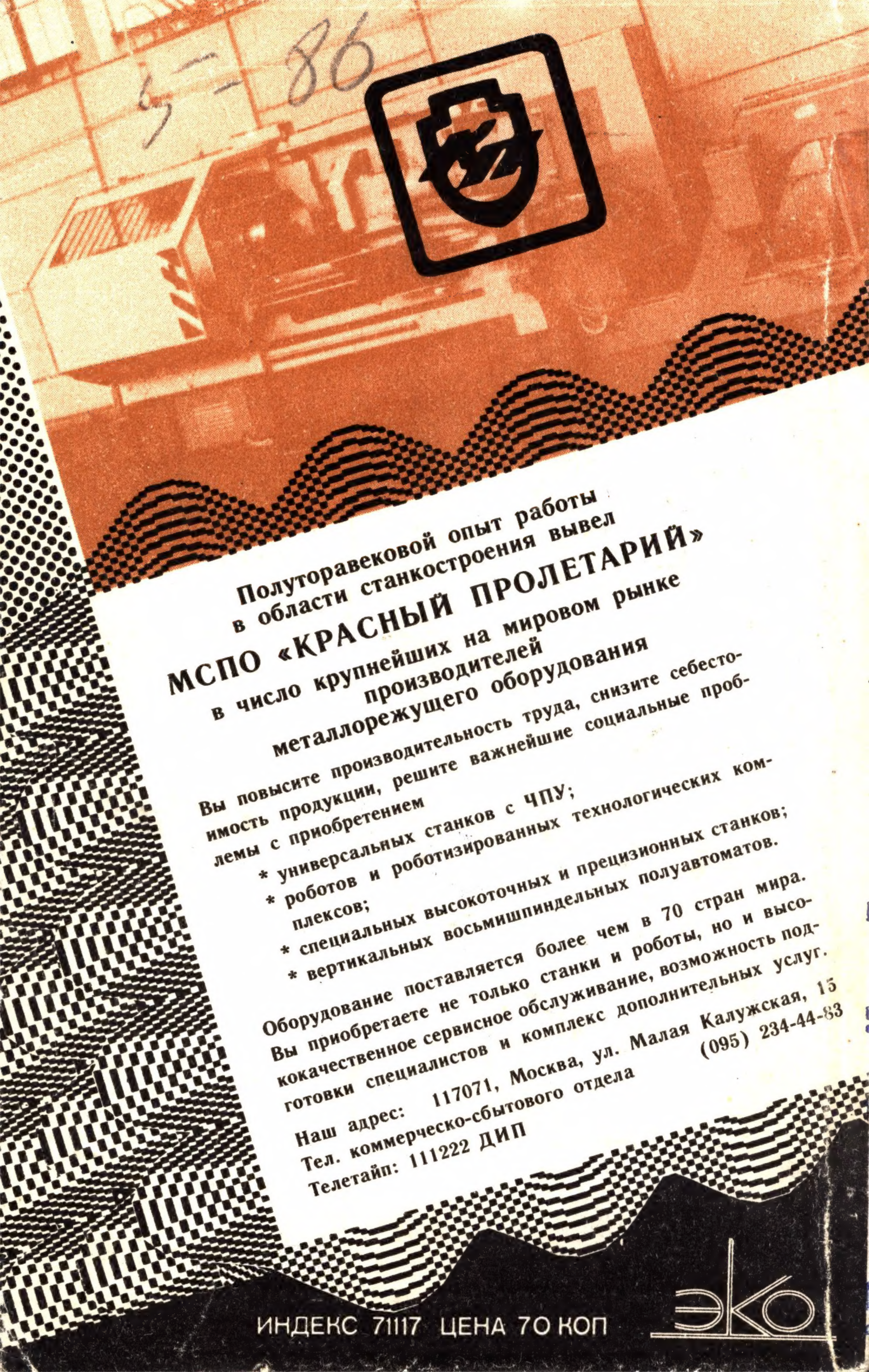
В следующий номер готовятся:

- Продолжение публикации венгерского экономиста Я. Корнаи «Дорога к свободной экономике»
- Под рубрикой «Народнохозяйственные заботы»— статья П. А. Орлова «Ускоренная амортизация»
- Статья доктора экономических наук В. Д. Белкина «Рыночная экономика: технология перехода»
- «Круглый стол» ЭКО по экономике физкультуры «Родиться заново!»
- Статья доктора экономических наук Р. В. Рывкиной «Производство — театр с перепутанными ролями?»
- Заметки с клуба директоров «Права и социальная защищенность директора»
- Продолжение романа Т. Н. Скортиа и Ф. М. Робинсона «Гибель „Прометея"»
- Материалы рубрик «Зарубежный опыт», «Научная жизнь», «Отклики и др.»

СТАЛИНСКИЕ ЛАГЕРЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР (СРЕДНЯЯ ПОЛОСА)



См. легенду на стр. 70


5-86
Полуторавековой опыт работы
в области станкостроения вывел
МСПО «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
в число крупнейших на мировом рынке
производителей
металлорежущего оборудования
Вы повысите производительность труда, снизите себестоимость продукции, решите важнейшие социальные проблемы с приобретением
* универсальных станков с ЧПУ;
* роботов и роботизированных технологических комплексов;
* специальных высокоточных и прецизионных станков;
* вертикальных восьмишпиндельных полуавтоматов.
Оборудование поставляется более чем в 70 стран мира.
Вы приобретаете не только станки и роботы, но и высококачественное сервисное обслуживание, возможность подготовки специалистов и комплекс дополнительных услуг.
Наш адрес: 117071, Москва, ул. Малая Калужская, 15
Тел. коммерческо-сбытового отдела (095) 234-44-83
Телетайп: 111222 ДИП
ИНДЕКС 71117 ЦЕНА 70 КОП
ЭКО

